

У Р А Л Ь С К И Й

№ 6 (564) 2004

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

**МАЙСКИЙ
ЭКСТРИМ!**

**КТО НЕ ВЕРИЛ
В ДУРНЫЕ
ПРОРОЧЕСТВА**

ДЕТИ В ПОХОДЕ

УРАЛЬСКИЕ АБОРИГЕНЫ

...52

.....77

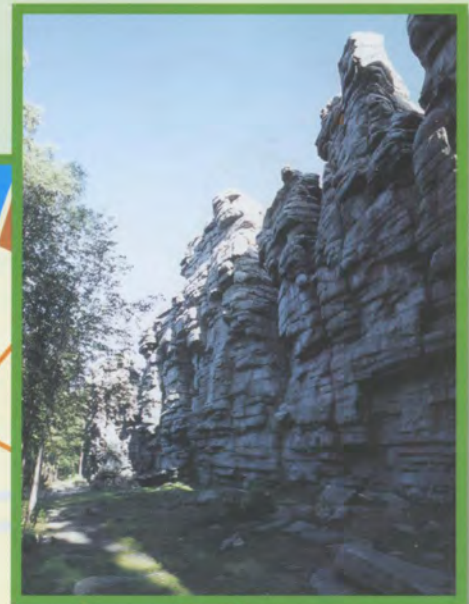
Голоса обложки

Маршруты Уральского следопыта

Популярный маршрут выходного дня начинается на ст. Северка. По асфальтированной дороге мимо Северских Каменных Палаток с посещением музея леса туристы через 1 час попадают к жемчужине Среднего Урала оз. Песчаное, которое славится не только своей красотой, но и чистой водой. Далее по грунтовой дороге вдоль высоковольтной линии путешественники через 2 часа выходят к подножию знаменитого скального массива «Чертово Городище». После осмотра возможен выход по лесной тропе к станции Исеть, либо к станции Гать (данный выход более сложен, т.к. придется преодолеть заболоченный участок длиной около 1 км).

Редактор раздела «Встречный ветер» А. Челноков

«Хочешь двигаться – ищи попутчика»

В номере 6 2004 (564)

Главный редактор
Максим Фирсов

Редактор раздела «Река времени»
Юний Горбунов

Редактор раздела «Аэлита»
Петр Родимов
«Встречный ветер»

Редактор
Александр Челноков
зам. редактора

Маша Раскольников
Художественный редактор,
верстка

Юлия Ульянова
1 полоса обложки

Александра Гурьева-Сажаева
Набор

Валентина Кадочникова
Корректор

Юрий Виноградов
Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт»

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор
заслуженный врач России

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотип и название журнала.
Рукописи не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62
Подписано к печати 15.06.2004 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 4500. Заказ №
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
www.uralstalker.ru

РЕКА ВРЕМЕНИ

Полуночные этюды	
Ю.ГОРБУНОВ <i>Елизавета Коломенская</i>	2
<i>Далекое-близкое</i>	
С.СКУРЫДИН <i>Тере-я – река аборигенов</i>	12
Музеи	
Ф.МЕДВЕДЕВА <i>Клятва, воплощенная в музей</i>	19
<i>Смотрите, кто пришел</i>	
Александра Гурьева-Сажаева: на мосту памяти.....	32
<i>Колонка редактора</i>	36
<i>Тропой поиска</i>	
В.ТРУСОВ <i>Старые рудники Кронских гор</i>	36
<i>Родословная</i>	
А.ПОДКОРЫТОВ <i>Там, где пела гармонь</i>	40
<i>Человек и природа</i>	
Ю.ВЛАДИМИРОВ <i>Рассказы о животных</i>	44
<i>Из первых рук</i>	
В.ВОЛЕГОВ <i>Харбинские отголоски</i>	50
<i>Пушкиниана</i>	
Л.ВСЕВОЛОЖСКАЯ <i>Пенза, Пушкин, Всеволожские</i>	54
<i>Легенды и были</i>	
В.СУРЕНКОВ <i>Провал над Думной</i>	74

АЭЛИТА

<i>Эксклюзия</i>	
Н.МЕДВЕДЕВ <i>На руинах</i>	8
<i>Современная проза</i>	
А.КОЖЕЙКИН <i>Рассвет</i>	16
<i>Современная поэзия</i>	
Ю.ВИНОГРАДОВ <i>Стихи</i>	22
Н.ГАЛАВТИНА <i>Стихи</i>	23
<i>Современная поэзия Урала</i>	
Т.КУЛЕШОВА <i>Стихи</i>	46
П.СМЕРТИН <i>Стихи</i>	47
<i>Дебют</i>	
О.ЯКУБЧИК <i>Крыша</i>	49
<i>Фантастика</i>	
С.КУСКОВ <i>Кто не верил в дурные пророчества</i>	57

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<i>Дети в походе</i>	
М.МЕЛЕКА <i>Умный в гору... или Один день из дневника одного туриста</i>	10
М.КЛЕТКИНА <i>Картинки из жизни мальчишек-скалолазов</i>	20
Н.БАРАНОВА <i>Вот такие мы – кадеты!</i>	42
<i>Невыдуманные истории</i>	
В.ЮКЧУБАЕВ <i>Аметист – камень редкий</i>	25
<i>Человек и природа</i>	
Д.ЕЛИН <i>Где Ты?</i>	34
<i>Советы специалиста</i>	
СПРОТИВНЫЙ ТУРИЗМ И ОХРАНА ПРИРОДЫ	52
<i>Проекты «Уральского следопыта»</i>	
И.МОРОЗОВА <i>«Отрыв» ушел в отрыв, но и «Титаник» не затонул</i>	77
<i>Леса Уральской горной страны</i>	
Е.САВЕНКО <i>Южный Урал. Горно-лесная зона</i>	4 полоса обложки

Юний ГОРБУНОВ

Елизавета Коломенская

Дочери Елене.

Я проснулся далеко полночь от предчувствия грозы. И сразу услышал, что проснулся не первым. Сухим нездешним светом мерцало незашторенное окно деревенского дома. Заполотно билась в его стекло уже было заснувшая сентябрьская муха. Через всю комнату протянул свою тонкую нить невесть откуда взявшийся комар: «вззз». И только потом где-то в небе вспыхнуло, через долгий промежуток громыгнуло, и громко-громко, как по барабану, застучали о стекло первые то ли блики, то ли капли.

Я понял, что пора и мне вплести свою мелодийку в эту полуночную симфонию. Встал, включил свет и очистил от вчерашней посуды уголок стола.

...Все могло быть именно так петербургской ночью 1810 года в одной из нижних комнат особняка Гаврилы Романовича Державина на Фонтанке, где обитала тогда 22-летняя княжна Елизавета Львова.* Могла быть и подступающая тоже ночная гроза.

Но не она разбудила девушку, а разбудило, как вспышка молнии, вдруг принятое решение: она должна стать матерью детям несчастного дядюшки Федора Петровича! Она не может более противиться зову, бояться молвы, досужив запретов и самое гнева Гаврилы Романовича и тетушки Дарьи Алексеевны. В ней, 22-летней, еще не знавшей мужской ласки, проснулась будущая мать. Явила себя так требовательно, что Лизе оставалось только встать с постели и начать деловито собирать в баул обиходные вещи.

Она уже знала, что в детской у Федора Петровича вот-вот проснется и заплачет отчего-то занемогший с вечера Николая, а няньку поди растолкай... Придется, как всегда, вставать Алеше, старшенькому, и успокаивать малыша. А Алеше и самому рано утром в гимназию.

С рассветом — что это было: май, июль, сентябрь? — Лиза окончательно решила, что не будет сегодня на придворном балу, куда ее, как на смотрины очередному жениху, готовит неугомонная тетушка Дарья Алексеевна.

* Дом на Фонтанке был построен по проекту Лизинго отца Н.А. Львова — с флигелями, открытыми галереями и большим садом с прудом, мостиками и беседками. Позднее, уже в середине XIX в., дом был перестроен для Римско-католической духовной коллегии. И только в одной из прежних сохранившихся комнат о Державине напоминает мемориальная доска. — Авт.

** Прекрасный портрет М.А.Дьяковой оставил нам художник Левицкий, и он украшает ныне один из залов Третьяковки. — Авт.

Отцом Лизы был тайный советник Николай Александрович Львов, известный тогда писатель, градостроитель и прожектор, а матерью — Марья Алексеевна Дьякова**, сестра которой, Дарья, вышла замуж за друга Николая Львова поэта Державина — полгода спустя после неожиданной потери им своей «Плениры», первой незабвенной жены Екатерины Яковлевны.

Н.А. Львов

М.А. Дьякова

Портреты работы Д. Левицкого

Лиза однако же рано осталась круглой сиротой. Когда ей минуло пятнадцать, умер отец, а еще через четыре года — мать. И девушка вместе с двумя сестрами и братом стала жить и воспитываться в доме поэта Державина.

Державины не только заменили девушке мать и отца, но дали полную свободу ее переменно-неугомонной натуре. Будучи сиротой состоятельной, она не скупилась на свои обычные наряды, являлась Петербургу в собственном экипаже, будоражила свет странностями. Бывало, устраивала в доме на Фонтанке настоящий бедлам, носясь по комнатам своего этажа и дорожкам парка такой сиреной с распущенными волосами. Прислуге на такой случай было велено убирать с ее пути все стеклянное и фарфоровое. Гаврилы Романович, глядя на племянницу, умилялся и сочинял ей шуточные любовные экспромты.

А в иные вечера это была совсем другая Лиза. Тихой послушницей появлялась она на еженедельных обедах своего дяди, известного миру поэта и отставного чиновника, где собиралось самое изысканное общество Северной Пальмиры. Наведывался новоявленный баснописец Иван Крылов и молодой, еще обретавшийся чиновным переводчиком, Сер-

гей Аксаков. Горели свечи в изящных канделябрах, звучали стихи и временами взлаивала собачка Тайка на «державных» коленях хозяина. Ближе к вечеру затевались танцы.

Но вот хозяин оставлял общество, поднимался в свой кабинет, и «послушница» являлась взору дяди кроткой и услужливой. Облаченный в домашний, подбитый беличьим мехом, шлафрок и вязаный колпак, прятавший лысину, поэт расхаживал по кабинету, затевая свою обычную поэтическую игру-разминку, адресуясь тут же пришедшими на ум строчками то к Тайке, неизменно пребывающей за обшлагом его халата, то к таким же бессонным канарейкам. Лиза внимала дяде всем своим прелестным существом, как некогда внимала ему незабвенной памяти Пленира. И в руках ее уже являлся грифель, на коленях — аспидная доска, и, не глядя на нее, а только провожая и провожая поэта глазами, она спешила записать то шутивное, то бессвязное, что рождалось подчас по самому пустяшному поводу.

Не так ли обозначилось на доске, а потом и на бумаге и это полшутливое-полулюбовное послание дяди и к самой «послушнице»:

Я воспел весну прекрасну,
Ныне розу я пою.
Всех цветов пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! Друг мой милой, юной!
Розе глас свой посвящай,
На гитаре тихоструйной
Песнь мою сопровождай.

Как вспоминают современники, поэт даже в его самые преклонные годы отличала невинная слабость к женскому полу и обильной еде.

Вечера длились нескончаемо и повторялись, повторялись. Лиза стала Державину незаменимой подручницей и нежданной-негаданной юной музой его последних творческих лет, как, впрочем, и две другие ее красавицы-сестры. Она заносила на бумагу все, что надиктовывал он стихами или прозой. Тому осталось и печатное свидетельство — «Объяснения Державина на его сочинения», продиктованные им Лизе и открывшие собой трёхтомник поэта, изданный в 1834 году Ф.П.Львовым. А также и посвященные ей стихи...

Поэт всегда тянуло к тому, чтобы сопроводить свои сочинения подробным комментарием «как на те места, кои иносказательны, так и на те собственные имена, кои мне одному известны». И вот однажды в отрадном своем имении — деревне Званке Новгородской губернии, где поэт проводил каждое лето с многолюдной своей семьей, стал он диктовать подробнейшие — на 165 большеформатных страниц убористого текста — комментарии, выбрав себе в помощницы 20-летнюю племянницу Лизу.

Два «званских» лета длилась кропотливая работа.

Дом Державина на Фонтанке. 1819 год.

«Объяснения» составили несколько объемистых тетрадей и представляют, помимо прочего, любопытный материал для истории своего времени. При жизни поэта тетради не были обнародованы и долгое время оставались собственностью их «рукодельницы» — Елизаветы Львовой. А в своем каноническом виде увидели свет только в 1866 году в одном из томов полного собрания сочинений поэта, любовно и тщательно изданном Яковом Гротом, историком и языковедом.

В одном из своих завещаний Державин, читаем в записках А.Ф.Львова, предполагал отдать Лизу в жены своему родственнику и земляку полковнику конной гвардии Дятлову с тем, чтобы подарить им свою фамилию, так как у него самого наследников не было. Но Лиза отказалась выйти за Дятлова.

Существует также версия, что Державин на склоне жизни подарил племяннице свои сочинения с правом печатать их после его смерти. Так пишет, например, биограф нашей героини некая Е.Ваганова в журнале «Русская старина». К сожалению, автор не оставила о себе никаких других свидетельств.

...Так разное и своевольно возросла в доме на Фонтанке Елизавета Львова. Как будто скоротечный черновик жизни прожила. И отложила-отбросила его в сторону: писать на белом ей предстояло совсем другую жизнь.

У Николая Львова, отца Лизы, был двоюродный брат, тоже Львов, Федор Петрович, — поэт, знаток и любитель музыки, директор придворной певческой капеллы, а в государственной службе усердный, но малоудачливый таможенный чиновник. Он с молодых лет был женат на Надежде Ильиничне Березиной, с которой счастливо народил чертову дюжину «львят», старшему из которых, Алексею, исполнилось теперь, к 1810 году, двенадцать. Надежда Ильинична, впрочем сказать, приходилась внучкой Дьякову — шурина и Державина, и Николая Львова.

Такая уж случилась у Львовых традиция: в женитьбах и замужествах не уходило далеко от семейного древа. Всех их связывало не только довольно близкое родство, но и дружество. Центром этого семейно-дружеского клана был Лизин отец Николай Александрович Львов, щедро наделенный самыми разнообразными талантами.

История милостиво сохранила нам только Львова-зодчего. Еще живы в Петербурге, Могилеве, Торжке его творения, несущие на себе печать вечности. Это и комплекс зданий петербургского Главпочтамта с масками львов под фронтонами, аналогов коим мы не найдем по всей северной столице; это и Невские ворота Петропавловки, давно ставшие своего рода символом крепости; это и совершенно оригинальный по архитектуре гатчинский Приорат, пожалуй, единственная дожившая до наших дней, землебитная постройка. Но, увы и увы, канул в Лету ироничный поэт Николай Львов, Львов-фольклорист, переводчик, теоретик и историк искусства. Забыт и главный его талант — неудержимое прожектёрство и умение поддержать и ободрить любое, к нему прикоснувшееся, дарование. Баснописец Хемницер жил в его доме и жаждал его суда, остроязычный Василий Капнист, тоже из родственного Львовым-Державиным окружения, не обходился без его советов; да и сам Державин свою знаменитую оду «Фелица» повез прежде всех своему первому критику Львову.

Но мы оглянулись назад от года 1810-го.

С детских лет Лиза была своим человеком в большом деревянном коломенском* доме двоюродного дяди Федора Петровича. Ее странно притягивал к себе этот дом, что называется, доверху нашпигованный детскими голосами, смехом, капризами и кутерьмой. Наверное года не прошло, чтобы его не оглашал своим появлением новый обитатель, и в многолюдстве этой небогатой, но дружной семьи Лиза чувствовала себя как в родной стихии. Она любила их всех, никогда не являлась без щедрых подарков и готова была неделями не покидать коломенского ковчега — так окрестили дом сами его обитатели. А вернувшись на Фонтанку, записывала свои впечатления по-французски, как то было принято в светских семействах. (Теперь этот ее «детский журнал» ждет своего благодарного переводчика в фонде рукописей Института русской литературы).

В одной из тех Лизиних тетрадей читаем строки, относящиеся к интересующему нас времени: «Моя кузина Надя (жена Федора Петровича Надежда Ильинична Березина. — Авт.) опасно больна. У нее родилась дочь Александра, после чего она настолько ослабела, что доктора находят ее безнадежной. Я не отхожу от ее постели. Горе Федора раздирает мое сердце! Счастье этой чудной семьи навсегда разбито! Какое ужасное испытание!»

Вскоре Надежда Ильинична скончалась.

Что было дальше, трудно поддается здравому рассудку. Е. Ваганова рисует нам картину страстной любви 20-летней девицы и ее 45-летнего дяди, который все свободное от служебных занятий время проводит теперь в доме на Фонтанке и, почувствовав взаимную страсть племянницы, в один прекрасный вечер открывает свои намерения Гавриле Романовичу и Дарье Алексеевне. Обескураженные таким поворотом дела, оба не только наотрез отказывают ему в руке своей воспитанницы, но запрещают даже появляться в их доме с подобными намерениями.

* Коломенский остров, Коломна — этот исторический район С.-Петербурга знаком нам по «Шинели», «Портрету» Гоголя и «Домику в Коломне» Пушкина. Сейчас это название носит только пешеходный мост через канал Грибоедова в районе ул. Володи Ермака. — Авт.

Г.Р. Державин. 1815 год. Работа А. Васильевского.

Едва ли, думается нам, случившееся можно объяснить любовной страстью. То, что ожидало юную супругу в доме небогатого вдовца — сначала стихотворца и меломана, а только потом уже чиновника, вынужденного содержать огромную семью — способно было охладить самый неистовый любовный пыл.

И вот мы подошли к той роковой ночи в доме на Фонтанке, с коей и начали наш этюд.

С раннего утра дом готовился к балу при императорском дворе. Наряжались и сутились все, но в центре этой суеты пребывала, конечно, Лиза. Неугомонная Дарья Алексеевна была уверена, что на этот раз ей удалось подобрать для капризной, как ей казалось, племянницы неотразимую партию. За красавицу Львову готов был посвататься богатый и удачливый граф, коему — и это знал весь придворный Петербург — сулилась в ближайшем времени завидная дипломатическая карьера (скажем к слову, что она и состоялась: граф Марков вскоре стал российским послом при наполеоновском Париже).

Лиза не помнит, как провела этот день. Ее без конца наряжали в новое бальное платье, которое всякий раз оказывалось еще чуточку не готовым. В висках ее колотилась одна, единственная мысль: как сказать тетушке о своем твердом решении не идти на бал? Какой найти *raison*? Ведь этот ее отказ тотчас аукнется на втором этаже, в кабинете дядюшки Гаврилы Романовича и вызовет его «поэтическое» притворное негодование.

Поэт, до обеда пребывающий в своем колпаке и шлафроке, не озабочен родственным рвением Дарьи Алексеевны. Ему не светит для племянницы ни сказочный принц Марков, коего он и знать не знает, ни закусивший новые любовные удила директор придворной певческой капеллы. Его, Гаврилы Романовича, каприз — чтобы Лизанька как можно дольше оставалась при нем, его послушницей и музой. Еще наживется в женах, еще нарожается — какие ее годы! А ему, уставшему поэту, без

милых и услужливых сестер Львовых где, скажите, нынче брать вдохновение?

Но против Дарьи Алексеевны ему не устоять. Милена (поэтическое имя жены) знает, что делает, и ему придется хмурить лоб, говорить Лизаньке нравоучения, и послушная Тайка, подыгрывая хозяину, будет тоже притворно влзать на Лизу из-за обшлага его шлафрока.

А однажды вечером, когда они опять останутся вдвоем, племянница запишет на аспидной доске его очередной амурный экспромт:

Лиза голову чесала
Скромно гребнем золотым;
Взявши волос, привязала
К красотам меня своим...

Но вот уже и вечер. Уже и новое платье готово объять красавицу, а слов протеста у Лизы нет, и голова разламывается, и в глазах темно. Вот уже и туфли бальные стоят, и нога протянута девушке для чулка... Не из кареты же ей прыгать, в самом деле.

Уже не думая ни о чем и не говоря ни слова, Лиза схватила с ночного столика перочинный ножик и полоснула лезвием по пятке. Вскрикнула девушка, брызнула кровь — на чулки, на туфли, на ковер... Сбежалась прислуга. И Дарья Алексеевна прошествовала к ней через всю спальню. И остановилась над ней. И молчала. Только пальцы ее на уровне Лизиных глаз что-то нервно перебирали.

А Лиза сидела, уронила руки, обессиленная и вся в счастливых слезах.

Теперь-то она знала, что делать — Рубикон был перейден и не лежало дороги назад.

Когда дом опустел и не слышен был даже второй этаж — Гаврила Романович наверно задремал после пережитого переполоха, — Лиза велела прислуге подать ее карету, втиснула в чей-то башмак толсто перебинтованную ногу, кликнула братьев-сообщников, и они понеслись на Петергофскую дорогу, где невесту в условленном месте уже нетерпеливо поджидал жених.

Уговорились обвенчаться тайно, в церкви села Ульянки, что на Петергофской дороге*.

Пример нетерпеливым любовникам подали не кто иной, как родители Лизы. Некогда именно так еще безвестный молодой архитектор Николай Львов обменялся обручальными кольцами со столичной красавицей Машенькой Дьяковой, дочерью сенатского обер-прокурора. Разница толь-

ко в том была, что Марья Алексеевна после тайного венца с опозданием, но приехала на бал, а Лиза вернулась на Фонтанку и на другой же день все как на духу выложила Дарье Алексеевне — напомним: родной сестре той самой Машеньки Дьяковой, примеру коей Лиза и последовала.

Дом на Фонтанке уступил-таки нежеланной ему, дому, Лизиной прихоти, и она, счастливая и торжествующая, отправилась в коломенский ковчег. Очередной ее «детский журнал» начинается так: «Я замужем; замужем за Федором, которого боготворю, у меня десять человек детей...». В ее устах это звучит так: не было ни гроша, да вдруг — алтын.

Для нас, сегодняшних, сумасбродная прихоть 22-летней девицы, обеспеченной и благополучной, которую ждала завидная партия и безбедная жизнь в столичных удовольствиях, похоже, еще более непостижима и непростительна, чем для дружеско-родственного державинского окружения.

Бог ты мой! Сколько самых невероятных для здравого смысла предубеждений и феминистских нелепостей нагромодили мы за прошедшее время на женщину и ее призвание, Богом дарованное и благословенное — производить на свет детей и пестовать их в самозабвенном материнском счастье! Высокая духовно-творческая миссия, ума-

Санкт-Петербург. У Красного моста через Мойку.

ленная и униженная в женщине до примитивного физиологического акта, подчас нежеланного, вынужденного, поспешно-обыденного, второзначающего, якобы мешающего ей обрести желанную свободу и равноправие — какая непоправимая дисгармония внедрилась в отношении полов, нарушив естественный процесс жизни и став первопричиной нашей деградации!

Процесс человекотворения мы не воспринимаем как подвижнический и богоданный. За него не полагается у нас даже элементарной зарплаты, не говоря уже о славе и почестях. В пору детства, то есть формирования души, ребенок оторван от духовного материнского лона. И кто только не тянется к этой тонкой субстанции чужеродными перстами: детсад, школа, улица, пионерская организация... А у семи нянек, как известно, дитя вырастает без глаза.

* Ульянка — теперь не село, а район в черте С.-Петербурга, через который проходит и Петергофское шоссе, бывшая дорога на Петергоф (ныне Петродворец). — Авт.

Посмотрим теперь, как повела себя в коломенском ковчеге наша 22-летняя женщина, в одночасье став мачехой десяти разнополых детей. А начала она с того, что сделала этих детей *своими*, избавившись от услуг сразу нескольких бонн и гувернанток, которые потщились было заменить им родную мать. К старшим теперь приходили только учителя, а младших она и вовсе взяла под свою опеку. Едва ли не с пеленок учила их русскому и французскому, музыке, пению и разнообразным рукоделиям, к коим и сама вдруг оказалась удивительно приноровленной.

Немалые, видно, средства, доставшиеся ей от отца, были отданы в коломенский общий котел, но каких денег хватило бы на такое семейство! И новоиспеченная мать стала сама расчетливо и дотошно вести все домашние дела и расходные книги. А надо еще принять в расчет, что сразу же пошли у нее и собственные дети. По сведению, оставленному той же Е.Вагановой, в продолжение 25 лет замужества Елизавета Николаевна благополучно перенесла шестнадцать родов!

Представим себе теперь повседневную жизнь коломенского ковчега — семьи придворного музыканта, дорянина, одно время даже члена Государственного совета. Семьи, где мягко и незаметно главенствовала и царила еще молодая тогда Елизавета Николаевна.

В обычные дни зал и гостиная дома обретались в полумраке — это из экономии. Только в лакейской горела сальная свеча. Зато в «цветочной» комнате — Федор Петрович обожал цветы, любил их разводить и лелеять — вечерами собиралась вся семья — каждый со своим занятием или рукоделем. Только здесь дети видели отца — эту вечно занятую и вечно вдохновенную особу. А мама с ними была всегда. Даже тогда, когда ее по какой-то причине рядом не было.

Повседневный стол семьи поразил бы нас обычностью русских блюд и простотой сервировки. Какое-нибудь заморское масло, обретающееся в изящной плетеной упаковке, привезенное из Италии, доставалось только по случаю очень знатных гостей. Сами, скажем, на десерт лакомились мороженой клюквой с медом, доставленными от крестьян из петергофской дачи.

В ковчеге были частыми и желанными гости — родные и знакомые. Вечер тогда длился за бесконечным чаем с разговорами, никаких особых нарядов или угощения не требовалось.

Если кому-то из сыновей приходило время поступать на военную службу — так обычно начиналась дворянская карьера (например, старший сын Федора Петровича Алексей восемь лет служил офицером-строителем на военных поселениях Аракчеева), и наступала нужда в самом необходимом — ту же офицерскую шинель справить — устраивали веселую семейную складчину, принимая в долю даже старушку няню с ее двумя-тремя рублями, которая иначе смертельно обидится. А всё мамина, всё мамина незаметная и легкая наука.

Но было на Коломне и другое время. Когда по желанию все той же вечно беременной, но неугомонной Елизаветы Николаевны устраивались для молодежи музыкальные вечера. Это были своего рода экзамены для ее дочерей и сыновей после их ежедневного творческого затворничества. Показывали, кто на что горазд; играли на самых разных инструментах,

пели на разные голоса, лицедействовали в домашних спектаклях... И опять-таки мама всему была наставницей и режиссером. Коломенский дом Львовых был в ту пору притягательным местом для всей столичной молодежи.

А случалось, что таланты коломенский Львовых производили в Петербурге настоящий фурор. Это когда вдова Гаврилы Романовича Державина — Дарья Алексеевна просила свою племянницу и ее богатое дарованиями семейство устроить у нее на Фонтанке бал-маскарад. Расходы и гости ее — «державные», а заботы о празднике — на плечах коломенской родни. На таких балах уж всенепременно присутствовали государь Николай Павлович, императрица и весь придворный бомонд.

Е.Ваганова оставила нам описание нескольких таких действий, взятое ею из записок одной из дочерей Елизаветы Николаевны. Увы, самих записок мне разыскать не удалось.

Диву даешься, сколько разножанровой выдумки таили в себе эти маскарады коломенского семейства Львовых! Тут и пригласительные афиши, напечатанные на разноцветных атласных лентах. И отрывки из опер в исполнении голосистых «львят». И необычный вальс, когда из разных концов залы появляются пары, одетые в костюмы разных времен года, а потом пары, являвшие четыре части света. «Азией была я с моим мужем, тогда еще и не думавшем на мне жениться». И «французские шарады» — тоже в жанре танцев. И оживающие картины, устроенные с помощью волшебного фонаря и «китайских теней» — на самые разные исторические сюжеты.

«Помню, что танцы уже далеко зашли за полночь, бал подходил к концу, я стояла при входе в зал и видела, как три министра: князь Волконский, министр двора, князь Чернышев — военный и граф Нессельроде — иностранных дел, сговаривались уезжать по домам и шли по направлению к выходу, когда из боковой двери под звук заманчивой мазурики влетели в зал в польских костюмах 12 пар дам с кавалерами, как бы на подбор, одна пара лучше другой. В одно мгновение все три министра, как юноши, вскочили на окно, чтобы лучше видеть танцующих».

Каждый год такие балы на Фонтанке будоражили Петербург. Старшие Львовы обзаводились семьями и являли свои дарования на иных поприщах, но подрастали внуки, и Елизавета Николаевна находила силы и время и их вдохновлять и приноравливать к творчеству. И снова длились праздники-итоги, праздники-экзамены.

А утром мама поднимала всех, как обычно, и побуждала к исполнению обыденных обязанностей каждого. В семье, например, было обычаем ездить по бедным домам Коломенского острова и раздавать самими сшитое платье и белье...

Когда Федор Петрович и Елизавета Николаевна ушли из жизни (Е.Н.Львова умерла 74-х лет), их поколение состояло из 113 человек. А уходила она словно бы не навсегда, а ненадолго. Прощаясь с детьми и внуками, остерегала, чтобы не простудились на ее похоронах, а Алексей, вечно рассеянный, не забыл бы надеть теплые калоши...

В новейшем 5-томном биографическом словаре «Русские писатели» (М., 1994) находим имя и Елизаветы Николаевны Львовой. Только какой же она писатель! Записанные ею в молодые годы со слов Державина комментарии к его со-

чинениям, «Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовской», составившие два десятка страниц журнала «Русская старина», — вот и все, что было опубликовано. «Детский журнал» — ее повседневные записки для детей, сделанные на французском языке, как уже было сказано, — ждут своего переводчика и публикатора в архивном фонде. Маловато-таки литературных заслуг для обитания на Парнасе.

Но как же радуется душу присутствие здесь, среди увенчанных лаврами, Елизаветы Николаевны! Ведь сколько талантов она выпестовала и вдохновила на творчество, сколько своей жертвенной любовью дала дорогу! Только упомянутый нами биографический словарь «Русские писатели» (всего-то пятитомный!) называет около десятка. Федор Петрович Львов, ее супруг, композитор, музыкант и поэт державинского круга. Его дарование, выразившееся в собрании поэтических досугов «Часы свободы в молодости», тогдашняя критика назвала «оригинальным, ярким и пламенным». Ее пасынок, композитор, скрипач и дирижер Алексей Федорович Львов, автор духовной музыки и в том числе музыки русского гимна «Боже, царя храни». В своих мемуарных записках он пишет так: «Бог не оставил нас: дал нам

мать другую, составляющую и поныне связь и счастье всей семьи». Ее сын Леонид Федорович Львов стал директором московских императорских театров и оставил воспоминания о поездках по губерниям, о встречах с декабристами. Другой ее сын, Федор Федорович Львов, художник и архитектор, конференц-секретарь императорской Академии художеств, директор Строгановского училища в Москве, — тоже написал интересные воспоминания. Ее дочь Мария Федоровна Ростовская (урожд. Львова) стала известной детской писательницей, как и вторая ее дочь — Надежда Федоровна, в замужестве Самсонова — та самая, что танцевала на бале-маскараде в костюме Азии.

Любопытный и очень симптоматичный факт: в академическом собрании сочинений Г.Р. Державина, которое оригинально и я бы сказал вдохновенно сотворил академик Яков Карлович Грот, первый том предваряет не изображение самого Гаврилы Романовича, а портрет первой его жены («Плениры») Екатерины Яковлевны; третий же том открывает роскошный портрет второй жены поэта — Дарьи Алексеевны «Милены». Это словно бы молчаливое признание их «соавторства», и в этом признании есть целая бездна справедливости.

Михаил БУРАКОВ, Инесса ЕРЕНБУРГ.

ЮБИЛЕИ

Зорко одно лишь сердце!

В 1959 году в Советском Союзе впервые вышла в переводе Норы Галь сказка-притча французского летчика Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Вышла через 15 лет после гибели автора. Вышла и стала завоевывать сердца и души тех, кто к ней прикоснулся. И те, кого приручила эта сказка, потянулись к другим повестям и рассказам Экзюпери: «Южный почтовый», «Ночной полет», «Военный летчик», «Планета людей». Из них вставал мужественный и обаятельный образ летчика, для которого его работа — почти «дороже жизни».

Детская распахнутость Экзюпери всему миру, его неуспокоенность оказались очень сродни русскому характеру. И многие у нас считают его «самым русским из французских».

Видимо, неслучайно клуб друзей Сент-Экзюпери возник в России, превратившись позднее, в XIX в., в международный. Возглавил его бывший военный штурман Николай Ильич Яценко. Тридцать лет он собирает материалы о жизни и творчестве Экзюпери. В составе клуба 83 человека из девяти стран мира: России, Франции, Украины, Белоруссии, Казахстана и др. И.И. Еренбург представляет в клубе Урал.

В этом году исполняется 60 лет со дня гибели писателя, героя французского Сопротивления. Его самолет был сбит над Средиземным морем. Многие годы летчик и его машина считались без вести пропавшими, и только в самое пос-

леднее время поиски на дне моря увенчались успехами. Установлено, что найденные на дне обломки самолета — это тот самый аппарат, на котором ушел в последний полет Экзюпери.

В память о герое-летчике и писателе-гуманисте мы решили провести в Екатеринбурге фестиваль «Маленький принц». И девизом его сделали ключевую фразу из сказки, секрет, который прирученный Лис сообщил Маленькому принцу, как подарок при прощании: «Зорко одно лишь сердце!» Мы хотим сделать наш фестиваль подарком всем, кто любит творчество Экзюпери, и тем, кто его еще не знает.

31 июля в детско-юношеской библиотеке на ул. Карла Либкнехта пройдет заседание памяти Сент-Экзюпери, а основные мероприятия фестиваля состоятся во Дворце молодежи в середине октября.

Нас поддержали екатеринбургское отделение общества «Друзья Франции» и некоммерческое партнерство «Французский Альянс — Екатеринбург».

Кроме нескольких спектаклей «Маленького принца», поставленного разными коллективами по разным инсценировкам (сейчас заявлено 6 спектаклей), объявлены конкурсы на лучшее стихотворение или песню, посвященную Экзюпери или его героям. Возраст авторов от 0 до 100, а вот конкурс рисунков — только для детей до 15 лет включительно.

Дополнительную информацию о конкурсе можно получить по тел. 375-09-65.

Николай МЕДВЕДЕВ

На руинах

Утро. Поезд остановился лишь на минуту. Я вышел...

Мне рассказывали: пойдешь от остановки вправо, через полторы сотни метров будет порога, сворачивай на нее, перейдешь небольшой мостик — иди дальше; она тебя и выведет на *Балыгу.

Не знаю отчего, может быть, потому, что дорога выглядела мрачно, но мне взгрустнулось. Было уже часов десять, солнечно, однако лес, обступивший дорогу, не пропускал живительных лучей. Он был так густ, что казалось: идешь под каким-то сумрачным, влажным, зеленым пологом. Становилось жутковато и неудобно.

Я шел, глубоко задумавшись, не зная, когда кончится эта длинная дорога.

Потом ландшафт несколько изменился: справа появились желтые поля ржи, а лес немного посветлел. Но меланхолия и чувство тревоги не покидали меня. Затем дорога снова нырнула под зеленый полог, а я все шел и шел. Сколько же километров? Пять? Шесть?..

Между тем солнце поднималось выше и дорога уже купалась в его лучах, на ней появилось каменное мощение, а по обеим сторонам стали попадаться плодовые деревья: груши и яблони, сливы и алычи, даже маньчжурские орехи — все говорило о том, что цель похода, по-видимому, близка.

Я уже попробовал желто-оранжевых плодов алычи, мелких, невзрачных, но сладких груш, кисловатых яблок, однако внимание целиком поглощала брусчатка дороги. Я шел по ней, кем-то когда-то выложенной. В этом была какая-то таинственность и ожидание чего-то. Возможно, много веков назад по этим плотно уложенным, тесаным камням, стуча колесами, катились конные экипажи, из окон которых выглядывали прелестные лица красавиц. А может быть, тут устало ступали скакуны под тяжестью закованных в латы рыцарей, возвращавшихся из грабительских набегов на поселения пруссов. Или сами пруссы шли здесь, чтобы осадить ненавистных пришельцев в их замке. И уж наверняка по этой дороге грохотали гусеницы танков в минувшую войну...

Как все странно, я шел по дороге истории: кровь и страдания, таинственность и романтичность, средневековье и современность. Камни под ногами немые. Но сколько они видели!..

Кусок красной стены появился из зарослей вдруг, словно в сказке. Я свернул с дороги, залитой солнцем, в сумрак лесной чащи: глубокий осыпавшийся ров преграждал мне путь. Огибая его, я дошел до насыпной перемычки (несомненно, когда-то здесь был мост) и остановился. Воображение рисовало мне мощную, высокую зубчатую стену замка, подъемные механизмы моста, крепостные ворота, приврат-

ника... От этого веяло такой реальностью, что я почти физически ощутил его требовательно-вопросительный взгляд.

За рвом заросли расступились, и брызнуло солнце: взору открылись несколько полуразрушенных стен с сохранившейся штукатуркой, а дальше — снова лесной сумрак. И это все, что осталось от замка? Не много. Лучше сохранились остатки восточной крепостной стены, сложенной из огромных валунов, скрепленных раствором, они по крутому склону спускались к самому заливу.

Расположение замка было классическим: на небольшом плато с одной стороны — северный залив, с двух других — естественные склоны, восточный крутой, западный более отлогий; единственный удобный подход с юга, но там глубокий ров и, видимо, по всему периметру существовала крепостная стена. Да, место выбрано удачно, но как все мрачно: запустение, дикость, то там, то тут из земли торчат бетонные колпаки — это уже следы недавней истории. Сразу вспомнилось — рассказывали, что в конце войны на Балыгу перебазировалась германская разведшкола. Я хотел присесть на валун и вздрогнул — с нагретого солнцем камня бесшумно соскользнула змея...

Зигагами, от камня к камню, я бродил по плато, временами наткался на очертания фундаментов каких-то построек. То и дело попадались глубокие ямы, вокруг которых были разбросаны коричневатые кости. А ведь это останки людей. Печальна участь их, если и после смерти им нет покоя...

Право, это была грустная картина. Удрученный увиденным, я невольно стал озираться по сторонам — нет ли здесь кого еще? Не чувство страха, но ощущение тяжести и подавленности заставило меня поспешить вниз. А там царствовали солнце и вода. Небольшие ласковые волны накатывались на прибрежную гальку. Я шел вдоль кромки прибоя...

Ветхий баркас, брошенный на берегу, пустынное побережье, голубизна неба и залива, желтизна песчаного берега, неспешное перешептывание волн, ослепительное солнце — словно бы я уже когда-то видел все это. Вечность. Время здесь остановило свой бег...

Между тем тень переместилась справа налево, и пора было возвращаться. Ходьба по песку утомила меня, и, поднявшись по откосу берега вверх, кромкой поля я двинулся назад. Августовскую ярко-желтую рожь ветер перекачывал волнами, плавно изгибаясь, они катились к самому горизонту. Эта спелая рожь, этот желтый радостный цвет действовали на меня умиротворяюще: я шел и думал о том, что точно такую же рожь человек сеял сто, триста, тысячу лет назад... Мне казалось, что это вовсе не я, а кто-то другой идет вдоль ржаного поля. Откуда он, из прошлого или из будущего? И не это ли есть Вечность? Я мучительно искал ответ на этот вопрос. Ответа не было.

Проходя мимо замка, я снова свернул к нему...

* Замок, заложенный крестоносцами на территории Пруссии в 1-й половине XIII в.

Я сидел на камне и размышлял о бренности жизни, о превратностях судьбы, о людях, некогда населявших эту землю, о жестоких войнах, наконец, о ходе истории, которую никогда нельзя исправить — что было, то кануло. Человек — венец творения Природы. Но как еще далеко ему до совершенства. И будет ли он когда-нибудь совершенен безукоризненно? Ведь не приди сюда крестоносцы семьсот лет назад, история этой земли пошла бы по другому пути. А если б не случилась Вторая мировая война? А что будет спустя тысячу лет, две, три тысячи лет после нас? Мы, живущие сейчас, никогда не узнаем об этом.

Неожиданно сбоку мелькнула большая черная тень, и метра в трех от меня на землю опустилась птица. Черный ворон! Первые я видел эту птицу так близко: темный, как ночь, с черным, отливающим синевато-фиолетовым оперением, переступая с ноги на ногу, ворон замер. Наклонив голову, он смотрел на меня блестящим глазом. Я сразу вспомнил про воронов из сказок, которые живут триста лет. На самом деле долголетие этих птиц ограничивается семьюдесятью годами. Но и семьдесят лет — громадный возраст для птицы. Интересно, почему он сел рядом со мной? Ведь о его осторожности и мудрости слагают легенды. Нахлывшийся ворон был все так же неподвижен, только теперь его взгляд показался мне угрюмым и мрачным. Почему-то подумалось, что он прилетел сюда издалека. Скиталец. О чем он думает? Почему так смотрит? Сколько ему лет? А вдруг он много старше меня? Сколько же он повидал на своем веку?

Вот так мы и сидели — человек и птица, пытливо глядя друг другу в глаза. Однако мне пора было идти. Когда я еще доберусь до поезда по этой длинной дороге? «Ну что, оставайся, скиталец», — вслух произнес я и, стараясь не потревожить птицу, осторожно сделал шаг в сторону. Что-то вжикнуло в воздухе. Я оглянулся и оцепенел: шею ворона пробила тонкая длинная стрела с широким четырехгранным крестообразным наконечником, по остро отточенной грани которого к острию, набухая, медленно стекала алая капля крови. Ворон распластал могучие крылья, но силы уже покинули его. Ткнувшись клювом в землю, он упал на нее грудью и затих, только чуть-чуть подрагивало белое оперение стрелы.

Потрясенный, я смотрел на птицу, слыша, как трещат ветки и кто-то лезет из кустов. Это был мальчик лет десяти, держащий в руках великолепный арбалет и пучок стрел. Вздурораженный, с горящими глазами, он почти бежал к убитой птице. Черт возьми! Дрогнула рука у этого стрелка — и стрела досталась бы мне.

— Зачем ты сделал это? — еде сдерживая ярость, спросил я мальчика.

— А что? В лесу и пострелять нельзя?

Ответ ребенка изумил меня своей дерзостью. Вот такие дети пошли, за словом в карман не лезут.

— Лучше бы ты стрелял по мишеням. Загубил птицу. И какую! — я разглядывал арбалет в его руках. «Вот так игрушка! Самое настоящее оружие».

Под моим пристальным взглядом мальчик явно смутился, но тут же завопил:

— Папа, я подстрелил ворону!

С противоположной стороны из зарослей вывалился крепкий малый в синих джинсах и рубашке в крупную зеленую клетку.

— Молодец сынок! У тебя верная рука и зоркий глаз. Ох-хотником будешь, — высокопарно, с ироничной снисходительностью на ходу ответил папаша и, размахисто шагая, поспешил к нам.

Не обращая на меня внимания, он ловко выдернул стрелу из шеи ворона.

— Ишь ты! Редкий экземпляр. Мы отдадим «птичку» дяде Феде, он сделает нам отличное чучело. Каков красавец! — крупная рука с массивным золотым перстнем на пальце разглаживала оперение на крыльях.

А я не мог оторвать глаз от наконечника стрелы: четыре ножевидные грани способны были нанести страшную расщепленную рану. Такой стрелой можно уложить даже крупное животное — оно падет от потери крови. Дьявольское изобретение!

— Хороший арбалет, — сказал я.

Малый словно только заметил меня.

— Да. Американский. Я заплатил за него четыреста пятьдесят долларов.

«Вот так вот, — отметил я. — Американский... От них можно подобного ожидать — любители таких «игрушек». А вслух произнес:

— Бессмысленное убийство. Птица прожила лет пятьдесят, а возможно, и более. Вдумайтесь в это — пятьдесят лет! И вдруг жизнь оборвалась. Нелепо... Бессмысленное убийство, — повторил я.

Малый посмотрел на меня более внимательно, но с явной неприязнью.

— Бросьте вы свои сентименты. Мальчик сделал отличный выстрел. И вообще какое вам дело?

Какое мне дело? Ворона жаль. Судя по величине, он все-таки был долгожителем. А если так, то скольких опасностей избежал за свою жизнь. Надо же было ему сесть рядом со мной. «...Какое вам дело?»

— Птицу жаль! — отрезал я.

— Оставьте свою жалость при себе. Нервы надо беречь, — малый снисходительно ухмыльнулся.

Где-то колосилась спелая рожь, набегали на берег волны; где-то совсем недавно шел человек, размышлявший о Вечности. Наверное, он остался там, внизу, а здесь стоял кто-то другой. И этот другой смотрит сейчас на черные блестящие перья, окрашенные кровью. Зачем это? Мальчик... Вот ведь кто сделал этот выстрел. Выстрел ради забавы. Я взглянул на ребенка: он переводил взгляд с отца на меня и обратно. О чем он думал, слушая разговор взрослых? Что останется в его юной душе? А ворона уже нет... Как бесконечно длинен сегодня день: я прошел сквозь тысячелетия, я был в прошлом и будущем, я заглянул в глаза Вечности, а вот сейчас нахожусь в настоящем. «...Какое вам дело?»

Продолжать разговор дальше не имело смысла. Я повернулся и пошел к дороге. Я шел и думал о вороне, о замке Бальга; я думал о человечестве, об отдельно взятом человеке, о его жизни, о том миге, который отпущен ему во Вселенной.

Марина МЕЛЕКА

Умный в гору...

ИЛИ

Один день из дневника одного туриста

Мысли нижеизложенные решили посетить мою голову в прошлом году, во время моих скитаний по Северному Уралу. Если честно, то когда стала перечитывать все дома, показалось, что это сценарий к последнему триллеру Люка Бессона, но это на самом деле реальный день. Итак: август, раннее утро, горы...

«С добрым утром, моя дорогая великомученица! Сегодня ты особенно выглядишь и у тебя прекрасное настроение. А еще у тебя ничего не болит, потому что ты отлично выспалась, и вообще ты сегодня сама бодрость! Кто с этим может поспорить, тот пусть первым бросит в меня..., хотя нет, это уж перебор...» Стандартно я пыталась вселить в себя оптимизм, вылезая из отсыревшего спальника и потирая измученные бока. Выглядела я и впрямь «особенно», хотя... человек, спавший всю ночь (точнее, жалкие четыре часа) на сверхкомфортабельном булжнике, вряд ли может выглядеть лучше.

Вчера мы так и не спустились вниз. Заночевали на высоте около тысячи метров. Прелестно! О чем думали — непонятно. Замечательная ночевка! Дров нет, вода — пожалуйста, сто метров по крутому спуску, палатки стоят под углом в 30 градусов. Не правда ли, романтично? Но это еще не все. Ей-богу, как рекламу снимаем: Катя сегодня узнала, что у нее сахарный диабет, но ее радость была бы неполной без коробки конфет «Россия»! Только у меня вместо шоколада — дежурство. Это мой крест — варить завтраки на самых «лучших» стоянках. В прошлый раз, например, я вообще кашеварила на маленьком островке среди болота.

На часах 5:AM. Сколько раз бывала в горах, никогда раньше мне не приходилось встречать рассвет посреди мхов и курумов на такой высоте. Оказывается, довольно странное ощущение. Когда из-за гор начинает разливаться, как северное сияние, разноцветное солнце. Оно постепенно поднимается над горизонтом, по очереди вытаскивая из-под одеяла каждый свой луч. А уже минут через пять все становится таким светлым, ярким... И в какой-то момент оно оказывается так близко, что невольно делаешь несколько ша-

гов навстречу, но тут же останавливаешься, разочарованно вспомнив, что в горах расстояние кажется намного меньше... И просто зачарованно ведешь этот тет-а-тет с небесным светилом...

Я закрыла глаза, пытаюсь представить себя сказочной феей, летящей спасать очередную Золушку, но вместо белого пегаса передо мной возник Пуф, вложив в мою руку «аналог» волшебной палочки, точнее, поварешку, и отправил мешать гречку с тушенкой Прекрасное начало прекрасного дня...

Сегодня мы по случаю трудного дня решили устроить себе праздник. Заключался он в маленькой житейской радости, от которой приходится отвыкать в горах, называется — кофе. Но была у этого праздника маленькая особенность: он был молотым, а не растворимым, к какому привыкли все нормальные туристы. Виной этому была моя невнимательность, за которую мне и пришлось расплачиваться сегодня утром. Интересно, кому-нибудь еще приходило в голову готовить кофе в восьмилитровом котле? Понятия не имею, была ли я первооткрывателем нового сорта, но смею заметить, что получилось неплохо, хотя бы по меркам группы туристов, мотающихся пятый день по бездорожью Северного Урала. А вообще туристическое меню входит в пятерку самых парадоксальных вещей, которые вытворяет с собой человечество. Наряду с выщипыванием бровей и диетами, я полагаю...

Удивительно быстро мы собрали лагерь. Такое редко случалось за последние... неважно сколько, времени. В общем, в восемь часов утра я была уже готова шпилить к заветной цели, перепрыгивая через камни. День обещал быть насыщенным, и ни чем-то, а разлюбезными курумами, которые подло указывали мне на мое ничтожное положение — в болотных сапогах на три размера больше моего кровного.

Первый переход ознаменовался горящей звездой (впрочем, не последней) на моей несчастной коленке. Не знаю, как так у меня получалось, но распластаться на каждом пятом камне, соскользнув с него, стало у меня скорее традицией.

Оставалось свято блюсти ее и безропотно запинаться за вышеупомянутые сапоги.

К середине дня выползли на хребет. Хочу сказать, что только после этого подъема поняла, что пагубную привычку «худеть» придется бросать немедленно, иначе сдует с высоты, как всех комаров. Да, кстати, нет ничего приятнее плюхнуться на привале на рюкзак и просто отдыхать, а не отматывать от истеричных нападков комариной стаи. Это я тоже усвоила после этого подъема. Вообще, горы — сказочное место! Ни комаров тебе, ни болота! Идешь по мхам, вокруг — красотища! Свободным себя вроде как начинаешь ощущать...

«Подумала я...»... И тут же поймала себя на наивной мысли, потому что в ближайший час я убедилась, что, как и в любой сказке, в горах добро всегда победит зло, поставит его на колени и зверски убьет.

«Граждане, посмотрите налево, граждане, посмотрите направо...» — вспомнились строчки из старого фильма. И тут же пришлось добавить: и ни черта вы там не увидите. Мечтали побывать на облаках? Получите, распишитесь — все уже оплачено!.. Облако в горах — это стихийное бедствие. Дождь и то, что творится дальше 15 метров — тайна, покрытая мраком. Сплошное «молоко». Я же говорю, «Алиса в стране чудес», когда, интересно появится чеширский кот?! Жду с нетерпением!..»

С такими мыслями я ползла до обеда. Пока ее величество ПОДЛОСТЬ в облике града, не показалась из-за угла.

Три часа пополудню. Мы забрались под палаточный тент и решили устроить небольшой «фэст-фуд». Пока куски льда отчаянно колотили по непромокаемой ткани, мы усердно жевали сало с печеньем, запивая все это ледяной

водой... Получилось покруче утреннего кофе, если честно... Но по поводу питания я уже высказала свое мнение...

А потом мы, отмороженные и полусонные, протопали еще 5 км, отпывая непослушными ногами град. Я, если честно, как-то смутно помню все эти послеобеденные переходы, как будто проспала все это время. А разбудила меня радостная весть: уже третий километр мы идем на восток вместо нужного нам юго-востока. Пришлось продрать глаза...

Надо же поликовать вместе со всеми... В итоге пришлось нам «вытереть слезы счастья» и отправиться вниз с гор, потому что идти дальше по такой «летней» погоде — себе дороже, да и темнеть уже скоро начнет. Кувырком скатились к ближайшей реке, помахали ручкой радушно встретившим нас комарам и разбили лагерь...

На ужин сегодня — холостяцкая лапша, правда с тушенкой. Она горячая, и это просто безумно радует. Пуф обещал вымыть «Черных друзей», поэтому я уже натянула свои любимые сухие кеды и потихоньку разлагаюсь у костра, пересчитываю «боевые ордена» на своих коленках. Еще немного — и можно будет вручать медаль «За полученные ранения».

Как-то незаметно стемнело... А я даже не заметила. Из-за сосен — не то что солнца — неба не видно. На часах уже около полуночи, минут через 20 наступит завтра. Завтра опять будет длинным, потащимся исправлять свои ошибки. Но это уже потянет, наверное, на еще одну такую историю...

Сплю...

Расшифровка «проф. выражений»

Черный друзья — ни что иное, как котлы.

Курум — огромная «плантация» камней в горах.

Пуф — это собственное имя. Один из состава нашей группы. Тоже, кстати, реальный человек.

Фотографии Евгения Савенко.

Станислав СКУРЫДИН

Станислав Скурыдин - исследователь жизни народов уральского севера, автор очерка «Ялпын-Уй - бажовский полозз?» («Уральский следопыт» № 9, 2002).

Тере-Я – река аборигенов

До прихода русских территорию современной Свердловской области занимали манси, которых зыряне, а от них и русские, называли «вогулы» т.е. «дикие». Но манси были далеко не диким народом. Здесь у манси располагалось сильное, возглавляемое князем (коньсем) государство – Пелымское.

Столица княжества, город-крепость (оус), находилась на слиянии рек Таут (Тавда) и Поллум (Пелым). На западе влияние пелымского князя доходило до рек Пассарь-Я (Вишера), Песер-Я (Печора), Чусовая (земли приуральских манси), а на севере - до реки Конда (нынешний Ханты-Мансийский округ). Великое Пелымское государство включало в себя два других мансийских княжества - Табаринское и Кондинское.

Воинственность вогул заставляла считаться с ними сибирских татар, зырян, еранов (ненцев) и русских, которые, начиная с XI века, пытались проникнуть на мансийские земли. Сначала это не удавалось хотя бы потому, что манси строили крепости. Их обороняли вогульские дружины профессиональных воинов (отыров) и простые манси-охотники. Вогулы оказывали жестокое сопротивление как монголам Батые, так и новгородской Руси. Не раз разбивали новгородцев, убивали

их воевод, но погибали и сами. Так, в 1583 году пелымский князь Патлик и все его воины погибли в битве с казаками Ермака.

Крепости вогул состояли из рва, насыпи и одной или двух окружных стен, внутри которых находились тротуар из бревен (!), хозяйственные постройки, княжеский дом либо дом посадника-отыра. В случае войны манси из близлежащих мест укрывались в оусе. Оус (уш, ус) был центром политической и экономической жизни окрестных вогул. Городов-крепостей было достаточно для отражения иноземных вторжений и социально-экономического функционирования Пелымского государства.

Культовый амбарчик.

Шаман. Рисунки с фотографии XIX века.

Деревянные фигуры духов.

Этим объясняется изобилие на севере Свердловской области мансийских гидронимов и топонимов со значением «город»: Оус, Ушь-Я, река Усь-Я, реки Ушма (уш маа - «городская земля») и т.п. Наиболее известные вогульские крепости: Кошуки, Чандырь, Таборы и крепость, известная в русских источниках под зырянским названием Нером-Кар («Каменный город»), в верховьях реки Тере-Я (Тура) — ныне город Верхотурье. Но еще больше было неукрепленных мансийских поселений — паулей.

Многочисленность паулей объясняется тем, что до русской колонизации не было геноцида вогул. Татары шейбанидов были обеспокоены русской угрозой, зыряне ограничивались охотой, выпасом оленей и редкими поселениями на мансийских землях. Только с приходом русских началось массовое выселения манси с их земель, уничтожение, грабеж: «узаконенный» — ясак и «боярский» — поборы чиновников различных уровней.

Подобную политику описал русский историк XVIII века Герард Миллер: «Казачи брали, что бы ни нашлось, не токмо съестные припасы, но и весь скарб и пожитки до самого платья, и так сей бедный народ в их жилищах нагих и голодных оставили.» Несмотря на это, русскую колонизацию считают в России гуманнее испанской или англо-сакской колонизации американских индейцев! Прискорбно то, что царская, советская и современная системы делали (и делают!) все, чтобы стереть у манси историческую память. Оставшиеся свердловские манси, как правило, не помнят своих национальных героев, князей, государств. Да и как могло быть иначе, если в школе об этом стоически молчат, а тех же пельымских князей часто именуют «княз-

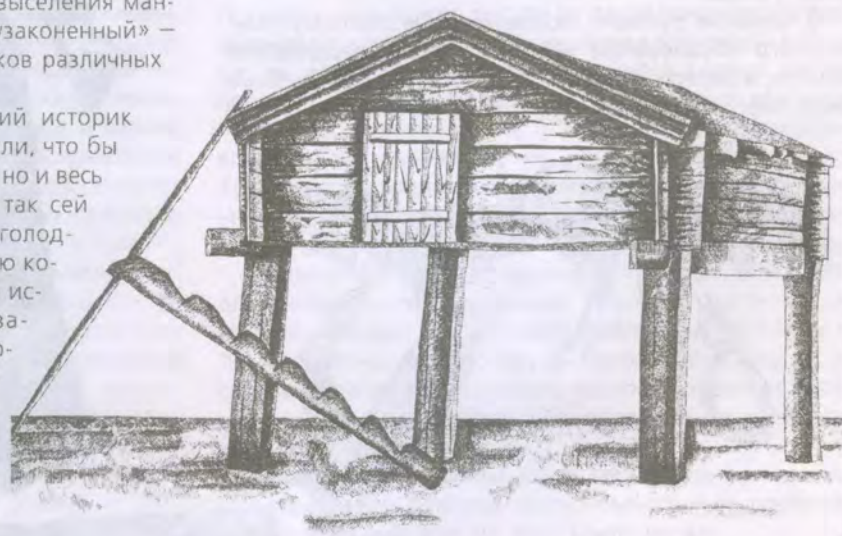
цами», хотя эти государи по влиянию и авторитету среди манси не уступали русским правителям. Пример: князя Асыка, Кихек, Василий Кондинский.

Манси вынуждены были уходить от русской колонизации все дальше в тайгу: сначала за Урал (пример: род Бахтиаровых), а затем на север. Данная ситуация продолжалась несколько столетий. Еще в 20-х годах прошлого века исследователь манси Валерий Чернецов писал следующее: «...в последнее время эти вотчины (охотничьи родовые участки вогул. — С.С.) в значительной мере утратили свое значение уже прежде всего из-за русских охотников, которые не считаются с ними.»

На юге современной Свердловской области манси занимались бортничеством и земледелием, на севере — оленеводством. Но главным занятием вогула всегда были охота и рыболовство. Этому способствовало то, что заметил еще В.Н. Чернецов: «.. у вогула дом и лес едины. Он не отличает одно от другого, у русского же лес отгорожен стеной от его дома, и лес враждебен и чужд русскому.»

Манси торговали напрямую и через посредников с Византией, Русью и мусульманскими странами. Об этом свидетельствуют раскопки мансийских городищ и священных мест (ялпын маа). Вогулы строили многокилометровые заборы для охоты на крупного зверя, укладывали дорожные настилы в болотах, прокладывали дорожки-тропы, по которым перегоняли свои стада оленей, соединяли паули, уходили на промысел вглубь тайги. К примеру, вогульская тропа шла по левому берегу реки Туры близ устья р. Налим.

Задолго до прихода русских манси владели пиктографическим письмом. В частности, сигналом для военного сбора или оповещения о войне была стрела со

Амбар для хранения припасов.

знаками, посылаемая в паули и оусы. У каждого вогула была индивидуальная и в то же время родовая тамга – катпос («знак руки»), выкальваемая в виде татуировки на фалангах пальцев и тыльной стороне кисти.

До интенсивной русской колонизации XVI, века манси добывали и обрабатывали металлы (например, медь), делали глиняную посуду. Образец ее с горы Шайтан есть в экспозиции нижнетуринского краеведческого музея.

Названия рек Тере-Я (Тура), Вой-Я (Вья), Пи-Я, Лья-Я, Емех, Ис и многих других свидетельствуют о древних жителях этого края – манси. Любопытные данные о названии Туры есть у Г. Миллера: «...татары имя реки Туры выговаривают «Туре», а вогуличи, которые еще до татар в этих местах жили – Тере-Я называют, так что татарское звание может быть взято от вогуличей...».

Интересно название реки Ис. Согласно воззрениям вогул, человек и животные имеет две основные души: «ис» – душу-тень и «лили» – душу-дыхание (дух). Неодушевленные предметы имеют лишь ис – тень. После смерти человека ис направляется в загробный мир – Ели (йоли, ель, елы) Маа (хамал маа), где с каждым днем молодеет, избавляясь от жизненных забот и недугов. Богатая платиной река Ис течет с северо-запада на юго-восток и впадает в реку Туру недалеко от деревни Елькино (Елкино). Души окрестных вогул отправлялись по реке Ис в Царство мертвых – к Йоли-Торуму (Куль-отыру). Не исключено, что название русской деревни Елькина (Елкина), возникшей в 30-х годах XVIII века при впадении Вьи в Туру, связано не с еловыми лесами или вогулом Елькой, как считали новые поселенцы, а с далекой землей манси – Ели Маа. К сожалению, русские не вникали в таинственную мансийскую веру, и исследователям остается лишь догадываться о назначении культовых мест коренных жителей Урала.

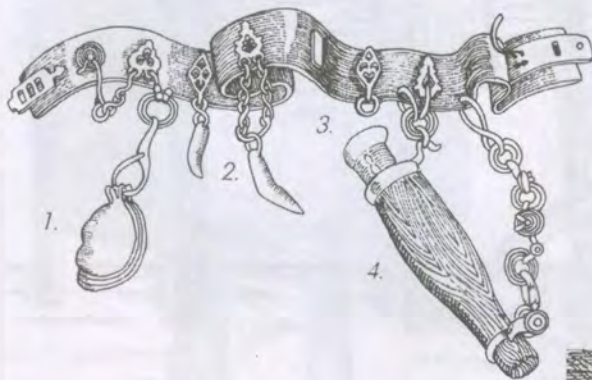
С началом русского освоения нынешнего муниципального образования «Нижняя Тура» Свердловской области, в первой половине XVIII века, вогулы уходят на север либо ассимилируются с пришлым населением. «В

наших краях сведений о военных столкновениях русских с вогулами в это время нет», – говорит Юрий Ковалев, директор нижнетуринского краеведческого музея. Пусть без большой крови, но не с легким сердцем вогулы оставляли свои родовые уголья, капища (торум кан). Так, вогульская деревня Палькиных (в переводе: «жители густого леса, чащи», либо от «паал» – сторона, половина) в устье Иса в 40-х годах XVIII века прекращает свое существование. Часть вогул Палькиных переселяется в Елкино, часть – уходит к своим соплеменникам на север. Потомки вогул Палькиных и по сей день живут в Нижней Туре. Вот такая «елы паал» («нижняя сторона») получается. Не будем забывать, что в представлениях манси «верхний» Урал значит южный (за которым находилась священная, теплая земля – мортым маа), а «нижний» – северный.

Печальна судьба и другого пауля местных манси на реке Туре близ деревни Большая Именная. Все, что

Вогулка. Рисунок с гравюры XVIII века.

Пояс охотника.

1. - Мешочек; 2. Медвежий зубы;
3. - Рукоятка ножа; 4. - Деревянные ножны.

Вогульское срубное жилище.

от него осталось – это следы построек, которые окончательно разрушились в 70-х годах XIX века, и русское название: «вогульское поле».

Вогулам было непросто оставлять свои места религиозного культа. А их на этой территории было несколько. К тому же местные капища отличались особой важностью для окрестных манси. К примеру, гора Благодать, примыкающая к городу Кушве, была священна для вогул. Еще в первой четверти XVIII века там находился священный камень (ялпын ахтас) с магическими знаками. Немудрено, что манси, согласно легенде, расправились с крещеным вогулом Степаном Чумпным - за открытие им русским магнитного железняка горы Благодати в 1735 году. Каждый вогул знал: на священных местах нельзя было не только охотиться, но и ходить. Нарушившего это табу забивали палками.

Исключение не составляла и гора Шайтан, у подножия которой в 1754 году началось строительство Нижнетуринского завода. Гора получила свое нынешнее название от татар. Можно только догадываться об исконном вогульском названии горы, а также о божестве, которому здесь поклонялись. Есть предположение, основанное на местной топонимике, что капище было посвящено Йоли-Торуму (Кулю) – богу нижнего мира, куда уходили души умерших. Не исключена и версия о том, что местные вогулы на горе Шайтан приносили жертвы Калтась-экве, богине-матери, которая вселяет душу во все живое. Эту богиню манси также называли Йоли-Торум-сянь («Мать нижнего мира») и Сорни-эква («Золотая женщина»). По преданию, манси унесли идола Калтась-эквы на север, и русские много столетий безуспешно искали Золотую Бабу. У жертвенника (яны кан) Шайтан-горы, помимо глиняной посуды, в которой вогулы приносили и готовили пищу, хранились стрелы, идолы богов и их помощников. Эти идолы находили на капище еще в 20-30-е гг. XX века.

Уйдя со своей земли, манси не забыли о ней. До 40-х гг. XX века они пригоняли своих оленей на территорию нынешнего города Лесного (Свердловск-45). Приходили охотиться в свои бывшие уголья, о чем свидетельствуют фотографии конца 60-х годов прошлого века, выставленные в нижнетуринском музее. На них

Шаман. Рисунок с гравюры XVIII века.

изображены охотничьи знаки вогул на месте убийства зверя у деревни Большая Именная. Примечателен катпос (?) манси Пеликовых, живущих сегодня на р. Луссум (Лозьва).

Все это говорит о духовной и физической силе автотоннов Урала, которые, несмотря на чудовищный инородный прессинг (тех же русских или зырян), сумели сохранить свою самобытность. Доказательства этому - в словах Л.Каптерева, исследователя вогул ивдельского края: «...про одного вогула из пауля Няксимволь рассказывали, что однажды он на лыжах «загонял» волка, т.е., не желая тратить «зря» ружейного заряда, он гонялся за убегающим волком, и когда довел зверя до полнейшего изнеможения, то прикончил ударами приклада.» Стоит добавить, что подобная бережливость «ружейного заряда» объясняется безбожным обиранием и обманом коренного населения во все постколониционные времена.

В конце XVI века на территории современной Свердловской области проживало около 10 тысяч манси (только мужчин, налогоплательщиков), в 1887 году – 1943 человека, в 1926 году – более 500. Сегодня на севере области их (несмотря на пол, возраст и ассимиляцию) осталось около 120 человек. В Нижнетуринской округе их нет совсем.

Народ ушел – с ним ушла своеобразная великая культура, а нам остается лишь помнить о ее достижениях и о тех, кто жил на этой земле до нас.

Рисунки выполнены Владиславом Микрюковым и Яной Тамплон.

Александр КОЖЕЙКИН

Рассвет

Похвалин любил рыбалку и при первой же возможности посидеть у озера или речки с удочкой с большим удовольствием предавался любимому занятию. Ему, как и подавляющему большинству таких же любителей с обычными удочками, было совершенно неважно, какое количество рыбы принесёт он домой. И было так же совершенно ясно, ради чего отправляется он на тихий берег. Где ещё можно спокойно и без суеты поразмышлять о жизни и о судьбе, о прошлом, настоящем и будущем?

Вот и в дом отдыха прихватил он свою любимую пятиколенную удочку с американской катушкой и в первый же вечер своего пребывания твёрдо решил: с утра пораньше отправиться на озеро. Ранним утром каждая минутка дорога. Стало быть, всё необходимое для рыбной ловли надо готовить с вечера - и снасти, и подкормку, и наживку. Хлеба для прикормки он набрал в столовой, а в поисках червей после ужина завернул за спальный корпус с пустой полиэтиленовой баночкой из-под майонеза.

Поскольку у Похвалина была своя оригинальная методика поиска дождевых червячков, ему была не нужна лопата. Он находил подходящий камень - не большой и не маленький, быстро отворачивал его в сторону и только успевал выдёргивать из прелой земли ускользающих упругих червячков. Предпочтение он отдавал красненьким червячкам среднего размера, на которых лучше клевали окуни. Да, пожалуй, и другая рыба предпочитала именно таких червячков, весьма неохотно пробуя белые и толстые.

Очень скоро его баночка наполнилась достаточным количеством червей.

- И чего это вы тут ищете? - раздался вдруг за спиной приятный женский голос с изрядной долей кокетства. Этот голос был очень похож на голос актрисы Удовиченко. Обернувшись, Похвалин поразился и внешнему сходству - женщина со следами былой красоты на лице, возрастом около тридцати пяти-сорока лет, она и на внешность была также удивительно похожа на актрису. Разве только чуть полнее и пониже. А то, что причёска - забранные в пучок рыжие волосы - была другой, нежели у известной актрисы, так это ни о чём не говорило - причёски женщины готовы менять хоть каждый день.

- Клад! - бросил Похвалин.

- Ну, конечно, - незнакомка включилась в игру и поддержала его шутку, - и он должен быть где-то здесь, под одним из камней. - Не принимайте меня за дурочку!

Она неожиданно обиделась. Или сделала вид. Надула полные губы, нахмурила брови-стрелочки. Чуть покачнулась на каблучках.

Тут только Похвалин заметил, что она пьяна. И, пожалуй, пьяна изрядно. А женщина, словно прочитав его мысли, заметила:

- Да, я выпила... с подругой. Немного... бутылку вина... на двоих. Ну и что? Хотела пойти на танцы.

- Что же не пошли? - холодно осведомился Похвалин.

- А успею ещё, - беспечно отреагировала незнакомка, - у меня кавалера, между прочим, нет.

Похвалин бросил в баночку горсть земли, чтобы червям было уютней, и заметил:

- Не беда, там кавалеров полно. Без труда найдёте.

- Полно, - хохотнула женщина, - только старички одни. А вы, вижу, на рыбалку собираетесь.

Она ткнула тонким пальчиком в баночку с наживкой и просительно заглянула ему прямо в глаза:

- Возьмите меня, пожалуйста, на рыбалку. Я буду вести себя там очень хорошо.

- Нет, - отрезал Похвалин, - к сожалению, не могу - у меня только одна удочка.

- Значит, не хотите, - заключила женщина, - а я бы просто так постояла, посмотрела.

«Вот привязалась», - с досадой подумал Похвалин и решил промолчать.

- А как вас зовут? - не унималась женщина.

- Платон, - буркнул Похвалин, хотя с младенчества был Николаем.

- Какое красивое имя! - искренне удивилась женщина, - был такой философ. Ну, что же, Платон, раз не хотите принять меня в свою компанию, прощайте! Пойду-ка я на танцы. Что остаётся бедной женщине? Не помирать же в номере со скуки!

- До свидания, - очень вежливо ответил Похвалин.

Он искаса посмотрел, как женщина удаляется от него по широкой аллее среди неспешно прогуливающихся отдыхающих, и направился в свой номер. Надо было поменять крючок и заменить поплавков. И вообще лечь спать сегодня пораньше. Если это удавалось, Похвалин замечал за собой удивительное свойство: его достаточно отдохнувший организм мог проснуться утром точно в заданное с вечера время. Главное - это лечь вовремя, и он не мог дать подобному феномену никакого разумного объяснения, - словно невидимые часы тикали внутри его, заставляя пробуждаться, причём на минуту-две раньше назначенного времени. Поразительно - сбоев пока не было.

* * *

Вот и в это утро будто какая-то сила подбросила его на узкой деревянной кровати одиночного номера без двух минут пять. Был конец июня, и уже начало слегка светать. Похвалин быстро оделся, взял приготовленные с вечера удочку, садок, запасную катушку и коробочку с крючками и грузилами, баночку с червями. Набрал на всякий случай видавшую виды штормовку, прихватил крем от комаров и тихонько выскользнул на улицу.

Он свернул с широкой центральной аллеи на второстепенную. Фонари не горели, но в стороне озера наблюдалось слабое свечение и дорожка была освещена каким-то отражённым светом. Справа на такой же аллее послышалась какая-то приглушённая возня, а затем два голоса, мужской и женский. И этот голос показался Похвалину очень даже знакомым.

— Пусти!

— Ну, чего ты ломаешься, пойдём.

— Я так не могу. Не сейчас. Мне пора к себе. К себе, в свой номер.

— Там у тебя подруга. Сама говорила. А у меня в номере никого. Ну что от тебя, убудет что ли? Чего тогда ко мне приставала на танцах? Зачем сидели в баре? Какого хрена круг дали вокруг озера?

— Да я танцевать просто хотела. А что тебе вокруг озера ночью со мной гулять было неинтересно? А сам стихи читал. Говорил: очень романтично.

Похвалин узнал голос своей недавней собеседницы и невольно остановился.

— Романтично, — передразнил мужчина. — Короче: динамо. Чего тебе, жалко?

Раздалась брань. Вновь послышалась возня, а затем женский голос, более громкий и взволнованный:

— Прекратите! Я... я буду кричать!

Похвалин не выдержал и устремился на звуки. Он выскочил на аллею и увидел свою вчерашнюю знакомую и рядом с ней невысокого, жилистого, лысоватого мужчину. Он удерживал её на лавочке, захватив обеими руками и заголив платье намного выше пухлых белых коленок. Обернувшись на Похвалина, смерил его выразительным взглядом. В этом взгляде тот должен был прочитать и немой призыв оставить их в покое, и нескрываемое раздражение его неожиданным появлением, и даже злобу дикого зверя, у которого отнимают самку в тот самый момент, когда до долгожданного спаривания остаются считанные мгновения.

Иная реакция была у женщины, которая не смогла сдержать искренней радости от внезапного появления Похвалина.

— Платон! — воскликнула она, — Ты, как всегда, вовремя!

На лице добивавшегося её мужчины отразилось несказанное удивление. Наверное, так древние люди принимали неожиданное явление Христа народу. Лысый отдёргнул от женщины руки, точно от горячей сковородки, и вскочил на ноги, бормоча дежурные ругательства. Наверное, он полагал: Платон, то есть Похвалин, станет драться. Но тот и не собирался этого делать. Как на зло, леска от удочки слегка ослабла и зацепилась за кустарник, и он лихорадочно дёргал снасть туда-сюда, пока ему не удалось достичь желаемого результата.

За это время мужчина исчез, а женщина быстро привела себя в порядок, одёрнула платье, поправила причёску и сидела на скамейке, беззаботно закинув ногу на ногу, как ни в чём не бывало.

— Ну, и как рыбалка, Платон? Много рыбы наловили? — беспечно поинтересовалась она у приблизившегося

Похвалина.

— Если честно, никакой я не Платон. Николай я, — представился Похвалин, — а на рыбалку я только сейчас иду.

— Николай ... — певуче протянула женщина, — тоже хорошее имя. Коля, Коля, Николай! Сиди дома, не гуляй. А можно мне с вами на рыбалку?

— На этот вопрос я уже отвечал.

— Помню, помню. Решительно отказали. Но теперь вы должны непременно учесть следующие изменившиеся обстоятельства. На меня могут напасть. Не исключено: этот безжалостный и свирепый насильник спрятался в кустах или бродит где-то неподалёку.

Шутит она или говорит серьёзно, Похвалин так и не понял. Ему попадались люди, способные шутить даже тогда, когда влору было реветь навзрыд.

— Да он ушёл в свой номер... кавалер ваш, — осторожно предположил он.

— Какой там кавалер... на танцах приклеился, как баный лист. А насчёт того, что ушёл — сомневаюсь. Он за соседней беседкой затаился. Только и ждёт удобного момента. Вот вы уйдёте, а он — тут как тут.

Она приблизилась вплотную к Похвалину. Так близко, что коснулась упругой грудью, и он ощутил запах винных паров. И, жалобно глядя снизу вверх округлившимися серыми глазами, изменившимся голосом напуганного до шокового состояния ребёнка попросила:

— Пожалуйста, не бросайте меня! Мне страшно...

Этого натиска Похвалин не ожидал и, не выдержав, бросил великодушно-снисходительно:

— Ладно уж...

* * *

На понтон, где днём в солнечные дни загорали отдыхающие, а ранним утром по обыкновению рыбачили фанаты рыбной ловли, они пришли спустя пять минут. Похвалин никогда не брал с собой на рыбалку жену — она не любила этого занятия, — и теперь чувствовал себя несколько неловко. Ладно бы никого на понтоне не было. А в это утро, как нарочно, кроме них ещё двое. Хорошо, что люди незнакомые. А не дай Бог, подойдёт сюда кто знакомый. Что подумает о нём и его спутнице? Невесту что подумает!

Он слыл примерным семьянином и своей любимой супруге изменил всего-то один раз в командировке. Да и то из чистого любопытства, по пьяному делу. Впрочем, мимолётная связь с молоденькой худосочной сотрудницей не оправдала его ожиданий и убедила его в правильности народной поговорки: «От добра добра не ищут». Настолько убедила, что больше подобного он никогда не позволял ни при каких, самых располагающих к тому обстоятельствах и был кристально чист перед своей ласковой, фигуристой и весьма сексапильной половиной. На которую, кстати, жадно поглядывали иные мужчины, что ещё сильнее укрепляло Похвалина в верности выбранной генеральной линии.

Вот и эта случайная, можно сказать, знакомая со следами былой красоты на лице, так похожая на актрису Удовиченко, не вызывала у него пока ничего, кроме лёг-

кой досады. По дороге он узнал, что зовут её Татьяной, и это имя совершенно не шло ей. Отчего-то он представлял всех Татьян необычайно мечтательными, сентиментальными и романтичными натурами. И непременно неисправимыми домоседками. Эта же Татьяна была явно не похожа на своих тёзок.

«Шляется по ночам, «гулеванит», как говаривала, бывало, его незабвенная бабушка», — пронеслось у него в голове в тот самый момент, когда он сноровисто расправил удочку и насадил извивающегося красненького червячка, краем глаза наблюдая, как сосед вытаскивает огромного красноперого окуня.

Он со свистом направил наживку в направлении озера, с удовлетворением наблюдая, как его поплавок всплыл гораздо дальше поплавок других рыбаков. И не успела его красная надводная часть уравновеситься, как по прошествии всего нескольких секунд поплавок дернулся, заходил ходуном и, скрывшись под водой, резко пошёл в сторону. По манере клевать это был окунь. Хотя в последнее время от знакомых рыбаков ему приходилось слышать про появление на этом озере и другого хищника — ротана, у которого могла быть подобная же привычка резко и жадно хватать наживку.

Похвалин сноровисто подсёк рыбу и под восхищённым взором своей спутницы бросил в садок окунька среднего размера. Он забросил наживку в то же место, но на этот раз поплавок застыл неподвижно. Где-то совсем неподалёку время от времени плескала рыба. Но на крючок не шла.

То же самое происходило и у других рыбаков. Ближний к Похвалину, седой, но крепкий мужчина в куртке-ветровке с капюшоном, глубоко вздохнул:

— Как отрезало.

— А много взяли? — поинтересовался Похвалин.

— Да не то чтобы... — уклончиво протянул тот, — пяток окуньков всего-то. Я ведь ещё в полной темноте начинал удить. Как бешеные хватали. Посмотрим, что будет, когда окончательно рассветёт...

На противоположной стороне озера, за тёмной кромкой соснового леса, возникло слабое свечение. Оно на глазах усиливалось и ширилось, и вскоре краешек багрового солнечного диска показался над горизонтом.

— Как красиво! — не удержалась от восклицания Татьяна, — с детства такого не видела.

Вот и дальний край озера начал менять свой цвет. Заиграл переливами тёмного и светлого, ночного и дневного, лунного и солнечного, рассыпался искорками по небу, раззадорил облака, которые включились в весёлую игру, откликнувшись ещё более красивыми оттенками. А вскоре и вода не устояла от этой игры. Озорными лучами побежали по ней посланцы солнца, расцвечивая водную гладь и давая всему живому сигнал к пробуждению.

— Но тогда... в детстве... было не так. Не так красиво... — продолжила женщина, — да, совсем не так.

— А рассвет, он ... разный бывает, — неожиданно промолвил седой рыбак. — Я вот двадцать три года проводником работаю, каких только рассветов не наблюдался. Едешь, бывает, по бескрайней земле нашей и под

стук колёс любишь, что солнце вытворяет. Вот зимой, к примеру, когда едешь по широкому полю. Едва поднимется над горизонтом, кинет пробный лучик, а потом заиграет во всю красу свою. И неправильно считают некоторые, будто зима скупа на краски, — они просто настоящий зимний рассвет не видели! А осенью? В иные дни небо ярко-синее, холодом дышит. Но это днём, а ночью, в заморозки, — ярко-звёздное. Едешь перед станцией и наблюдаешь из тамбура. Сначала только угадываешь, где взойдёт солнышко, а потом оно начинает набирать силу и всё вокруг себя как бы отогревает. Словно оправдывается, что задержалось.

— Нагляделся я рассветов в Чечне, — вдруг поделился молодой, коротко стриженный мужчина в камуфляжной куртке, стоящий на понтоне с другой стороны, — помню: одно время «духи» повадились как раз перед рассветом нас навещать. Соседей наших на рассвете тёплыми расстреляли... Так вот: стоишь на блок-посту и всматриваешься в предрассветную эту мглу так, что в глазах темнеет. Возненавидел я это время... Днём все вокруг приветливые, добрые. А ночью преобразуются, в спину стреляют. Ненавижу гадов!

— Чеченцы разные, — возразила вдруг Татьяна.

— Да откуда вы, девушка, знаете? — снисходительно бросил камуфляжный.

— Знаю! —

Он сплюнул в воду, проверил удочку.

— Не клюёт? — вежливо осведомился у него Похвалин.

— Тербит кто-то. Мелочь пузатая. А крупняк отошёл, наверное, в глубину. Попробую, однако, обновить наживку.

Крупная чайка спикировала на воду совсем неподалёку и взмыла в воздух с небольшой рыбкой в клюве.

— Как ловко это у неё получилось! — не удержалась от восклицания Татьяна.

— Ничего удивительного, — отреагировал седой, — раз она этим кормится. А если к тому же надо птенцов кормить, так поневоле научишься. Проснулись, поди, птенцы, кушать запросили. Вот и начинает день с охоты. Хорошо ещё такой денёк подходящий ей представился.

— Да, — согласился Похвалин, — денёк что надо.

Солнце тем временем поднялось уже над лесом, проложило дорожку на их берег и по дорожке этой перебежало к ним. Над понтоном в воде заиграло весёлыми блёстками, высветило в прозрачной линзе чуть видимые силуэты рыбной стайки.

Повинуясь этому всеобщему оживлению, заплясал и резко дёрнулся вниз, а потом и в сторону, поплавок. И вот второй окунь, гораздо больше первого, отправился в садок Похвалина. Скучать не пришлось и другим рыбакам. Затянувшаяся пауза закончилась, а отчего была она, эта пауза?

Может быть, обитатели озёрных глубин, как и люди, на какое-то мгновение замерли, наблюдая, как с рассветом на земле начинается новый день. А люди, вспоминая свои рассветы, к тому же задумались.

Начинался новый день, и всем хотелось, чтобы был он лучше предыдущего...

Фаина МЕДВЕДЕВА

Клятва, воплощенная в музей

Почти 60 лет назад у стен фашистского рейхстага Раиса Михайловна и ее будущий муж поклялись до последних своих дней помнить о тех, кто никогда не вернется домой.

А ее военная дорога начиналась так. Узнав, что формируется зенитно-артиллерийский добровольческий девичий полк, она записалась одной из первых. После девяти месяцев обучения в Казани ушла с полком на фронт и в начале 1944 года на польской границе приняла боевое крещение.

Война оказалась более жуткой, чем они, девчонки, ее себе представляли. Постоянная кровь, смерть... К ним нельзя привыкнуть.

Первый раз попала в госпиталь по болезни, только выписалась — тут же обратно. Контузило, когда под бомбежкой помогала разгружать эшелоны с ранеными. Была зенитчицей, хоть и недолго, но повидала многое: и быт фронтовой, и кровь, и смерть с собой рядом.

После госпиталя ее хотели демобилизовать, но Рая настояла, чтобы отправили на фронт. Попала в стрелковый полк. Направили в школу снайперов, которую закончила в звании старшего сержанта, но приказом по штабу была назначена писарем-машинисткой. Здесь-то и познакомилась со своим будущим мужем — Виктором Сониным, молодым офицером, командиром минометной роты, тоже оказавшимся в пехоте после ранения. Они дошли до Берлина. Распились на стенах рейхстага, а годом позже — в берлинском бюро ЗАГСа, когда оно появилось.

А тогда победный май кружил головы, вся жизнь впереди. И там, у стен поверженного рейхстага, к которому шла наша страна долгих четыре года, самым святым поклялись: не забывать о страшных днях войны, о друзьях-товарищах, не доживших до победных салютов, поклялись поведать будущим поколениям о том, какой дорогой ценой завоеван этот мир.

Потом вместе служили в Германии, Польше, Чехословакии. Всюду помнили, что они представляют страну-победительницу.

Однажды квартировали у вдовы летчика-фашиста, довольно молодой женщины. На первых порах, естественно, отношение к супругам Сониным было холодное и настороженное. Но мало-помалу хозяйка и ее домочадцы к ним «потепели»: перевели из мансарды на квартиру, предложили столоваться. Вскоре и вообще сложились отношения, не лишённые симпатии, хотя языковой барьер не был преодолён.

Как-то к Сониным заглянул знакомый офицер, хорошо говоривший по-немецки.

— Не понимаю, — сказала хозяйка дома гостю, — нас пугали русскими, особенно коммунистами... Вот в Германии столько русских, а я ни одного коммуниста еще не видала.

— То есть как? — улыбнулся гость. — Перед вами целых три.

Хозяйка не хотела верить и потребовала доказательств. Пришлось доставать партбилеты. И еще долго эта женщи-

на удивлялась, говоря, что такие обычные, нормальные люди не могут быть коммунистами.

После демобилизации мужа в 1955 году Сонины переехали на постоянное жительство в Ижевск, и Раиса Михайловна пошла работать в школу, преподавала домоводство.

Смыслом их жизни стал школьный народный музей. И Виктор Петрович последние годы своей жизни, после ухода в запас работал военруком в той же школе. Неслучайно судьбе было угодно связать жизнь семьи Сониных со школой. Они стояли у истоков музея, были генераторами новых идей. Здесь же учился их внук Андрей. Сегодня на нем лежит вся оформительская работа по музею. Не вылезал из музея и старший внук Сергей, ставший пилотом гражданской авиации. Он и

Супруги Сонины.

сын Валерий исполняют обязанности кинооператора, водителя, фотографа, заменив Виктора Петровича, когда его не стало.

Главная направленность музея — следопытская работа. Война отняла у многих из нас родных и близких, но никто не в силах отнять у нас память.

Школьный музей «Поиск» со временем собрал под свою «крышу» сотни людей — живых и павших на полях сражений Великой Отечественной, афганской и чеченской войн, заслужив статус Российского Народного музея.

Подвижнический труд Раисы Михайловны замечен и оценен Президентом РФ В. В. Путиным. Он направил в адрес Раисы Михайловны благодарственное письмо и свою книгу «От первого лица».

Хочется напомнить слова генерала армии П. И. Батова: «Память о войне живет не только в бронзовых и каменных монументах. Прежде всего она живет в человеческих сердцах». Раиса Михайловна и ее муж доказали это всей своей жизнью, сдержав клятву, данную у стен поверженного рейхстага.

Мария КЛЕТКИНА

Картинки из жизни мальчиков-скалолазов

Небольшая уральская речка, которую летом вброд может пройти воробей, сегодня своим течением представляла горный поток, бурлила, образуя воронки на середине, вешала на прибрежные кусты клочки белой кудрявой пены. Маленький плот, связанный из сухостойных сосенок и скрепленный репшнуром руками мальчишек десяти-одиннадцати лет, был очень шатким. Две обгоревшие доски, найденные около старого костровища и брошенные поверх тоненьких жердочек, прочности плоту не добавили, и он шатался под ногами мальчика, жердочки

уходили в воду, только резиновые сапоги спасали ноги от холодной весенней воды. Отталкиваясь шестом от берега, Женька пытался управлять плотом, его красивые черные глаза светились счастьем, а сам он чувствовал себя капитаном кругосветного плавания.

По берегу бежали его друзья, держа в руках веревку, соединяющую их с плотом. Они не давали плоту удалиться на середину реки, где Женькин шест уже с трудом доставал до дна. Так они пробежали метров пятьсот от того места, где связали плот и спустили на воду, до скал, о которых мечтали всю зиму, занимаясь в детской группе скалолазов. И вот сегодня первый выезд на скалы, но преградой стала разлившаяся река и теперь только плот мог помочь им попасть к скалам.

Женьку подтянули к берегу, к нему на плот прыгнул его друг, и они, отталкиваясь двумя шестами, благополучно достигли заветного берега.

Привязав еще одну веревку к плоту, Алеша с ней выпрыгнул на берег, и теперь ребята стали обратно подтя-

гивать Женьку. Алеша выпускал веревку, а когда на плот прыгнул новый пассажир с рюкзаком, он тянул плот к себе. Так, отпуская и подтягивая плот, перевезли всех к скалам.

Навесили веревки на приготовленные заранее крепления для страховки — эти скалы были излюбленным местом тренировок старших скалолазов. Теперь предстояло детям потрогать руками и ногами скальное тело берега, а он, будто улыбаясь, смотрел на бурлящую Пышму и на детей, которые восторгались его гладкими плитами, выступами. А берег, казалось, говорил: «Ну, ну, давайте, попробуйте одолеть мою высоту». Женька, конечно же, оказался быстрее и ловчее всех так же, как и в зале на шведской стенке.

Приготовленная на костре еда была быстро спрятана в голодные желудки детей, да они и не заметили, что ели, просто пьянящий запах костра, тающего снега, прошлогодней травы и черемухи, густо растущей тут же рядом у проснувшегося ключика, кружил им голову. И они пили этот первый день каникул взахлеб, наслаждаясь ярким

Семь Братьев. Фото Евгения Савенко.

солнцем, промытой зеленью сосен и голубым небом, праздновали свой первый выезд.

Ближе к вечеру, когда солнце потускнело, а дети чуток подустали, собрались домой, используя свой любимый и родной плотик, перебрались обратно. Шесть километров пешком, по узкой дороге через лес, который местами был столь густым и высоким, что только полоска неба светила сверху, потом тридцать километров на автобусе — и дома.

Это был наш первый выезд, за ним следовала череда других, которых дети всякий раз ждали как большого праздника.

Еще не наступили теплые летние дни и по сторонам дороги в лесу лежал глубокий снег, когда мы приехали на «Семь братьев», устроили свой лагерь и пошли на знакомство со скалами. Взрослые опытные скалолазы повесили веревки, выбрав маршруты для мальчишек полегче. Задача для всех была простая: долезть до верха или скалолазному «дойти» и спуститься вниз лазанием.

У Женьки получалось все хорошо, а вот Алеше Теплоухову — все доставалось с большим трудом, и он упорно не отходил от скалы, желал пролезть еще и еще раз. Но рядом стояли другие мальчишки, у которых также горели глаза от желания поскорее очутиться там, на высоте.

Здесь снизу все казалось очень просто: сюда наступил ногой, а там взялся рукой, и ничего сложного и страшного. Но стоило только юному скалолазу выйти на маршрут, тут и оказывалось, что выбранная опора для ноги не очень устойчивая, да и зацепка для руки не является дверной ручкой, и тело его еще не приобрело ловкость обезьяны, и застревал бедолага на одном месте, прилипнув к скале — до верха далеко, и вниз падать уже страшно, а веревке, к которой он привязан, доверять еще не научился.

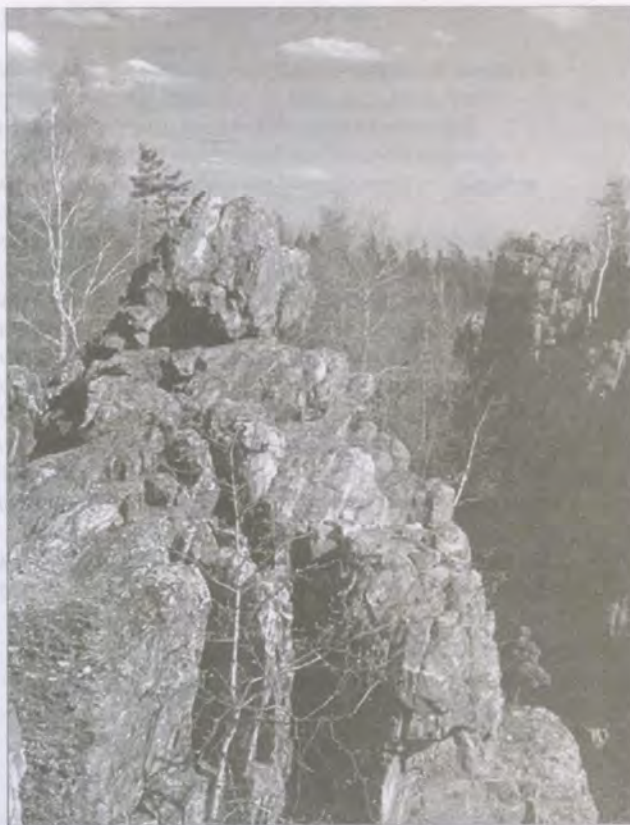
Но, подбадриваемый своими друзьями, находил в себе силы и начинал двигаться дальше, радуясь тому, что сумел пройти это коварное место. Конечной точкой был карабин, через который навешивалась страховочная веревка. Оставалось спуститься вниз, что тоже было для новичка делом не простым.

Вдоволь налазившись, ребята почувствовали голод и поспешили от скал вниз, в лагерь. На мокрой снежной тропе ноги то и дело проскальзывали, дети быстро сообразили, что надо наступать на плоские вытаявшие камни.

В лагере надо было приготовить совмещенный обед-ужин. Дрова для костра пришлось готовить самим.

Пока готовился обед, Алеша взял топор в руки и не отходил от срубленной до нас и лежавшей у костровища березки диаметром десять-пятнадцать сантиметров, пытаясь отрубить чурку. Его топор только крошил крепкое березовое дерево, и ему очень долго пришлось трудиться, чтобы отделить от ствола нечто такое, что еще не стало поленом, но уже и не было круглой чуркой. Из семьи научных сотрудников нашего института, он был умным, начитанным мальчиком, но слабоватым физически. На первых тренировках он не мог даже ни разу отжаться от пола. И вот здесь — тренируясь на березке, он незаметно укреплял свои мышцы.

На первое мая планировалась поездка на гору «Азов»

Гора Азов. Фото Евгения Тамплона.

около города Полевского — место сказок Павла Бажова. Дети еще раз внимательно прочли сказку «Малахитовая шкатулка» и теперь спешили побывать в этих таинственных местах.

Скальный массив — гора Азов — в майские праздники собирал альпинистов-скалолазов на первые в сезоне большие соревнования. На Первое мая проводились красочные демонстрации участников. Наша команда никогда не была в стороне.

После демонстрации — соревнования скалолазов. Для новичков под руководством чаще всего Алексея Зайкова выбирались маршруты подступнее. Мои дети первый раз выступали в официальных соревнованиях, волновались и они, и я. Но все мои скалолазы показали неплохую подготовку, а самую большую радость доставил всем Алеша Теплоухов, покоривший свою первую вершину.

Ребята, сгрудившись около Алеши, поздравляли его, радовались за него, а сам он своей удачей. Сейчас он любил все — и эти скалы, и небо, и облака, и всех своих друзей. Это было светлое мгновение его детской победы над своей неуверенностью, страхом, слабостью.

Я же потом, получив пакет от Зайкова, с замиранием сердца вскрыла его и прочла в протоколах фамилии моих любимых мальчишек и девчонок. Для меня, как для начинающего тренера, это тоже было первым успехом.

Юрий ВИНОГРАДОВ

К своим пятидесяти годам я не ставил перед собой никаких планок — все шло, как идет, и все идет, как шло. Гордиться могу разве что огромным творческим опытом (37 лет) и тем, что за эти годы прошел все мыслимые школы литературного мастерства, одна из которых — уникальный по своей творческой атмосфере Литературный институт им. Горького. Да еще, пожалуй, тем, что в Союз писателей меня порекомендовали известные советские поэты Николай Дмитриев и Геннадий Касмынин.

К самоутверждению в поэзии никогда не стремился, просто год за годом «пахал» на этом поприще, довольствуясь редкими публикациями в местных городских газетах. В юности был увлечен авангардизмом, но уже к годам двадцати осознал, что иду по чужому, легкому, «нетрудовому» пути литературного шарлатанства, что эпигонов Мандельштама и без меня предостаточно, что РУССКИЙ читатель нуждается не в абстрактно-бутафорской, а в традиционной сюжетно-эпической поэзии — живой, образно-осмысленной, мудрой, гражданской.

Считаю, что главное для поэта — быть искренним, иметь внутренний духовный стержень и не идти на поводу у конъюнктуры.

* * *

Остановись, моё скольжение
По ржавой крыше, по гвоздям!
Слепо земное притяжение
И равнодушно ко смертям.

...К чему, с какой, не знаю, стати
При ощущеньи высоты
Я вижу траурную скатерть,
Венков бумажные цветы...

Грустна навязчивая гадость,
Когда преследует везде, —
Грустней, чем знать,
что чья-то радость
Таится в ржавеньком гвозде.

* * *

Пергаментным ковчезцам подземелья
Нет места в небесах и божьих кельях,
Судьбы беспрекословные илоты
Им до рожденья строят эшафоты.

А в вакуумном царстве Люцифера
Нет фильтров очистных для биосферы:
Зажабренные влагой героина,
Рабы ныряют в темные руины;

К ним помыслы ползут из геморроя:
Стать мясниками после мордобоя,
Успеть уйти от дьявола и Бога,
Не преступив астрального порога.

А Бог открыл все камбузы и шлюзы,
И на пегасах — шиза вместо музы...
Лепя кривозеркальную ментальность,
Безумие впадает в гениальность.

Цветок

На улице — живительный поток,
Там дикая природа процветает,
А где-то в доме комнатный цветок
Беспомощно и тихо увядает.

Я слышу сердцем в каждом лепестке
Никем вокруг не слышимые крики.
Земля насквозь потрескалась в горшке,
А рядом, на дворе — потоп великий.

Там расцветают дикие цветы
И рвутся ввысь, захлебываясь ливнем...
За что, цветок домашний, брошен ты
За грани всех природных ватерлиний?

Да, слышу я твой каждый лепесток
И тайну одному тебе открою:
Я сам — такой же вянущий цветок,
Готовый

в лужу плюхнуться
порою...

* * *

Жизнь моя, словно зал ожидания,
Создающий в душе уют,
Где мой поезд идет с опозданием
И платформы другим подают:

Кто вошёл и к окну прислонился,
Обо всём на прощанье сказав,
Кто домой навсегда возвратился
И неспешно покинул вокзал.

Только я в ожидании чуда
То сижу, то по залу брожу
И, как в давних свиданий минуты,
На часы беспокойно гляжу.

* * *

В том городе
хлеба и зрелищ
нам
не было
дел
до погоды,
а здесь —
все зависит
от ветра,
который
неласков,
суров,
изменчив,
как то настроенье,
что было тогда у меня.
А здесь
на прогнозувших
стекла
оконных —
то пальмы
в насмешку,
то южные звезды
рисуют
морозы
и деды Морозы...
И как этот юмор постичь?
Я кутаюсь
в старую шубку
(она приготовилась к линьке)
Еще бы!
Ведь скоро весна!
Мы с ней
от зимы
так устали.
Ей впору
проспать бы
все лето,
а мне
на приволье и к солнцу,
иль в горы
и страны иные
пора уж
давно унести,
да вот не пускают затворы...
И это — нормальная
жизнь.

Замирающая весна

Ходят ёжики в тумане.
Зайцы — заячью капусту
садят в гуще влажных елей.
И меня, конечно, манит
таганайская весна.
Но «прекрасное» здоровье
в мае дышит еле-еле,

и в который раз обманет
недоснившееся в снах.

А от белого цветенья
стынут дни и стынут ночи,
и второе одеяло —
в гнусной сырости квартир.
Но души моей смятенье
не зависит, между прочим,
от того, что слишком вяло
вёсны движут этот мир.

Где ты взял такие краски,
энергичные, как гимны,
золотистые, как солнце,
и раскрасил,
дерзкий, сны,
где постелью
мягкой, дивной
я рисую город сонный,
светлых ёжиков в тумане
замирающей весны?

* * *

Можешь ходить кругами —
всё ж никуда не денешься.
Можешь смотреться
в зеркало —
там отраженье моё.
Искорка между нами —
брошена решкою денежка,
разве вот что цунами
смывает моё бытие?

Но и тогда, наверное,
смех бубунцами
звездными
тронет то ль струны,
то ль нервы,
песнею вдруг зазвучит.
Я ведь, конечно, не первая
всё возвожу в несерьёзное.
Впрочем, о вечной
верности
лучше давай помолчим.

Тучи всё ходят
за солнышком,
солнце за облако прячется,
но прорастает зернышко
то ли цветком,
то ль стихом.
И, разрастаясь
за колышки,
где:
«Не расти!» — обозначено,
станет любовью горячею...
Но это будет потом!

Владимир ЮКЧУБАЕВ

Аметист — камень редкий

1

Вся эта история началась с самой малости. Всё бы, может, и ничего, да вот случись оказия: коза наша, Зойка, превредная живность, с вечера домой не заявилась. Где надумала колобродить — лешак её знает. Так вот, ни свет ни заря вставать и отправляться на поиски.

— Ты шибко далеко не шастай, эта шельма по тальникам вдоль Пескарихи всё больше норовит, там её и ищи. Да вот тебе, Митяй, ещё покушать, вдруг изголодаешь. Ну, иди, иди, — провожает меня бабка Матрена.

Картуз на голову, и я за порогом! А на дворе и взаправду благодать, солнышко вовсю светит, ветер тёплый, и ни единой тучки. Первым делом, конечно, шуганул от крыльца задиру Сеньку — петуха, ну, а куры, понятно дело, сами кто куда. Так... а дальше куда? Ну, ясно — на Пескариху, речка она так себе, не шибко широкая, крутится по тальникам да кустарникам всяким. Когда жарко шибко, коровы и вброд её переходят, а где омуты, там глубоко, сколь ни ныряй дна не достанешь. А рыба, рыба одна — пескарёв, другой от роду не водилось, потому и называли речку Пескарихой.

Бегом скатился с яра по песчаной осыпи к самой воде, потрогал зачем-то воду пяткой и чуть не подпрыгнул, — знаю ведь, что не прогрелась и ещё ледяная, а всё равно лезу, вот недотёпа, а ещё в пятый класс перешёл. Да, а погодка просто шик-блеск, как Ёжик говорит. Солнышко вовсю припекает, неслышно струится Пескариха, в которой пескарёв наверняка ещё нет. Вот, вода тёплой будет, тогда и пескарёв появится, а пока — ищи-свищи его по реке. На речке хорошо, так бы и полежал на тёплом песочке. Но меня отправили искать эту вредную Зойку — хочешь не хочешь, а надо топать. Натянув поглубже картуз, отправился берегом вверх, по кустарникам и тальникам. Где и может блудить Зойка, только там, где появляется первой сочная трава и начинают зеленеть на солнечной стороне кустики.

Добрался до широких раскидистых полян и зелёных склонов, когда солнце вовсю припекало над головой. Значит, уже полдень, пора и перекусить. Пристроился у самой воды. Вынул нехитрую снедь, что положила бабка Матрёна. И размечтался, глядя на узенькую здесь Пескариху, синюшее небо без единого облачка. А на солнце и не глянешь — аж глаза щиплет, до того яркое. Каникулы, слово-то какое хорошее, — ничего не надо делать, хошь спи целый день, али на речке бултыхайся, ни тебе уроков, ни школы — красота одним словом. Только вот баба Матрёна: Митяй — туда, Митяй — сюда, то на огород картоху полоть, то вот Зойка, превредняющая — поди ищи её, ветра в поле... Пока я так раздумывал, не

заметил, как и проглотил солёный огурчик с отварной картошкой. И хлеба-то осталось чуть-чуть, самая малость, а без корочки Зойку, заразу, ничем не заманишь домой, больно охоча она до краешки.

Не заметил я, как Зойка появилась, ну, как приведиение, аж напугался. Стоит, зараза, и глаз не сводит с остатного хлеба, ну и нюх же у этой животины! Все хорошие мысли враз улетучились, собрал котомку за плечо и вперёд до дома. Зойка глаз не сводит с кусочка хлебного и, как на верёвочке, семенит спереди. Для ускорения движения выломал прут из талины, и Зойка поняла, что со мной лучше не шутить, и припустила рысью в сторону дома. Обратная дорога показалась намного короче, чем шёл вначале, хоть и Зойка путалась под ногами, норовя шмыгануть в сторону при виде клочка ярко зелёной свежей травки. Но прут талины в моей руке вёл её строго к дому, ни шагу в сторону. И только перед самым крыльцом хаты я отдал остаток хлеба Зойке.

— На, ешь, ты заслужила поощрение, это тебе за хорошее поведение. Сунул краюху Зойке и на всякий случай перетянул прутком. — А это тебе за то, что я за тобой молтался цельных полдня.

— Ты пошто, варнак, козу бьёшь? — неслышно появилась бабка Матрёна. — Рази её можно бить? Она нас кормит, супостат ты этакий.

— Кто её бьёт? — взвился я. — Я же для пользы, для ума её, чё ей во дворе не сидится, всё блудит где попало. А я потом ищи её, беспутную.

— Будет, будет Митяй, не кипятись, а то ещё ошпаришься ненароком. Тут тебя Гришутка спозаранку разыскивал, а зачем — не говорит. Сходи лучше к нему, а я покудова с козой управлюсь.

Интересно, зачем это я конопатому понадобился? Ко мне всё чаще Валёк забегает, да и где рыжего в такой день найдёшь? Однако лучше к Вальку пойду: и живёт он поближе, к тому же, топай-ка на саму окраину.

Валька я нашёл за избой в огороде, тот что-то мастерил из ржавого хлама — то ли велосипед, то ли самоходную какую-то телегу.

— Чой-то ты мудришь, Валька, самокат или что?

— Сам ты самокат, машина это, и летать она должна. Вот раму собираю, а потом мотор искать буду.

— Интересно, а без крыльев как она полетит? Крылья непременно нужны. Птица, и та с крыльями. И самолёт возьми — тоже без крыльев никуда. Нет, без крыльев эта штука никуда не полетит.

— Много ты разбираешься, полетит, не полетит, увидим, когда сделаю. А ты, Митяй, Гриньку не видал? — наконец-

то привстал от своей железяки Валька. — Он тебя что-то спозаранку искал.

— Нет, ещё не видел, к тебе вот и пошёл, думаю, может, ты чего знаешь. Зачем я ему нужен, чего он удумал?

— Не, он мне ничего не сказал. Только шибко торопился, дык он завсегда шибутной, никогда спокойно ходить не может. Как наскипидаренный. А, забыл, он сказал, что будет ждать на берегу Пескарихи, в нашем балагане. Пойдёшь, Митяй, али как? Ежели пойдёшь, я с тобой.

— Идти надо, вдруг что-то срочное. Ежели пойдёшь, то собирайся, ждать некогда.

Вальку дважды просить не приходится. Быстренько забрякал железяками, складывая всё в кучу, шмыганул носом, смачно сплюнул, подтянул штаны и заспешил:

— Пойдём, Митяй, а вдруг и правда что-то интересное удумал Рыжик. Впереди цельное лето, вот жизнь то начинается: ни тебе уроков, ни двоек, ни классной, вообще ничего. Айда, пошли пошустрее, он же ждёт нас.

— Куда это ты так разогнался? То сидишь, как мыша в железяках копаешься и нос не кажешь, то, как энтот самый самолёт, норовишь улететь.

— Никуда улетать я не собираюсь, а поспешать надо: умоется Гринька на Пескариху али в тайгу, и не найдёшь его.

— Ладно, пойдём, не таракти, как телега. Ещё полдень на дворе, никуда Рыжий не денется.

Через огород Валька выбрались на околицу и задами, подалее от глаз, стороной двинули на Пескариху. В верстах пяти от посёлка мы соорудили свой балаган. Даже и не балаган, а почти настоящую избушку, даже печка есть — правда, буржуйка, но греет хорошо. Особенно осенью, в мокреть и сырость, когда в лесу промозгло и идёт дождь, подтопишь печурку — сразу становится тепло, как в хате. А ёжик достанет кисет с самосадам, закрутит «козью ножку» и давай смолить. Аж глаза щиплет, а ему хоть бы что, щурится да посмеивается:

— Чо, салаги, слабо? На, Гринька, тягни разок, а Митяй слабак, куда ему ещё курить, он бабку страсть как боится.

Сам-то Валёк всего на год старше нас, а учится в нашем же классе. Из-за войны он от школы и отстал. Гринька-то покуривает иногда с Вальком, а мне вот совсем не нравится. И вовсе не из-за бабки Матрёны я не курю, а так — просто не хочу, и всё.

Рыжий затынулся разочек и поперхнулся. Мигом зашёлся кашлем, аж того и гляди, все конопушки с носа слетят, вмиг забыл и с какого конца сигарку курил.

— Ну, ты даёшь, не хуже Митьки, ладно, давай самокрутку, докурю. На

кой ляд-то звал, или чо случилось? — со смаком затынулся, как заправский куряка, Валёк.

— А ты не торопи меня, дай отойду от твоей отравы. — Рыжий ещё долго кашлял и вытирал выступающие на глаза слёзы и только минут через пять, очухавшись, продолжил: — Намедни вечером, у колодца, когда за водой ходил, слышал, как дед Афанасий байки травил. Мол, в старые годы, до войны ещё, на дальней заимке, в верховьях Шатун-ручья, клад запрятан. Да сколько ни бились, не смогли сыскать его, а что клад есть, это точно. Мол, в горах, где-то в старых выработках, он в штольнях запрятан. И золото там и камни разные.

— Дорога-то до заимки — всё по тропе, а там — вдоль по ручью почти до самых гор. Далековато, правда, но зато там клад есть. Вдруг подфартит — и найдём, вот деньжищ-то сколько будет, на всех, поди, хватит. А чо дед Афанасий не врёт, это точно, он сам всю жисть горщиком по шурфам да штольням проробил. А про дорогу он мне все, поди, расскажет. И то место заветное знать даст, как найти.

— И чо, Митяй, ты веришь ему?

— Кому ему? Деду Афанасию, что ли? А чо, дедок хороший и вовсе не болтун какой. Всё равно у нас каникулы, только отпроситься надо. Гриньке-то хорошо, отпрашиваться нет надобности. А тебе, Валёк, да и мне, всё равно придётся сказать.

— Да ты что, Митяй, в тайне всё надобно делать. Скажем, на рыбалку, мол, на три дня, а сами смоемся. Главно, харчишек поболее прихватить — и всё путём.

— Вот-вот, скажем, что на Пескариху за рыбой, а сами в горы мотанём. И погода вон какая стоит — теплынь. А дед говорил, что на заимке и избушка ещё целёхонькая. Значит, и крыша над головой будет. Не пропадём!

— Ладно, Рыжий, не пой песни. Всё надо толком обсудить, а потом решать.

— Что обсуждать, и так всё ясно, Митька вон не против, он согласный,— засуетился мигом Гринька.— Возьмём еды поболее, фуфайки, само собой, а у Ёжика и фонарик даже есть, трофейный. Верёвку непременно надо взять.

— На кой ляд ещё верёвку? — не выдержал напора, Валька.

— Как на кой? В книгах вон пишут, путешественники всегда с верёвками в странствия отправляются.

А как, потом окажется, прав был Гринька, ах, как он был прав! И еда пригодилась, и верёвка нас не одиножды выручала. Долго ещё мы сидели и до хрипоты спорили, доказывая каждый свою правоту. Не одну «козью ножку скрутили и выкурили Ёжик с Рыжим, прежде чем мы вывалились из балагана на свежий воздух гущающихся сумерек.

Домой я добрался, когда уже стемнело и в небе искрились россыпи далёких звёзд. Спать забрался, конечно, на сеновале, а то в избу не успеешь зайти, как шум поднимется:

— «Где, лешак, ты черти носишь, никакого покоя, ни сна, гля, ночь уже на дворе. Люди добрые спят все. Один ты колобродишь с этими охальниками». Так бабка обзывает всех моих друзей, а то ещё похлеще что-нибудь, придумает. И будет зудеть до той поры, покуда сама не захрапит. Так что на сеновале куда спокойнее: вкусно пахнет перепрелым прошлогодним сеном, где-то в углу чуть слышно скребётся мышка, немного душно и темно, а через дырки в крыше подглядывают синие звёзды. Прямо и не замечаешь, как совсем незаметно закрываются глаза, и улетаешь на другую — большую-большую звезду. Там попадаешь в другие страны, где всем хорошо. Нет никаких войн и совсем-пресовсем другие люди. И живут хорошо, не хавают цельными днями картоху да драники. Всего у них вдосталь, и дворцы белокаменные, и библиотеки, и ходят во всём белом, и нужды нет никакой. Или приснится, как мы с Рыжим да Ёжиком в Африке гуляем, а кругом львы и тигры рычат. Вот жуть одна, да ещё эти папуасы-лилипуты вокруг с луками кругаями бегают, всё копьём норовят шурнуть. А мы от этих папуасов всё прячемся — то где-то под пальмами, то в кустах. Так рази от этих пигмеев, где спрячешься? Мигом находят и всё луками да копьями страшат. Страх один! Вот тут-то обычно я и просыпаюсь. И всё так же где-то попискивает мышка, удушливо пахнет прелым сеном, а через дырки в крыше пробиваются тонкие лучики и солнечными зайчиками ложатся на сено...

А в этот раз я что-то долго уснуть не мог. Задурил мне напрочь голову этот Рыжий со своими приключениями. Долго я ворочался, а сон всё не шёл. «Может, всё же и прав Гришутка: есть где-то клад старинный, только поискать хорошенько надо, ведь каникулы впереди. Всё одно делать нечего. А на заимку посмотреть хочется, ни разу там не был. А вдруг и взаправду клад найдём — вот красота будет, и нос этому Андрюхе утрём, а то всё вихвалается: и батька дома, и достаток, всё есть, и вело-

сипед ему нынче купят. А у нас такого никогда не было». С такими хорошими мыслями я и заснул. В этот раз ни на какие другие звёзды я не летал и не шарился в Африке, а всю ночь искал клад. Гринька же с разбойниками всё пытались меня словить и карту, где клад указан, отобрать у меня. Только карту я так запрятал, что им было ни в жизнь не сыскать, а потом я и сам её не смог найти... От этого и проснулся, со слезами от обиды на глаза.

Солнце всю светило сквозь дырочки, в крыше слепа глаза. Значит, день давно начался и пора сползть с сеновала и подаваться в избу, где на столе, как всегда, ждёт меня завтрак. И бесконечное ворчание бабки Матрёны, которому я уже давно привык, как привыкают к необходимости есть и пить.

Бабка Матрёна только прищуренно посмотрела, но ничего не сказала; да она и знает, где я могу ночевать — на сеновале, конечно, не на улице же.

— Сидай, Митька, вот молока попей, да сейчас яичню пожарю, поди, картоха надоела. Всё одно, прости господи... Когда жить то будем по-людски...

Не успел я забраться на лавку, как на столе появилась чугунная сковорода с яичницей и жареным луком. Не долго раздумывая над тем, почто бабка так расщедрилась и нажарила цельную сковородку свежих яичек, в один присест сметал всё и вдобавок корочкой хлеба до блеска протёр сковородку, ажно вспотел от усердия. А когда выцедил кружку козьего молока, понял, что именно сейчас и можно закинуть «удочку» про рыбалку.

— Баба, а баба, мы тут с ребятами на рыбалку собираемся сходить на Пескариху, может, на ушицу чо наловится.

— Кака така рыбалка? Сам говорил намереди, что тама никакой рыбы нет.

— Так энто когда было, а счас, толкують, есть.

— Ну, так идите. Сытый, покушал и ладно. Иди, кто вас держит.

— Так мы-то хотим с ночевой ийти, — ненароком пытаюсь обхитрить бабу Матрёну, — рыба в верху, толкують, есть, а туда шибко далеко.

— Далеко, так дома сидите, вона в посёлке сколько дел, — раскусила мою хитрость баба Матрёна, — жили без рыбы и ещё поживём. А с кем это ты снарядил на рыбалку, охальник ты этакый, а, Митяй?

— С кем? Конечно, с Гринькой да Вальком, — ну, думаю, поворчит, поворчит да отпустит,— Мы же, баба, только маленько рыбки подловим, да домой, погода вона какакая стоит, теплынь.

— Ладно, ладно, балаболка, знаю ведь не отговоришь тебя, весь в отца, такой же упрямый. Собрались, дак идите, всё одно делать ничего не заставишь.

Дважды уговаривать меня не нужно, и я выскользнул из-за стола, а через пять минут уже галопом нёсся в сторону Валькиной хаты. Валёк, как всегда, ковырялся в своём ржавом хламе, весь чумазый и лохматый. Он даже и не заметил моего появления, и только когда я брякнул железный мого, нехотя оглянулся.

— Ну как, Ёжик, дела? Ты с маманей разговаривал?

— Про чо? — и тут только дошло до него зачем я здесь. — А... про клад, што ли? Говорил я ей, што мы завтра на рыбалку собираемся, так она ничего. Иди, грит, всё одно дома жрать нечего. Так что я свободен, — по привычке шмыгнул носом и стал аккуратно складывать ржавые железяки в кучу, — пойдём к Рыжему, што ли?

— Пойдём до него. Надо договориться, кто чо с собой брать будет.

Гришку мы нашли около клуба, где он с другими пацанами играл в орлянку: крутили в воздухе монету и перекладывали деньги из одного кармана в другой. Увидев нас, он махнул рыжим чубом — мол, сейчас. И правда, через минуту, продув остатки денег, появился перед нами.

— Пойдём куда нибудь, здесь шибко народу много.

Обойдя кругом клуб, нашли пустую скамейку, на ней и устроились чинно и мирно. Оглянувшись по сторонам, Валёк достал кiset с самосадом и сноровисто закрутил самокрутку.

— Вот теперь можно и потолковать, — ещё разок пыхнув дымком, блаженно сощурился,

— Ну чо, орлы? К завтрему, наверно, соберёмся и с утречка двинем. Погода стоит клёвая, даже и ночью тепло, не замёрзнем. А ты, Ёжик, сёдни обязательно с дедком ненароком поговори, попытай его про дорогу от заимки по Шатун-ручью, где клад тот схоронен. Не скажет дед Афанасий и ничего мы не найдём.

— Скажет, скажет, — зачистил Валька, — непременно скажет, вот прям час и пойду до него. Он там у себя в огороде копається, я уже видел.

— Ежели так, то ладно, а ты, Митька, у бабки отпросился или как? Она у тебя ужась какая вредная.

— Ничего она не вредная, даже хорошая, и отпустила она меня. Всё равно, грит, от вас, шелопаев, проку никакого.

— Ну, это она правильно грит. Каникулы у нас законные и мы отдыхать обязаны, а не ишачить на огороде. Вся жисть у нас впереди, так што успеем. Аклады не каждый день находят. Так вот ты, Митяй, счас домой и приготовь всё к завтрему. Картохи побольше гребани, луку и соли не забудь. Одежку запасную надо взять вдруг чо случится. Для виду надо и удочки прихватить, по дороге припрядем. А ты, Валёк, фонарик непременно прихвати, да спичек надобно брать с запасом. Вот вроде бы и всё, сёдни вечером ещё соберёмся и решим, когда выходить будем. А пока — разбегаемся, как будто по своим делам, чтоб не заподозрили, чо мы сматываться собрались.

Утром спозаранку на берегу Пескарихи сошлись почти все одновременно, правда, как всегда, припозднился немного Гринька, да и то на несколько минут. За плечами у всех туго набитые сидора, только у Ёжика настоящий армейский рюкзак. С вечера все уже были готовы к походу, а Рыжий принёс даже компас — грит, вчера в карты выиграл. Так что всё приготовлено было ещё вчера с вечера. День обещал быть погожим, поднявшееся солнышко уже вовсю припекало, роса, выпавшая на рассвете, успела обсохнуть, и идти было одно удовольствие.

Первым, выбирая дорогу, шёл, как всегда, Ёжик, поскольку он на год нас старше, потом Рыжий, а я плёлся позади, замыкая наш маленький отряд. Тропинка петляла вдоль Пескарихи, то прижимаясь к самому берегу, то ныряя в вековую тайгу, в тень великанов кедров и золото сосновых боров. Всё чаще мы стали делать привалы: усталость даёт о себе знать. Гришка хоть и ерохорится, но он послабее, чем Ёж или даже я — всё же с приюта он, а там известно какие харчи. По правде сказать мы все порядком устали, а до заимки топать и топать. Дед Афанасий, грит, вёрст двадцать с гаком будет, ладно ежели к вечеру доберёмся. Привал и отдых решили сделать в полдень, когда солнышко будет над головой. Поэтому всё чаще поглядываем на небо, когда же солнце поднимется на самую верхотуру. А оно, как назло, не спешит, прилипло где-то сбоку. Наконец даже Валёк не выдержал, самый здоровый из нас, всё же он постарше будет.

— Всё, труба. Перекур и костерок запалим, исть охота до чёртиков. А когда этот полдень будет — кто его знает, часов-то ни у кого нет.

В ту послевоенную пору часы были большой редкостью и мало кто мог похвастаться наручными часами, да ещё трофейными. Часы, как и велосипеды, больше привозили отцы после Победы, а их так мало вернулось в наш посёлок с фронта.

Ёжика поддержали все, и мы молча стянули с уставших плеч свои отяжелевшие котомки. Костерок развели на небольшой полянке на берегу Пескарихи, на таганке подвесили котелок с водой для чая, а сами попадали рядом — всё же все притомились, даже есть никто не стал. Первым зашевелился Гринька — хоть и худой, зараза, а самый выносливый. Правду грит Митяй: шепутной рыжий, как кузнечик, на месте не усидит.

— Эй, лежебоки подъём, котелок вовсю запузыривает! Вставайте, похаваем чо есть да двинем, хоть до заимки сёдни добраться надо.

— Дык доставай, у меня в рюкзаке хлеб бери, картошку вон варёну, да пару луковиц бери.

— А у меня сахар в мешочке колотый наложен, — с трудом приподнялся Митька от земли и присел на корточки, — ох и спина болит, ноги как деревянные, ещё бы часок поваляться. Да тама в туюске ещё яички варёные есть.

Быстро на траве у прогоревшего костерка выросла внушительная горка варёной картошки, несколько головок ядрёного лука, на тряпице аккуратно высилась горка сероватой соли и пяток вкрутую сваренных яиц.

Уставшие и проголодавшиеся, ребята мигом расправились с разложенными харчишками и блаженно попадали на траву, щурясь под лучами яркого солнца.

Ещё раз внимательно расшуровали кострище, не остался ли где тлеющий уголёк, затем, забросив за спины котомки, двинулись в сторону заимки.

Пескариха, чем дальше уходили ребята, становилась всё уже, и в некоторых местах её можно было перейти, не замочив ног, прыгая с камня на камень. А день расходился в полную силу, солнце, забравшись на самую верхотуру, нещадно палило, согревая проснувшуюся тай-

гу. Вся живность тайги безоглядно впитывала щедро струившееся тепло, стараясь про запас набраться живительной силы — для себя и продолжения рода. В природе всё предусмотрено и распланировано, когда, чему и какой черёд, и ничего не делается с «бухты-барахты», как у человек. Вот так нам и втолковывал дед Афанасий, а ему-то видней, он вон сколько годов прожил, всего повидал.

Речка вилась и петляла, пока не вывела нас на вольготно раскинувшуюся поляну, где на отшибе, скособочившись, притулилась одинокая избушка, да на пару ей по соседству высился огромный кедр.

— Ура! Вот она, заимка, значит, правду нам толковал дедок, не обманул, — с удивлением заорал Валька. Вот она, изба, тут и заночуем, да завтра пойдём.

— Митяй, ты шибко устал наверно, я тоже притомился, — присел прям на дорогу Гринька, даже не скинув с плеч котомки. — Это Валька, как лось-сохатый, прёт и прёт, ну, да ладно, пришли всё же.

Не заходя в избушку, скинули котомки, присели на полу на развалившуюся лавку немного перевести дух и оглядеться, куда же они забралась.

— Валёк, а дале куда, где энтот Шатун-ручей, пошто его так обозвали? — скинув картуз и обглядев всё вокруг, запылился Рыжий. — Дале то куда? Куда идти?

— Куда, куда, счас маленько передохнём, и я всё перекажу, куда дале пойдём.

Пока Гринька с Вальком препирались, я заглянул в избушку. Дверь со скрипом отворилась, и изнутри пахло сыростью и нежилым духом, пахло плесенью, несло каким-то смрадом. Не без опаски я шагнул в полумрак догнивающей избушки. Окошка-то в избе не было, потому и темно так. В углу были грубо сколоченные нары, напротив стояла целехонькая печка-буржуйка, а посреди был стол. Вот и всё, что я успел рассмотреть, как с улицы позвали: Митяй, ты где запропастился, мы уж подумали, не утёк ли ты до дома.

Опять этот шепотный Рыжий, никакого покоя от него нет. Всё-то он видит, всё знает.

— Тут я, вот избушку хотел посмотреть, страх божий в ней ночевать, ужас один, того и гляди, потолок на голову свалится. Я лучше на улице спать буду.

— Спи, коль хочется, а мы печурку протопим, сырой дух выгоним. На нарах-то лепота одна, нешто на земле гнуться, — дымя своей махрой, ухмыляется Ёж. — Иди сюда, вон Гринька толкует, што до клада рукой подать, ручей, мол, недалеко совсем.

— Да, дед Афоня говорил, что ручей недалеко за избой протекает, он из гор текёт, а горы — вон они, рукой подать, холодом от них даже досюда тянет. А ночевать, Митяй, на улице совсем не климат, от гор такой холодрыгой ночью потянет, што околеешь. Даже и не думай!

Прав был конопатый чёрт: с опустившимися сумерками с гор сполз туман, и стало зябко и холодно. Пока было светло, мы облазили всю округу вдоль и поперёк, но ничего интересного не нашли. Всё поросло бурьяном и лебедой, кругом трава и кусты, давненько тут никого не было, ни следочка, ничего. С вечера протопили печурку

и правда — в избушке совсем даже ничего. Валька прихватил из дома свечки, а когда запалили свет, как-то уютно и по-домашнему стало. На стол выложили весь наш припас и поделили на три ровные кучки. Это на три дня, что мы будем здесь. А домой пойдём налегке, быстрее добежим.

На улице быстро стемнело, ничегошеньки не видно, тишина, ни звука, всё вязнет в густом и липком тумане. Стоило нам раскидать свои фуфайки на нарах, как Ёж задул свечу и засмолил свою самокрутку, аж дым столбом, а Гринька, как всегда, начал травить свои нескончаемые байки.

Гринька много поколобродил по стране, много повидал и много знает того, о чём мы с Вальком даже и не слыхивали. После войны он сбежал из интерната и пробрался в свой городок, где жил с родителями и сестрой. Но от городка, грит, ничего не осталось, совсем ничего, даже и спросить не у кого про родных — один большой пустырь да останки изб и построек разных. Ни единой живой души. Вот с тех пор и носило Рыжего по стране, как перекасти-поле, пока не осел в нашем таёжном посёлке. Как уж он сюда залетел и чем приглянулся ему наш махонький посёлок, он не говорит, держит в тайне.

А пока, лёжа на нарах в крошечной темноте, травит всякие ужастики, от которых по коже мурашки ползут, и хочется куданибудь спрятаться, или дома очутиться на печке, на огромном жарком дедушкином тулупе и слушать бесконечное поскрипывание за печкой сверчка. Гринька рассказывает, как он был в Питере, как с жюльманами в картишки играл и какие деньжищи у него были. Как от милиции прятался по чердакам и как вольготно там жилось.

— Да, хорошо было в Питере. Но всё равно словили на чердаке под облаву попал и не успел смяться. Замели — и в участок, а там, знамо дело, снова в интернат, я и оттуда утёк и подался в Ташкент, зима уже наступала, а в Ташкенте, говорили, мол, яблоки на улицах прям растут, вот где жизнь-то. Туда-то с корешком мы и ломанули, но вот не доехал я до Ташкента, только об этом потом, спать хочется...

Незаметно пришёл сон, и снова мне снились какие-то чудеса, и где-то я летал в неведомых краях, пока не проснулся от какого-то скрипа. Валёк, со скрипом приоткрыв дверь, исчез на улице, а на улке уже светло и светит солнышко. Пора и вставать, только Гринька ещё, сладко посапывая, что-то бормочет во сне. Стараясь его не разбудить, выбираюсь потихоньку на улицу.

— Ёжик, ты чо в такую рань соскочил?

— Какое рано, солнце уже вон куда поднялось. Рыжий-то пусть поспит ещё, устал он сильно, а я так ничо.

— Наверно, ты прав, давай приготовим чо-нибудь похавать, а потом пойдём к горам, полазим по штольням, их пропасть тама, говорят.

Не успели мы сварить картоху, как из избушки показался заспанный Гришутка.

— Во, гля, и тумана нету, испарился весь, день хороший будет, однако. Сёдни точно клад найдём, во сне всё это точь-в-точь видел.

— Ты, как Вещий Олег, вещи сны смотришь, давай лучше к столу, вовремя подошёл.

— А чо, Митяй, и взаправду иногда сны у меня сбываются. Вот как-то было....

— Ладно, пророк, садись к столу, похаваем и в путь, — не выдержал Валька, — тебя не переслушаешь. День-то вон в самом разгаре, пора уж и к штольням подаваться, а мы тут лясы точим.

Позавтракали без спешки и основательно. Когда мы теперь вернёмся к избушке, неизвестно, и что нас ждёт впереди — тоже. Решили, что уходим налегке, берём только кайлушку, лопату, моток верёвки, и всё. В первый день просто осмотрим ручей и штольни, если мы их найдём. Ручей мы надыбали ещё с вечера и сегодня напрямую вышли к каменистому руслу.

Тропинки вдоль ручья и в помине не было, идти было трудновато. Нас спасало то, что мы весь груз оставили на заимке и шли налегке. Ручей не петлял, как Пескариха, а ровной стрелой прошёл тайгу от самых гор до заимки. Как всегда, впереди топал Валёк, за ним шёл Гринька, а я замыкал наш отряд. Прыгая с камня на камень, мы медленно поднимались по ручью, — теперь понятно почему его нарекли Шатун-ручей: пройдёшь по нему версты две, и зашатает тебя, как колодезный журавель.

К первым штольням мы подошли где-то в полдень, уставшие и голодные, как бобики. Каково же было наше удивление: вход в штольни был завален, и туда ну никак не пробраться. Вот дела! А вдруг именно в этих штольнях и запрятан клад?

— Вот это фунт изюму, — удивился Ёжик, — чо делать если все штольни завалены?

— Нет, дед Афанасий говорил про них, мол, первые штольни завалены, искать дале надо. Выше в горах те штольни, клад точно там, а тут пусто, так дедок мне толковал. Туда и пойдём, много тут потайных мест, искать только надобно.

— Пойдём, неча тут время терять, как всегда, заторопился Гринька. Чем больше пройдем, тем надежи больше, что клад сыщем.

Я-то молчу. А и чо попусту балабонить? Не успели прийти, как клад им подавай. Где энто видано — с разгону клад найти? Да и здорово я сумлеваюсь, што вообще какой-никакой клад тут есть. А может и есть, кто его знает, если бы кто и сыскал, то знали бы об этом.

Посудили, порядили, подымили самосадою и снова двинули вверх по ручью, хорошо что тайга кончилась и перед нами просто пологий каменистый подъём, а с обеих сторон вздымаются крутые горы, на которые не так-то просто и взобраться. Все разбрелись как попало, кто с правой стороны ручья, кто с другой. Идём и выглядываем любые щелки, где может быть какая захоронка, но пока всё напрасно, ничего.

— Вот она! Гля, вон она! — неожиданно взвился Гринька. — Вона, тёмное пятно за тем камнем, видите!

— Видим, видим, не ори, как очумелый. — Давай туда и двинем. Митяй, пошли, штоленку Гринька надыбал, проверим, чо в ней имеется.

— Счас иду. На этом склоне вроде тоже какая-то дыра есть. Ну, да ладно, тут и потом посмотрим.

Все молча сгрудились у входа старой штоленки. Валька достал из кармана фонарь, и мы с осторожкой двинули внутрь штольни. Ширина-то была всего ничего, метра два. Со стен и потолка то тут, то там угрожающе топорщились угловатые булуганы, готовые в любой момент свалиться на башку. А мало не покажется, как муху придавит, и пикнуть не успеешь. Валька, посвечивая по сторонам фонарём, медленно крался по коридору, а мы с Рыжим, шаг в шаг, шли следом. Прошли не так и много, как за вторым поворотом оказался тупик — ничего. Возвернулись назад и выбрались на свет божий. Как всё же хорошо на солнышке — не давят над душой камни и темнота. Немного передохнув, направились к выработке, которую я нашёл. Всё повторилось в точь, как и в первой штольне: поворот, второй и третий, а за ним снова тупик; проход вглубь завален, только из кучи камней торчат поломанные, как спички, брёвна истлевшей крепи. Долго мы ещё шарились по склону, прорезанным ручьём, но ничего путного не нашли. Штолен и правда было много, как в сыре дырок, но почти все они были обрушены или временем, или с умыслом, поди разберись, сколько времени прошло с тех пор.

Ночевали мы на заимке, куда пришли затемно. Устали, как будто на нас пахали, даже и печурку растоплять не стали, пожевали всухомятку и попадали на телогрейки. В момент и уснули. Даже у Гриньки не осталось сил на трепотню.

День начался, как и вчерашний. Пришли на то место, где вчера оставили лопату и кайлушку, и двинули вдоль по склонам вверх по ручью. Ручей, правда, куда-то подевался. Даже воды не видно, просто слышно, что где-то журчит ручеек, и всё. Склоны стали намного круче, и так просто по ним не полазишь. Пробираемся как по какой-то щели, штолен стало встречаться намного меньше, зато они были целее: встречались всякие развилки, где запросто можно блудануть. Почти весь день ушёл у нас в бесполезных поисках, и только когда выбрались на самую верхотуру, поняли, что мы ни фи́га не нашли и пора возвращаться на заимку: время уже позднее, если ещё задержимся в горах, то в темноте до избушки не дойдём; ночью по горам шарашиться бесполезно и опасно — свернёшь башку. На том и порешили.

Ещё один день у нас прошёл впустую, признаков клада никаких, одни горы и штольни, и чо только люди здесь ковыряли — непонятно.

А нашли мы ту заветную штольню совсем не там, где указывал дед Афанасий. Совсем случайно мы блуканули в другой распадок, где не было никакого ручья, а в одном из склонов заприметили невзрачную, еле заметную щель у скалы. Валька светанул туда фонариком, а щель-то на глубине стала расширяться.

— Вот она! Митяй, Гринька! Нутром чую — она это, как пить дать, это она! И клад тут, больше негде ему быть.

Как чувствовал Ёжик: щель на глубину расширялась, и можно было встать во весь рост. Штоленка крутилась и вправо, и влево, раздваивалась и снова сходилась. Прошли уже изрядно, как вдруг за очередным поворо-

том увидели пулемёт! Настоящий, в масле, и блестит как новенький. Вот это да, вот это находка, почище всякого клада. А рядом цельный ящик с заряженными патронами, лентами, и гранат полный ящик.

— Пойдём, пойдём дальше, — загоношился Рыжик, — тама ещё чо нибудь найдём, не один же тут пулемёт, ясно, это они тут клад охраняли.

Пошли дальше, а за поворотом тупик оказался. Вот те на, а где же клад?

— Тихо, черти, не толкайте, не видите што ли, колодец тута, затормозил Валёк. Свалишься и костей не соберёшь. Ну-ка, Гринька, подай верёвку, счас глубину смерим. Верёвка опустилась на два метра. — Ну кто полезет, кто смелый?

— Давай я залезу, а то Рыжий залезет, а обратно кишка слаба.

— Ну, попробуй, Митяй, токо далеко не уходи, где потом тебя искать будем.

— Ладно, давай верёвку, — и накрепко обвязываю пояс, — потихоньку спускайте, если чо, тяните мигом наверх. Ну, я пошёл.

Спустился я мигом, встал на ноги — ничего, земля плотная, воды нет, пойдёт. Посветил фонариком — ход идёт куда-то в глубину, и не видно конца. Отвязал верёвку и двинул по проходу дальше. Штольня крутила-вертела, сколько шёл, непонятно, пока не оказался в большущем зале, метров двадцать, не меньше. Посветил на стены и чуть не обалдел. Стены засверкали синими всполохами-огнями. Отражаясь от света фонаря, стены заискрились всеми цветами радуги, до рези в глазах, аж больно глазам стало. На секунду выключил фонарь и снова включил. Не направляя свет на стены, осторожно подошёл и увидел,

что все стены утыка-

ны причудливыми синими кристаллами, которыми был усыпан и весь пол пещеры. Обошёл вокруг по всей пещере, но нигде не нашёл никакого золота. Нет клада! Расстроился я, нет его — одни блестящие камни. На всякий случай сунул пару камней в карман — и на выход. Дёрнул за верёвку — и наверх, где меня ждали Гринька с Вальком.

— Ну чо, клад есть или нету? — не выдержал Валька. — Неужто нету?

— Не, клада там нет, вот только одни эти камни и есть.

— А может, шибко дорогие они? — не унимается Ёжик. Может, они кучу денег стоят.

— Зачем, Валёк, клад тебе, вона пулемёт нашли и ладно, продадим кому-нибудь, вот тебе и деньги.

— Какого чёрта продашь, посадят ищё, будут тебе деньги. Вот так и закончились для нас поиски клада. Правда не совсем. Когда вернулись в посёлок, понесли к деду Афанасию спросить про клад, а может, и про пулемёт.

— Молодцы, — grit дед, увидев наши камушки, — это и есть наиглавнейший клад, это аметист, очень редкий и ценный камень, шибко дорого он ценится. Видели горы все исковыряны? Там и добывался энтот камень, да кончился он, весь вышел. Последний схрон, однако, вы нашли. Много о нём толковали, а где он — точно никто не знал; кто знал, те погибли ещё в гражданку, а вот вам счастье выпало сыскать его. Бегите в совет, тама скажут, чо делать. Принесли мы и выложили на стол председателю камни, он повертел-покрутил их и сказал токмо: ладно, и всё. А через неделю приехали какие-то дядьки и мы снова водили их к заимке и на ту штоленку. Спускались они вниз, всё облазили, обнюхали, и пулемёт наверх подняли, и камней много натащили, всё в город увезли.

А после в город нас вызывали, путёвками на месяц в «Артек» нас наградили. И до самой почти школы мы в лагере отдыхали. Когда снова возвратились, меня дома встречали папа с мамой: наконец-то и они домой вернулись. А ещё привезли они мне настоящий велик, правда, подростковый, но пока лучше и не надо. Гоняли мы по очереди с Гринькой и Вальком по всему посёлку до самой осени, пока грязью улицы не залило.

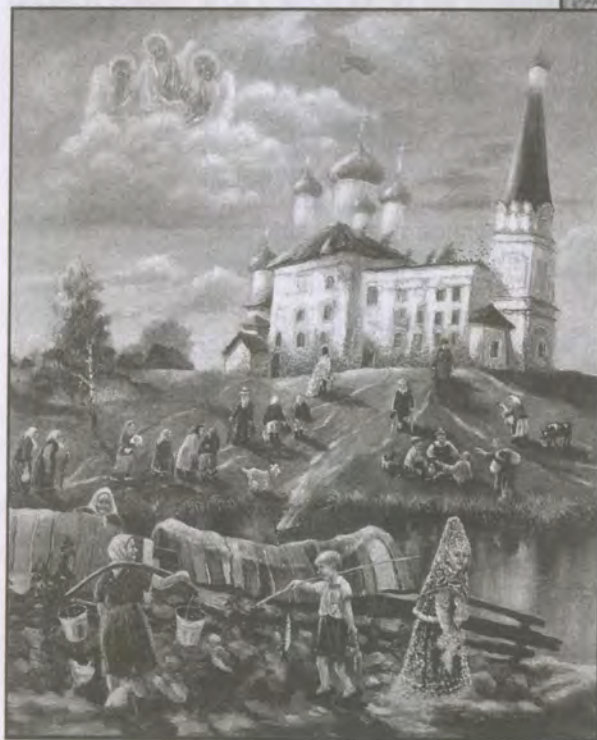
Александра на мосту памяти

Александра Петровна Гурьева-Сажаяева родилась в г. Богдановиче Свердловской области. Закончила обыкновенную среднюю школу. Готовила документы в Свердловский архитектурный институт, но, случайно попав на выставку уральских живописцев, решила круто изменить судьбу и в итоге закончила графическое отделение художественного вуза.

Широкой публике ее живопись стала известна в 1995 году после рождественской выставки, совместной с братом Михаилом Сажаяевым. Над картинами она обычно работает подолгу, поэтому выставки случаются редко. (Биеналле в Габрово (Болгария); биеналле графики и мелкой пластики в Редоне и Нанте (Франция). Большое возвращение к зрителю произошло в 2000 году. Сначала первая полномасштабная выставка «На мосту памяти» в галерее «Арс либри» при библио-

Букет.

Троица.

теке имени Белинского. Затем приняла участие в 5-м Московском международном художественном салоне в Центральном Доме художника — в рамках проекта «Музей простого искусства Урала и Сибири». Работы А.П. Гурьевой-Сажаяевой украшают частные коллекции многих европейских стран, а также США, Японии, Канады и Китая. Она постоянный участник и член творческого объединения женщин-художниц «Ирида» в Москве.

В своей живописи Александра Гурьева-Сажаяева использует композиционный метод моделирования, характерный для большинства «наивных» художников. Он выражается в создании развернутых повествовательных композиций, «составленных» из «застывших», статичных фигур, в выборе высокой точки видения, в панорамности пейзажных фонов, в выделении отдельных предметов... Однако выразительные средства живописи Гурьевой-Сажаяевой подчас противоречат практике «наивного» искусства — художница отвергает локальные цвета, свойственные «наивной живописи», и работает маслом как истинный живописец, которого волнует игра света и цвета, колористические нюансы.

Триптих «Возвращение».

Круг основных мотивов художницы — детство, семья, родной дом — свидетельствует о сложившейся собственной мифологической системе, в которую включено и творчество, и жизнь.

Читателям «Уральского следопыта» А.Гурьева-Сажаяева знакома также по воспоминаниям «Ильин день», ею же и проиллюстрированным (УС, 2003, № 4,5)

«Деревья растут для всех».
Справа: «Рождество»; «Метель».

Денис ЕЛИН

Где Ты?

*Я вернусь. Слышите?**Они смеются в ответ. Все. Деревья за перилами –
каждым листом, каждой каплей ночной росы
на этом листе. Птицы на ветвях
– каждым озябшим перышком. Небо, звезды...**Я вернусь.**Я, Одиссей, сын Лаэрта-Садовника и Антиклей,
лучшей из матерей.**Скиталец Одиссей. Герой Одиссей. Хитрец Одиссей. Я! Я...**Г.Л. Олди «Одиссей – человек Космоса».*

Где, за каким поворотом открывается нам неведомое? Когда приходит понимание? Нужно ли оно? Что хочется выплеснуть единым махом на страницу?

Помнишь ли это...

Память внезапно поднимает целые пласты прошлого, как кедр-вековик, подмытый водой, вдруг обнажает скрытый в корнях самородок или золотую жилу.

Помнишь ли...

Я ушел. Целый день я бродил по лесу. Я ушел в себя. Опять наступает такой момент, когда только у костра, под шум сосен, ты понимаешь, что нужен людям, и ты вернешься.

Помнишь...

Я сижу опять у костра. Я вернулся. Вернулся к себе, к своей памяти.

Два года пролетели одним дуновением ветерка. Мы у озера Песчаного. Я шел тропой своей памяти. Мои университетские друзья – Андрей и Юлия были здесь впервые.

Мы подошли к озеру уже вечером. Солнце, то прячась за тучками, то вновь выглядывая, освещало сосны горы Пшеничной и само озеро. Небольшое и круглое, оно находилось как бы в ладонке у горы. Места знакомые и родные. На ночлег остановились у границы горки и болота, рядом с озером.

Развести костер, поставить палатку дело нехитрое и привычное. Потом долго варим лапшу в маленьком котелочке Андрея. Печенья и всех чайных принадлежностей у нас в избытке, зато нет картошки, и тушенки всего три банки. После чайной церемонии с торжественным съеданием рулета все пошли спать, а я остался вечерять у костра. У ночного костра не ищут правды. У него поют песни, либо рассказывают сказки. Костер нужен лишь как символ, на улице очень тепло, но кто, скажите, откажется посидеть, глядя на мелькание язычков пламени.

Вспоминай...

Здоровущий костер пылает в ночи, освещая поляну и бросая пучки света на блокнот. Пляшущие человечки бегают по моим записям, путая и без того нестройные

мысли. Ветер качает верхушки деревьев, и позади скрипит, действуя на нервы, сломанная сосна. Я пишу в темноте, при свете костра. Новый день уже начался, а я этого не заметил, уткнувшись лицом в блокнот. Попробую наверстать упущенное.

Теплый ветерок меня убаюкал, теплый дождик разбудил. Я и сам не заметил, как уснул на пирсе, который унесло с базы.

В палатке, как всегда перед сном, возня и суматоха. Через полчаса все успокоились, но тут Андрюха с Юлькой находят на себе двух клещей. Снова поднимается гвалт. Юлия перерывает спальники в поисках клещей, Андрей заявляет, что хочет сгуценку. Едим сгуху, намазывая ее на печенье. Наконец, сытые и довольные, засыпаем окончательно.

Через прозрачный (призрачный?) вход в палатку виден утренний лес. Утренняя дрема не дает вылезти с первого раза из спальника, и я еще на часок ухожу в сладкий сон.

Вне палатки чудесно! В такие дни мы всей биостанцией срывались купаться. Стоит настоящая, по-летнему жаркая погода. Теплый ветер качает сосны, и нет ничего лучше этого шума сосен над головой и плеска озера у ног.

Чувствуй...

Человек шел в гору. Лыжи упрямо не хотели подниматься, но человек был упрямее. Человек шел в гору. Длинная гора. Больше половины пути уже пройдено. Человек остановился и огляделся. Зачем он тут? Нет пока ответа. Дыхание с непривычки сбилось, шапка напозла на лоб, мешая видеть. А поглядеть было на что. Морозный воздух был кристально чист, и казалось, при вдохе он обожжет легкие, как спирт. Молодой сосняк по склонам горы притих, наблюдая за человеком на лыжах. В последнее время сюда не часто стали заходить люди, и настойчивость человека была непонятна соснам.

Человек шел навстречу горе. На встречу. Сосна на самой вершине была ненамного старше окружающих ее подруг. Что-то около четверти века было сосне. Столько

же, сколько и человеку. Знакомые? Родственники?! Я!... В какой момент ты понял, что и гора, и сосна, стоящая на ней, являются частичкой тебя? Что сам ты являешься веточкой сосны? Когда ты впустил в себя шероховатость коры и безмолвность надвигающихся сумерек? И почему хотя бы раз в год ты поднимаешься на гору и пятнадцать минут молчишь, глядя на сосну?

Ух, как быстро летят лыжи под гору! До следующего года!

Совершаю старинный обряд омовения с пирса. Вода вполне пригодна для купания, но, видимо, я еще не дошел до нужной кондиции. Все равно снимаю футболку и ополаскиваюсь по пояс. Я уже успел умыться, сварить суп и вскипятить чай, когда из палатки появилась заспанная Юлька. Она тоже помнит древний обычай, успела даже поплескаться с Андреем. Андрюха проиграл, оступившись между кочками и промолив кеды. Пустое. Кушаем еду и решаем идти на Чертово Городище. Всех одолевает жара и всеобщая лень куда-то идти. Выходим только в двенадцать. Штурмуем в лоб Пшеничную и на ее вершине усталые, но довольные, зажигаем еще полчаса. Спустившись с горы, попадаем на знакомую мне ЛЭП, два года назад мы уже ходили этим путем на Городище. Останавливаемся у каждой лужи, чтобы поймать ящерицу или посмотреть следы на грязи.

Вот и Чертики. По скалам напрыгались вдоволь, решили попить чайку из трав, который сварили еще утром. После чая идти дальше расхотелось вообще. Загораем на скалах. Камень отдает тепло твоему телу, и ты засыпаешь, пригревшись на его шершавом боку. Под тобой океан леса, а ты спишь и видишь сны.

Спи...

Сегодня я понял, что нашел друга. Им оказался белый волейбольный мячик. Целый день я купался с ним, играя, как дельфин, и был счастлив. Вода не отпускала меня, зовя нежной прохладой и свободой полета. Вы будете смеяться, но до сих пор я чувствую внутреннюю связь с дельфинами.

Разбудила меня Юлька, посадив на спину долгоносика. Он вцепился в мою спину своими лапками, и я заорал на весь лес, распугав при этом туристов.

Внизу на дороге встретили маленькую гадючку, мы ее сфотографировали. Затем она попала в распоряжение ребятни, которая отдыхала неподалеку. У Юльки натерлось плечо, поэтому решили поставить лагерь пораньше. Маленькая речка, журча, перебежала через дорогу и исчезла в лесу, где-то под валунами. Идем вдоль нее и в полукилометре останавливаемся. Место красивое. Речка образует здесь небольшой водопадик между камней. Узенькая, с небольшими заводьями, ее можно перепрыгнуть с берега на берег. Дров тоже много, но только когда мы с Андреем пошли осматривать окрестности, натолкнулись еще на одну гадюку. Эта была черная и здоровая. Она поспешила спрятаться от нас, и мы не стали ей мешать. Ну ее!

Сегодня день моих кулинарных искусств. Сначала полдничали мандариновым киселем, затем ужинали гречневой кашей с тушенкой, все в моем исполнении. Но ко-

стер у нас сердитый. Сперва он прожег немного мои штаны, потом полностью спалил рубашку Андрея.

После еды я облюбывал себе валун у воды, постелил пенку и начал записывать в блокнот, слушая разговор полуречки, полуручейка.

Слушай...

Я иду берегом реки. Своей реки. Тропа то выходит к ней, петляя над глиняными обрывами, то уходит снова в синеватый сумрак леса. В глубоких темных омутах, под поваленными елями, стоят жадные таймешата, бегающие за блесной в любое время суток. Но сегодня они меня не интересуют. Я иду к избушке. Лесная изба, построенная моим отцом, спряталась в темном ельнике, там, где река делает поворот и образует полуостров. Не знающий не найдет.

Но долго удержать меня на одном месте сложно, и я пошел слушать голоса вечернего леса. В сумерках не на шутку разошлись певчие дрозды, тараторя что-то непонятное и перебивая друг друга. Один раз пропищал рябчик. Взлетел вспугнутый мною вальдшнеп. Лес постепенно засыпал. Лето входило в свои права

Озеро Песчаное. Фото Евгения Тамплона.

КОЛОНКА
РЕДАКТОРА

Владимир ТРУСОВ

ЕСЛИ ЖИВА БИБЛИОТЕКА, ДЕРЕВНЯ ТОЖЕ БУДЕТ ЖИТЬ

Деревня Мартьянова Шалинского района лежит на реке Чусовой. В начале прошлого, еще точнее сказать, доверяясь земскому журналу, в ноябре 1909 года, прибыла сюда из Петербурга большая книжная посылка от душеприказчиков издателя и мецената Ф.Ф.Павленкова. И с тех пор бытует здесь бесплатная сельская народная библиотека.

Здание училища, где она открылась 95 лет назад, уже не существует. Библиотека уютно разместилась в сельском клубе. И по ее интерьеру, по самой атмосфере, что здесь царит, никак не скажешь, что деревня умирающая, и в библиотеке нынче всего 50 читателей и только семеро из них — дети, которых в школу возит автобус в соседнее село Чусовое. Аккуратный ряд стеллажей, правда, книги зачитаны, что называется, до дыр; небольшая выставка детских поделок из природных материалов; уголок, посвященный Павленкову и его просветительской инициативе; шкаф с особо хранимыми книгами, в том числе и томиками павленковской биографической библиотеки «Жизнь замечательных людей»... Но ведь и то надо сказать: разве пятьдесят сельских читателей и семеро ребятешек — это не россияне, на которых распространяется наша конституция со всеми ее гарантиями?

А приехали мы — представители журнала и Содружества павленковских библиотек — в Мартьянову не с пустыми руками. Привезли несколько ящиков книг-дарений от читателей и авто-

ров «Уральского следопыта», библиотеки № 17 им. А.П.Чехова и Информационного библиотечного центра что в Кировском районе Екатеринбурга. Теперь эти книги начнут свою вторую жизнь в сельской глубинке. Несколько десятков своих новинок подарили библиотеке издательский дом «Сократ» и издательство «ПАКРУС». Помимо книг привезли мы и кое-какую библиотечную мебель: деревянные стеллажи, стол, кресло, книжный шкаф... Это тоже подарок библиотеки им. Чехова, которая ныне обновляется.

И надо было видеть глаза хозяйки Валентины Николаевны Ошурковой (она по совместительству и директор клуба)! Пока мы с дороги угощались чаем с пирогами домашней выпечки, она уже мысленно находила место и мебели, и книжкам-новоселам.

На торжество передачи дарений сельской библиотеке приехали из Шали заведующая районным отделом культуры В.А.Титова, работники центральной районной библиотеки.

Не дать свече погаснуть — такова задача библиотечного марафона, который Содружество и редакция журнала «Уральский следопыт» проводят совместно с областным Управлением федеральной почтовой связи. Ни одна сельская павленковская свечка не может быть задута. И не только потому, что это библиотеки-памятники, но и потому еще, что исчезновение последнего очага культуры на селе неизбежно предшествует деградации и исчезновению самого селения.

*Юний Горбунов,
редактор раздела «Река времени».*

Старые рудники
Кронских гор

В Первоуральске между долинами рек Ельничной и Талицы находятся четыре горы: три безымянных и самая северная — Пильная (477 м). Это — Кронские горы. Раньше здесь добывали хромистый железняк: в Гологорском и Пахотском рудниках и в так называемых Земских Ямах на горе Пильной.

Хром — от греческого *chroma* (цвет, краска). Соединения хрома — окислители, неорганические пигменты, дубители — широко используются в народном хозяйстве. Cr_2O_3 — темно-зеленое кристаллическое вещество; краски на его основе устойчивы к кислороду и свету — их называют «краски крон».

Местность эта стала заселяться русскими после 9 июля 1730 года, когда Никита Никитич Демидов получил разрешительный указ Берг-коллегии на постройку железоделательного завода на речке Шайтанке. Строительство велось под руководством Василия Никитича Демидова. В 1732 г. заработала домна. А в сентябре 1759 г. Никита Никитич получил разрешение на постройку второго завода на Шайтанке, который стал называться Верхне-Шайтанским. Василий Никитич Демидов к этому времени умер, и строительство Верхнего завода велось под присмотром приказчика Авдия Набатова. По всей видимости, завод пустили осенью 1759-го. А первый назвали Нижне-Шайтанским.

Речка Ельничная впадает в Нижне-Шайтанский пруд. Но и в нынешнее время работает канал, прорытый по склону горы Мокрой, и вода из Ельничной попадает в Верхне-Шайтанский пруд. В 1760 г. на Ельничной пущена в действие «пильная мельница о двух рамах». На ней пилили доски для домашних нужд, заводского ремонта и на постройку барок для сплава железной продукции Шайтанских заводов по реке Чусовой. При лесопилке была основана деревня Ельничная, которая позднее получила название Пильная.

Гологорский хромовый рудник, лежащий в даче Шайтанских заводов, был открыт по-

Заводской пруд. Фото Евгения Тамплона.

веренным Сосуновым в августе 1864 года. Имя рудник получил от близлежащей горы Голой. Она возвышалась безлесой макушкой над речкой Талицей. Сейчас здесь садовые участки. Правление Шайтанских заводов получило право добывать и в сыром виде сбывать на месте или сплавлять водой в портовые и прочие города Российской империи руду на вольную продажу — для выделки красок, с платной казне за каждый десятый пуд деньгами по справочным ценам. Свидетельство на разработку и сбыт хромистого железняка выдано Шайтанскому заводу управлению Уральским горным правлением 21 декабря 1864 г.

Руда Гологорского и Верх-Нейвинского месторождений поступала на Кокшанский хромпиковый завод, основанный К.Я. Ушковым в 1850-х годах. Гологорский хромпиковый железняк доставлялся для переработки на Богословский хромпиковый завод, построенный в 1887 г. (ныне г.Карпинск).

20 июня 1903 года от управляющего Шайтанскими заводами Федора Прохоровича Злоказова поступило заявление в Уральское горное управление: «По произведенным мною с минувшего мая по настоящее число разведкам, в даче управляемых мною Шайтанских заводов, их средствами, под присмотром горного смотрителя Якова Яковлева Злоказова, вблизи границ Гологорского хромистого рудника, по речке Пахотке, по течению на левой стороне, в расстоянии от Шайтанского завода до 5 верст, оказалась залежь хромистого железняка».

Речка Пахотка берет свое начало на за-

падных склонах безымянных гор. Называться стала так оттого, что в нескольких местах по ее берегам находились пахотные земли крестьян из деревни Талицы, приписанные к почтовой станции на московско-сибирском тракте. Ранее Пахотка имела имя Сухая Талица, потому что в летнее время большая часть верховьев речки пересыхала.

30 августа 1904 года в Уральское горное управление из Санкт-Петербурга, из министерства земледелия и государственных имуществ, было препровождено прошение крестьян Шайтанской волости и завода для разбирательства.

Яков Костин и Осип Комаров писали министру о проволочках, которые чинит им, первооткрывателям новых хромистых рудников, Уральское горное управление, и просили сделать распоряжение об отводе рудников.

Разбирательство по этому делу проводил окружной инженер Южно-Екатеринбургского горного округа, который 29 октября 1904 г. сообщил в Уральское горное управление: «...Имею честь донести, что мною было запрошено Шайтанское заводууправление относительно разработки месторождения по р. Пахотке.

24 октября с.г. мною получен отзыв означенного правления, что им производилась в мае и июне 1903 г. за счет заводууправления разведка местности по р. Пахотке в близи границы отведенного Гологорского хромистого рудника, начиная с поверхности до глубины 2 сажень, причем была открыта залежь хромистого железняка и добыто его до 2500 пудов, который хранится в настоящее время на месте добычи, о чем 20 июня того же года и было сообщено в Уральское горное управление. А так как дальнейшая разведка этой местности приостановлена и местность эта еще не вполне исследована, и разрешение на разработку этой

Вид с горы Пильной. Фото автора

Заброшенный рудник. Фото Евгения Тамплона.

залежи еще не испрошено, что же касается того, что местность эта была открыта Костиным и Комаровым, то заводоуправление сообщает, что Комаров находился при разведке в качестве подрядчика и за работы по разведке был удовлетворен платою по счету от 24 июня того же года, а Костин является лицом совершенно посторонним, никакого отношения к делу не имеющим, так как занимается торговлей в Шайтанском заводе, в разведке от заводоуправления участия не принимал, а самовольно разведывать без ведома заводоуправления не мог».

В 1905 году между Уральским горным управлением и Шайтанским заводоуправлением был подписан договор.

«1. Шайтанским заводам предоставляется право добычи и продажи частным лицам хромистого железняка из вновь открытого в 1903 году месторождения, которое отдается в разработку сроком на двадцать лет, считая со дня заключения настоящего договора, без права передачи другим лицам.

2. Отдаваемому в разработку месторождению должен быть произведен отвод мерою не более одной квадратной версты.

3. Разработку рудника Шайтанское заводоуправление обязано производить с соблюдением ст. 284-312 Уст. Горн., т. к. в отдаваемую площадь входят покосные угодья крестьян Николая Васильева Немытова и Василия Федорова Серебрякова, то до открытия разных работ на означенных угодьях заводоуправление обязано войти с названными крестьянами в согласие об обмене угодий или о вознаграждении за порчу покосов.

4. Добытый хромистый железняк не может без разрешения местного окружного инженера увозиться с рудника, и для записи добычи и отпуска его Шайтанское заводоуправление получает из Уральского горного правления шнуры книги. Не позднее 1-го марта следующего за разработкою года должны быть представлены на ревизию в Пермскую контрольную палату под опасением взыскания по 1 р. 50 к. за каждый день просрочки.

5. За все количество добытого хромистого железняка Шайтанское заводоуправление обязуется уплачивать в пользу казны попудную плату по две копейки с пуда. Хромистый железняк, употребляемый для металлургических действий Шайтанских заводов, никакою платою в пользу казны не облагается.

6. Наименьшее количество ежегодной добычи хромистого железняка на предоставляемом Шайтанскому заводоуправлению рудника определяется в 5000 пудов. Если же в течение года будет добыто менее помянутого количества или если руда не будет вовсе добываться, то Шайтанское заводоуправление все-таки обязуется ежегодно уплачивать в казну сумму, соответствующую наименьшему количеству ежегодной добычи.

7. Оброчные попудные деньги вносятся в местное казначейство за каждое полугодие вперед — ко 2 января и 1 июля, в декабре же учиняется окончательный расчет, причем плата за хромистый железняк, добытый сверх обязательного количества, должна быть внесена в казначейство не позднее 1-го марта следующего за отчетным года.

8. За неплатеж в установленные сроки попудной платы заводоуправление подвергается штрафу и пени применительно ст. 318 и 319 Уст. Горн. изд. 1893 г., казне же предоставляется право остановить вывоз хромистого железняка и расторгнуть договор.

9. За казною сохраняется право производства добычи хромистого железняка и других ископаемых в пределах предоставляемого Шайтанскому заводоуправлению рудника, безвозмездно, но не мешая работам заводоуправления.

10. Все расходы по заключению настоящего договора и отграничению отдаваемого месторождения (п. 2) падают на заводоуправление.»

В 1914-1915 годах акционерным обществом Шайтанских горных заводов был построен Шайтанский хромпиковый завод при железнодорожной

станции (сейчас г. Первоуральск). Предприятие находилось в трех верстах от Гологорского и Пахотского рудников.

Месторождение хромистого железняка на речке Пахотке оказалось небольшим, и рудник прекратил свое существование.

В связи с удаленностью от сырьевой базы и транспортных путей был ликвидирован в 1925 году Кокшанский хромпиковый завод. А еще ранее, в 1922 г., закрыт Богословский хромпиковый завод по причине тяжелых продовольственных и транспортных условий, небезопасности рабочей силой и по соображениям целесообразности концентрации производства хромовых солей на Урале на одном Шайтанском предприятии.

В дальнейшем вблизи месторождения построена обогатительная фабрика для переработки и обогащения огромных отвалов, бедных руд, накопившихся за 50-летний период работы.

В 1930-х годах перешли на добычу хромистого железняка подземным способом. Было широко развернуто стахановское движение. Местная ячейка инженерно-технического освоения рудной промышленности издала брошюру «За стахановский рудник». Брошюра содержала статьи, освещающие опыт работы рудника по стахановскому методу, а также записки из дневника бурильщика-стахановца Банных, ездившего в 1935 г. в научную командировку в Криворожье в Донбасс к Стаханову. В 1936 г. рабочие Гологорки соревновались в стахановском движении со старателями шахты № 54 имени Осоавиахима (добывалось золото в кварце), расположенной возле поселка Пильная.

Гологорская руда закончилась перед Великой Отечественной войной. В сентябре 1941 г. в помещениях Гологорского рудника расположился завод «Металлист», эвакуированный из Кривого Рога, а в 1957 г. предприятие переоборудовали в завод по ремонту горного оборудования. Первоуральский хромпиковый завод стал работать на привозной руде Ключевского и других месторождений. В 2004 г. химическому производству (сейчас АО «Русский хром – 1915») исполняется 95 лет.

В начале 1930-х годов с западной стороны Кронских гор началось строительство Новотрубного завода. На речке Пахотке появился барачный поселок строителей, который получил то же название. Поселок существовал до середины 1950-х годов.

В конце 1980-х годов на восточном склоне горы Пильной энтузиастами Первоуральска устроена горнолыжная трасса с самодельным подъемным устройством. Летом 2001 г. частной фирмой трасса расширена, установлен подъемник, построено здание с раздевалками, кафе, буфетом, магазином, прокатом и служебными помещениями. Рядом расположилась двухэтажная платная автостоянка. 2 марта 2003 г. проводились горнолыжные соревнования на кубок губернатора Свердловской области. Летом 2002 г. на Кронских горах (безымянном склоне) устроена трасса с подъемником для сноуборда и на ней же делается снежный трамплин для фристайла (акробатические прыжки на лыжах). Все горные трассы освещены и работают до 23 часов. Горнолыжный комплекс «Гора Пильная» стал любимым местом отдыха жителей Екатеринбурга, Первоуральска и многочисленных гостей.

Фото автора.

Андрей ПОДКОРЫТОВ

Там, где пела гармонь...

Антонину Егоровну Подкорытову, в девичестве Шаньгину, нашел я за работой — ловко натирала свеклу для винегрета. Вытерев полотенцем свои натруженные руки, красные от свеклы, она пригласила меня в избу из прохладных сенок.

— Вот так бы прошел мимо и ни за что не узнала бы, что ты земляк из деревни Подкорытовой, — сказала она, охотно согласившись рассказать о наших общих корнях.

Общение сразу потекло журчащим ручейком, обдавая прохладой и насыщая живительной чистой водицей. И вот что вышло...

Тополь-памятник

В наше время от деревни Подкорытовой остался один тополь, вот там и был наш дом. Покойная головушка, братан мой Калистрат, садил тополь. Такой вот вовсе с табуретку ростиком был. Садил он, когда я еще маленькая была — годов тополю-то около ста будет. Один он и стоит на ветрах на берегу реки Нейвы, а было их в Подкорытовой шесть. Те уже пали-пропали, а вот наш еле стоит, крепится.

Меня вот как-то из Останино в Путилово вез Лёнин сын Ваня, я и говорю:

— Давай-ка у тополя остановись.

Подъехали, он смотрит на меня и спрашивает:

— Чё, баба Тоня, забыла здесь?!

— Вот это наш памятник!

— Как долго ты помнишь?!

— А как долго: мы росли, и он рос. Как раз под окошком нашей горницы жил, вот так.

Иван Яковлев

Фамилия наша — Шаньгины — и в Нижней Синячихе, и в области Свердловской гуляет. У тяти-то было три брата, от их потомки-то и остались. Сейчас живут кто где, кто куда.

Раскулачивание и в нашу Подкорытову заглянуло. Приходили, забирали скот, одежду доброму, у людей котора была, и всё. Людям предлагали: «Уходите, уезжайте из дому, чтоб вас не было до такого-то числа». Люди собирались со слезами.

Вот Ивана Яковлевича раскулачили.

Они зла не делали никому. Жили своим хозяйством, кожевенная у их была, работали они, делали кожу. Скажем, я ли, вы ли закололи теленка, корову или овечку там, берете эту кожу, сдаете имя. Ноги-то не болели раньше так, как сейчас от резины, потому что в деревнях в обуточках ходили. Кожаные обутки сошьют, дегтем их промажут, они высохнут — и ходят люди, носят. Так вот жили.

Земли давали на одного человека осминник, сейчас это 25 соток. Значит чё, у нас вот было пять человек. Родители умерли, а ребята еще малы — землю не обработать. Два осминника братан, покойная головушка, обрабатывал. Посеют овса, тут вот посеют гороху, здесь — ячменю, а в серединку вот — пшеницу. Остальные три осминника мы отдавали Ивану Яковлевичу, ну не обработать все, а чё земля-то, она зарастет.

Бедные люди сами шли к имя, помогали. Помогут Ивану Яковлевичу — они рассчитаются, никого не обижали. Кто чем попросит. У их и деньги были, три магазина они держали, лавками раньше звали. В Останино, в Подкорытовой, в Кабаковой была лавка...

А у нас отец-от в 1914 году на фронте был, а у мамы-то двое. Я уже после той войны в 1917 году нажита. Старики отца маме и говорят:

— От его долго писем нету. Ты поди, куда хошь. Как хошь, так и живи.

Вот мать-то и работала у Ивана Яковлевича. Они ей помогли избушку купить, дали ей теленка. Отец мой пришел с фронта, у нас уж корова была и всё.

У их вот двое ребят было. Старший Аристарх. Его бельё убили, вовсе в огороде и убили. Колчак-от шел по Уралу.. Степан был младшим сыном.

Для хозяйства, для себя пчел держали. Много-то не держали, некогда было ухаживать за имя: то в поле работали, то еще где. На зиму в голбец поставят, им там хорошо — позимуют маленько.

..Ехали они из деревни на двух лошадях, одежи доброй им не дали. Много чё было хорошее — позабирали, а остальное потом в магазине в селе Останино продавали все. Ну, кто брал, кто нет, а у нас братан все говорил:

— Не наше, ребята, не берите ничего. Люди страдают, уехали, а тут кто-то будет пользоваться этим.

Митя Карликов

В деревне у нас главным был десятник. Так называли, кто-то все равно собрания собирал. В Останино совет держал свое, подчинялись председателю совета.

Церковь в Останино работала, детей крестили, службы проходили. Жалко даже — как ее растаскивали трактором, когда ломали. Чё вот людям помешала церква, чё помешала? Это свои командовали все. Сейчас на этом месте стоит памятник погибшим в Отечественной войне.

Всяк свое хозяйство держал, всё. Потом стали поминать, что вот колхозы будут какие-то. Кому-то понравилось. Кто-то пошел в колхоз, а кто не пошел. А у нас Митя Карликов в Кабаковой был, он в колхоз-от и записывал. У его папка с собой, под шапкой — наган. Захожу я ли, например, или другой, спрашиват:

— Пойдешь в колхоз?!

— Нет!

— Почему нет?!

— Ну-у не хочу.

— Ну, не идешь в колхоз?! Уходи!

Он шапку поднимат, вот тут наган и блестит. Но стрелять не будет.

Заходит другой. Он примерится так и спрашиват:

— Пойдешь в колхоз?!

— Пойду!

Митя записыват. Кто не записался в колхоз, дали приказ: что, мол, уезжайте из деревни, чтоб вас не было, и все. Потом говорили:

— Добры-то люди уехали. Осталась рвань — они в колхоз и зашли.

Ну чё, люди зашли в колхоз, стали работать, стали колхоз поднимать, скот закупать, дворы строить. И жить начали. Что вот будешь делать, раз колхозы плодятся стали.

Пахать тяжело было — сохи еще были. Не плуги, сохи деревянные, ее ведь таскать надо — она нелегкая. Потом скот, коней в колхоз забрали всех. Подымать фермы-то надо было, покупать, а покупать где было? Средств ведь не было, ну маленько государство помогало, чтоб закупать-то. Люди стали жить, работать, чё будешь делать?

В колхозе чё, ребята малые, кто копны возит, лет с восьми, совсем молоденькие ребятишки начинали, кто коров пасет, кого куда пошлют. Родители детей приучали к работе, всё. Плачь не плачь, а слезы не помогут. Литовки маленькие насадят ребятишкам — вместе с родителями страдавали, сено ставили. Колхоз овечек держал, куриц, огородничество было.

Я вот в Ключах двадцать пять годов жила, пока не стала механизатором работать. Семья поднималась, дети выросли, ну и поставили на ферму бригадиром, там три года проработала. Осенью посылали помидорами, огурцами торговать. В Асбест ездили...

Начали колхозы подыматься — не дали. Совхозы сделали, и деревни нарушились. Люди кто куда развезжались стали. В Алапаевске вот до самого кладбища ведь не было ничё! Вот Рудаковскую школу построили, она долго стояла, как перст в небе. Теперь половина деревень живет в Алапаевске. Люди раз уехали, значит, где-то живут. Везде по России разбрелись, разъехались из совхозов. Здесь у кого сад, у кого — огород. Так и живут.

Малинята

До войны в Подкорытовой было 52 дома, хозяйства. Я вот порой не сплю ночью-то, болею, бывает, так всех и пересчитаю: сколько домов было, сколько людей жило.

По нашей-то стороне улица одна была, так по дорожке и бежала. Мы жили, как это говорится, от солнца. Я еще прошлый год ездила, приду, постою, погляжу место, что да как.

Начну по порядку: с той стороны от нас жили Иван Андреевич, Фасья Осиповна, Иван Иванович, Василий Михайлович, тут дале Василий Прокопьевич, тут Дарья, это дядя Никита, потом вот Архип Васильевич жил, Петр Егорович, Ликандр Львович... Всех вот запомнила. Потом здесь дальше Кирилл из Малин, потом Анна, тут дальше Никанор, Федор Савватеевич, дальше Иван Яковлевич, Александр Иванович, Петр Кузьмич, дядя Ильюха — нашей крови, Шаньгин, наш дом и дальше Федор Терентьевич. Кажется, всех вспомнила.

С той стороны, к солнцу, с краю,

значит. Фома Казанцев, тут Михаил жил, дальше — у их прозвище было Шабрята, дале Александр Терентьевич, Иван Терентьевич, тут Митрофан, дальше Ипат, потом жил этот, как его, маленько захлестнет, Василий Александрович, дальше Карюкаловы жили, потом пожарка была с каланчой, а потом Александр Васильевич, Иван Васильевич, Архип Иванович.

Архип-от Иванович пешком после окончания Германской войны пришел, из самой Астрахани топал и топал. Много претерпел в пути, но возвратился живой на малую родину.

Дедушка ваш, Матвей Подкорытов, был у Архипа Васильевича принятый. Они его как взяли? Матвей был сирота, а этот Архип Васильевич был охотник, они вдвоем жили с теткой Настасьей, у их ребят не было. Вот этого-то Матвея и взяли в работники. Родители у него в войну-то померли от тифа, а он вот чудом выжил. Он у их сеял, все делал, все хозяйство правил. Раз вот воспитывался сиротой, то и рано тоже умер, молоденьким парнем. Замуж он взял Ефросинью, тоже малинятской породы — это Александра Васильевича дочь. У него, Александра, полна горница была ребят. Ефросинья, Егор, Михаил, Валентин, Марфа Александровна. Помню их деда, Василия, такой высокий, здоровый мужик, видный собой, но бесшабашный был. Бывало, с бабушкой из гостей едут зимой по Нейве, ночью еще, а она не так скажет чё, так он заставлял ее в прорубь нырять. Дурной был! Бабушка, правда, тоже не поддавалась. Когда ребята у их подросли, к столбу отца-то привязали и вожжами его по переманке, вожжами, чтоб неподвадно было мать обижать.

Василий вот и ругался все:

— О! Малина в рот!!!

Он ведь, дедушка, не матерился, никак ничё, всё. Да и не было моды-то ругаться раньше.

— О! Малина в рот!!!

Вот поэтому и прозвали всех деток от Василия малинятами. В деревне смеялись: вот, мол, ягода-малина какая, любит дед малину, раз поминат на каждом шагу. Один матерок и знал всю жизнь. Малинята расплодись. Вот и вы, Андрей Николаевич Подкорытов, тоже из малинят будете.

В деревне Подкорытовой здорово на гармошке играл Михаил Подкорытов, малинятской породы. Гармошки тогда однорядки еще были. Братан у меня играет, сам поет, пляшет — все сам. Михаил вот играл хорошо — заслушаешься.

Были в деревне свои певуны, тогда проголосные песни пели — вон как хорошо. Не частушки, а проголосные песни. Человека два-три как запоют! Бабы-то, и мужики с ия, подхватывают друженько.

Так не пировали, как сейчас, только праздновали праздники, а так-то работать надо было.

Подкорытовы.

Наталья БАРАНОВА

**Вот такие мы
— кадеты!**

Наш клуб начал работать, когда я пришла в кадетскую школу педагогом дополнительного образования, чтобы вести у кадетов программу «Юный спасатель», так как кадетская школа была создана при МЧС России. Программа очень интересная как для преподавателя, так и для слушателя, включает в себя и азбуку туризма, и основы выживания в природной среде. Дети-кадеты, учащиеся с 5 по 9 класс, всегда с удовольствием посещают уроки и с энтузиазмом сдают (и пересдают) зачёты — по вязанию узлов, разжиганию костра, полосе препятствий...

В связи с этим энтузиазмом, нам с создателем этой программы Басовым Леонидом Михайловичем пришла в голову идея создать в школе туристский клуб, где желающие могли бы ходить в походы и уча-

ствовать в соревнованиях по туризму. И клуб заработал! Для начала мы провели ставший теперь ежегодным, летний туристско-оздоровительный лагерь на Ревуне. Утренние пробежки, тренировки и

на соревнования по поисково-спасательным работам. Соревнования тяжёлые, на выживание. Основной маршрут длится три дня, причём этапы и днём и ночью. Многие команды не выдерживали — сходили. Мы дошли до конца. Главное — дошли, и этим гордимся! Впечатлений — масса. Но об этом отдельный рассказ. А пока клуб существует, я думаю, у нас будет ещё много интересных походов.

*Фотографии
предоставлены автором.*

соревнования по ориентированию (в том числе ночному), работа с верёвкой на спусках, подъёмах и переправах, верёвочные аттракционы на деревьях — всё это кадетам сильно нравилось. Ну, и катамаран, и развлекательные мероприятия, и баня, которую делали на берегу Исети, остались в памяти надолго.

В учебное время начались походы. Из ближайших это были Волчиха и Чёртово городище, Семь братьев и Соколиный камень, скалы Петра Гронского и многое другое. Из дальних — трёхдневные походы на Шунут, Шемаханские пещеры, Оленьи ручьи, недельные — с Бажуково на Шунут (80 километров) - в ноябре, Конжаковский камень с восхождением на Серебрянку и Конжак - в марте, из Краснодара в Туапсе через Главный Кавказский хребет - в мае.

Походы — особенное дело. Тут самостоятельность на полную катушку. Всё сам — от еды до благоустройства жилья. И кадетам это нравится, возможно, даже больше, чем благополучным детям. И честно скажу, с ними в походах хорошо. Можно положиться, как на саму себя, особенно на старших. Я в детском туризме уже 20 лет, но здесь, даже если очень тяжело, — ни жалоб, ни стонов. Ещё и меня разгрузят, если видят, что отстаю. Это дома они «трудные», а в лесу лучше их нет. И всем им я благодарна за стойкость и мужество. В последний раз это произошло совсем недавно - когда мы ездили в Сочи

Юрий ВЛАДИМИРОВ

Рассказы о животных

ШТУЧКА

Возвращаясь из г. Алма-Аты со студенческой практики, на одной из железнодорожных станций в пустыне Кара-Кумы, где с окружающих песков тянуло невыносимым зноем, я купил у мальчика-казаха черепаха.

Можно было выбрать крупную или совсем маленькую, размером со спичечный коробок, но я взял среднюю, чуть больше чайного блюдца. Остановка короткая, и я даже не успел спросить, чем ее кормить. Черепаха втянула под панцирь голову и ноги и была неподвижна. В вагоне я водрузил покупку на самую верхнюю полку, куда складывают багаж, нарезал ей кусочки яблок, груш, хлеба и сыра.

Вскоре к нам зашел мужчина и попросился поспать на пустой верхней полке и быстро там захрапел.

Вдруг с криками: «Там змея!», он сваливается вниз. «Прямо к лицу голову приставила, чуть не ужалила!» — говорил совершенно протрезвевший гость. Я сразу все понял, объяснил, что это черепаха, но он, ругаясь и махая руками, убежал от нас.

Черепаха все время напоминала о себе. Осваивая полку, она часто и с грохотом падала на пол, пугая пассажиров. Пришлось поместить черепаху в туго набитый яблоками рюкзак и крепко его завязать. Всю дорогу было слышно, как она скреблась там, но вылезти уже не могла.

Родители встретили живой подарок с юга с любопытством. Набежали соседи, и все шумно рассматривали диковинку. Мама тут же стала называть черепаху Штучкой, и это имя к ней пристало. Ребятишки принесли ей разной травы с улицы и с огорода, поставили воду и молоко, но она от всего отходила, хотя после покупки прошла уже неделя. Черепаха все время куда-то торопилась, и приходилось держать дверь плотно закрытой.

Но иногда она все же выбиралась из комнаты в коридор, там — к лестнице, и мы слышали грохот. Это Штучка скатывалась по лестнице со второго этажа. Ее ловили мы сами или соседи, но она снова старалась сбежать.

Как-то, подходя к дому, я увидел несколько собак, они обступили что-то лежащее на земле и отчаянно лаяли. Я подбежал к собакам, ну, конечно же, это была Штучка! Вобрав голову и ноги в панцирь, она была недоступна для собак.

Время шло. Уже месяц как черепаха ничего не ела, надо же её чем-то кормить. Я вынес Штучку во двор, положил в густую траву, чтобы она сама выбрала себе пищу, но она не проявляла никакого интереса к этому разнообразию. Менял место во дворе и в огороде, давал листья капусты, моркови, свеклы, предлагал очищенные овощи, но от всего она отворачивалась и бежала.

Кончились каникулы, и я уехал на учебу. На следующее лето вернулся на каникулы в свой городок, спрашиваю о черепахе. К удивлению, она все это время ничего не ела и не пила. Невероятно! Уже год без пищи и воды! Внешне выглядела она так же, только шея стала тоньше и морщинистее. Я

раньше читал, что у змей и черепах очень медленный обмен веществ, и они долго могут обходиться без пищи. Но не год же!

Родители думали, что с наступлением зимы черепаха впадет в спячку, но в теплой квартире она все время двигалась по комнате в поисках своей прекрасной жаркой пустыни, обильной пищи и друзей-черепах. Поздней осенью она залезла за шкаф и, настойчиво перебирая лапками и упираясь в стенку панцирем, медленно и упорно поднималась зачем-то вверх. Шкаф стоял с небольшим наклоном, и зазор между шкафом и стенкой сверху постепенно расширялся. Поэтому, добравшись почти до верха шкафа, Штучка с грохотом падала на пол. Наступала тишина, но уже на следующий день, видно, придя в себя после падения, она снова упорно принималась за свой подвижнический труд, и с каждой неделей звуки скребков раздавались все выше и выше, пока все не заканчивалось очередным громким падением.

В это лето я оказался снова перед проблемой — чем кормить черепаху. Подумал: а какие у нас растут травы, похожие на растения пустыни? Алоэ и кактусы давали — не ест. Полынь и одуванчик. Да, одуванчик! Он похож на среднеазиатский коксогыз, из липкого сока которого во время войны делали дефицитный каучук. Принес листья и стебли одуванчика. И чудо! Штучка набросилась на них и ела, ела, отстригая сочные стебли острыми краями своего рта, как ножницами. И еще бы не есть жадно, когда позади год без воды и пищи. А я носил и носил ей сочные одуванчики. Как же я раньше не догадался! Вскоре после черепахи стали замечать на полу темный продолговатый кал. А мы уж думали, что под её маленьким хвостом все давно паутиной затянуло.

Но и сытая Штучка не оставляла попыток убежать. В эту осень она исчезла. Мальчишки говорили, что видели, как на углу улиц собаки долго что-то облаивали у земли. Может быть, это и была наша черепаха. Или её подобрал кто-нибудь из жителей, но в нашем маленьком городке это стало бы известно. Видно убежала куда-то в густую траву, залезла под сарай. Но зимой она не выдержит нашего мороза, даже если закопается в землю.

Всегда, когда поселит человек дикое животное у себя в доме, оторвет от привычной среды обитания, это кончается для животного плохо. Это не одомашненные кошка и собака. Их природе не переделаешь.

Сейчас, когда вижу человека, упорно занимающегося пустым, бесперспективным делом, всегда вспоминаю Штучку, как она настойчиво карабкалась всю зиму за шкафом, падала и снова скреблась вверх.

РЕЧНАЯ ЧЕРЕПАХА

В низовьях реки Усури и особенно на ее притоке р. Сунган часто встречаешь водяных черепах. Когда плывешь на моторке,

то видишь группы этих пресмыкающихся, лежащих, словно большие черные валуны, на илистых и песчаных берегах.

При приближении к ним волны от моторки, черепахи то-роплятся уйти в воду.

Дом, где я снимал комнату, стоял на самом берегу старицы р. Уссури. Иногда вечерами я брал удочку и спускался к ее берегам, заросшим густой водной растительностью. И в тот день я как обычно зашел на мостик, с которого хозяйки полощут белье. Забросив удочку с крупным дождевым червем, я вскоре увидел, что кто-то уверенно клюнул, и поплавочек пошел под воду. Подсек и стал тянуть. Чувствовалась большая по весу добыча, но вела она себя как-то странно: не сопротивлялась, не водила леску по сторонам. Может быть, крючок просто зацепился за какую-нибудь корягу или пучок травы? Но когда осторожно, чтобы не оборвать леску, я подтянул добычу, то увидел большую черную водяную черепаху, весом килограмма на три. Вот это да! Только когда я совсем вытянул ее на берег, она стала сопротивляться. Панцирь ее был мягкий, словно из толстой эластичной резины, и в сравнении с черепахами пустынь, был приплюснутым, шириной сантиметров 40-50. А лапы больше походили на ласты. На суше черепаха втянула в себя голову и ноги, и мне стоило труда освободить ее от крючка.

Положил необычную добычу в сетку и понес показывать ее своим хозяевам. Я где-то раньше читал, что из черепах готовят отличный деликатес — черепаховый суп. Показывая черепаху, я спросил у тети Фени: «А можно ли из нее суп приготовить?» «Не знаю, у нас черепах не едят, а вот свиньям отличную похлебку варят», — сказала она. Я выпустил черепаху на двор, и она сразу стала шустро искать щели, чтобы куда-то спрятаться. Тогда хозяин, дядя Гоша, чтобы черепаха не убежала под сарай, с силой воткнул в середину панциря лом, крепко пригвоздив ее к земле. Она издала какой-то звук и затихла. Я просто опешил, не ожидая такого зверства от кроткого Гоши, и очень пожалел, что принес несчастную с реки. «Сейчас не уйдет, так может хоть месяц простоять живая», — пояснил он. Несколько дней так простояла черепаха, припиленная ломом к земле, иногда ее лишь обливали водой, а затем Гоша изрубил ее топором, и хозяйка сварила похлебку для свиньи.

Пресмыкающиеся, как черепахи, змеи, удивительно живучи. Я помню, как в Казахстане, на р. Кок-Су, где в низовьях было много змей, местные ребяташки отрубили лопатой гадюке голову. Хвост еще долго шевелился, а голова без туловища, когда ей подносили палку, открывала рот и пыталась ужалить приближающийся предмет.

ОБИДЕЛИ!

Когда я вышел из дома, за мной увязался чужой котенок. Он пробежал со мной до угла, и чтобы котенок не переходил улицу и не потерялся, я стал кричать на него, топтать ногами и махать руками. Котенок отступил, а когда я снова быстро пошел, он побежал за мной. «Уйдет далеко от дома, потеряется!», — подумал я.

Впереди стоял дом с резным крыльцом, на нем обычно сидел огромный, мохнатый, очень старый пес. И сейчас он был

на своем месте и спокойно наблюдал за происходящим. Пес походил на тех мраморных львов, которые стерегут дома и мосты в Петербурге. При подходе к крыльцу я остановился, беспokoясь о котенке, а тот, увидев собаку, выгнул спину, подняв трубой хвост и зашипел, как обычно делают в таких случаях все кошки. Пес равнодушно посмотрел на котенка и, как мне показалось, презрительно отвернулся в другую сторону, положив гривастую голову на лапы. Это было уж слишком! Спина котенка медленно опала, хвост и усы опустились. И когда я тронулся дальше, котенок повернул назад. Обидели!

МАМИН СЫН

На улице девочка с ранцем за плечами кормила своей булочкой птиц. Она отламывала кусочки и мелко их крошила, чтобы всем хватило. Налетело много голубей и воробьев, они крутились, толкались около ее ног, торопливо склевывая крошки. И тут в этой куче птиц я обратил внимание на одного большого надутого воробья. Он не клевал крошки сам, хотя они были у него под ногами, а нетерпеливо подпрыгивал, топорщил свои перышки. А его мама, воробышек меньшего размера, торопливо прыгала вокруг и, склонув доставшуюся ей крошку, вкладывала в его разинутый клюв. Воробей нетерпеливо возмущался, что остальные птицы быстро склевывают крошки, но не брал их сам у своих ног. Слепая материнская любовь. Не так ли порой бывает и у нас, людей, когда худенькая, вымотанная жизнью, пожилая, плохо одетая женщина крутится, работает, разрывается на части, чтобы накормить и одеть свое любимое чадо, которое лежит на диване перед телевизором, возмущено требует и критикует все на свете.

СОСЕДИ

В 60-е годы наша экспедиция бурила южнее г. Магнитогорска в степи глубокую скважину на подземные воды. Начали бурить ранней весной, но произошла авария, и бригада уехала на базу. Вернулись с новым агрегатом продолжать бурение уже через месяц. И увидели около колеса оставленного компрессора, в пучке травы, гнездо маленькой степной птички, сидящей на яйцах. Сначала при приближении людей она испуганно вспорхнула с гнезда, а когда отошли, то снова к нему вернулась. Буровики все делали, чтобы не заходить за компрессор. Но как же бурить: компрессору надо стоять около скважины. Если на несколько метров отодвинуть компрессор — привычную для птиц обстановку изменишь.

Особенно беспокоились, а как поведет себя птичка, когда заработает компрессор. Но с его пуском она, кажется, еще плотнее прижалась к гнезду, но не улетела. Так началась совместная работа буровиков на скважине и высиживание птичкой птенцов. Наконец, один за другим появились и птенцы. Сейчас уже для них громохание компрессора стало обычным звуком, как степная тишина или шум ветра в ковыле. Все успокоилось. Птичка часто стала улетать за кормом, и как буровики ни старались ей помочь, выкладывая на доске у гнезда хлебные крошки, пойманных мух и даже принесенных издалека червей, птичка их не брала.

Птенцы росли быстро, и скоро вся семья покинула гнездо. Все так привыкли к смелой птахе, её семейству, что буровикам стало не хватать их.

Татьяна КУЛЕШОВА

* * *

Березы белее снега,
А тени синее неба
Рисует хмельной художник,
А имя ему — апрель.
Рисует художник землю
На белом холсте сугробов,
Пьянея от вдохновенья
И собственной высоты...

Но годы уносят весны,
А мне оставляют осень
И трезвую несвободу —
Таких не моих! — забот.

Весеннее

Прекрасна графика куста
На нежной акварели леса,
Когда зеленая завеса
Еще не вышла из листа,
Когда малиновая дымка
Скользит сквозь веток кружева
И словно шапкой-невидимкой
Укрыта новая трава...

* * *

Мне за правое плечо
Весело поглядывать:
Там, в серебряных лугах,
Ангел мой купается.

Я за левое плечо
Насмотрелась досыта, —
Незаженною свечой
Простояла до света.

Зарисовки

Легко огню светить в ночи...
И только бабочка живая
Сгорает в пламени свечи,
Ничьих сердец не задевая.

* * *

Красная астра в белом бокале,
Желтая осень в окне.
Серое небо, синие дали
Что-то невесело мне...

* * *

Проклинаем хмурую погоду,
От холодных капель прячем нос...
А по небу просто возит воду
Неумелый, грустный водовоз.

* * *

Живых воспоминаний не хоронят.
В шкатулке старенькой,
На дальней полке
Их безнадежно, бережно хранят...
И не показывают всем подряд.

* * *

Горемыка, горемыка...
Разве горе — мыкают?
Горем — дышат.
Горем — пишут.
Горем — счастье кликают.

* * *

Из голубого ковша
Падают не спеша
Капли янтарного солнца...
И оживает душа.

* * *

Как больно жить,
Когда глаза не плачут
И слезы остаются каменеть...

* * *

Все смешно и нелепо,
И не будет иначе —
Как мы счастливо слепы!
Как мы горестно зрячи!

* * *

— Побирушка, странница,
Нищенка, изгнанница,
Чем ты так горда?

— Тем, что я избранница
Только Богу кланяться,
Людам — никогда.

* * *

Всем — насмешица,
Всем — изменница.
А душа и болит, и стонет.
Одиночество дорого ценится,
Но гораздо дороже стоит.

* * *

Все живое рождается в муках,
Не умея спастись от беды...
Это — Господа Бога наука,
Это — мы пожинаем плоды.

* * *

Весне проиграна земля,
Снега поставлены на карту,
И гасит свечи февраля
Сквозняк распахнутого марта.

* * *

То сладкий дым от сигареты,
То горький дым от папиросы...
Стихи приходят, как ответы
На молчаливые вопросы.

* * *

Не осень. Осени предчувствие.
И дождь, растерянный и грустный,
Роняет голубую музыку
На крыши августа беспечного...

* * *

Все проходит в итоге. Конечно.
Но опять на изломе дорог —
Безнадёжная, нежная встреча!
Первый снег и последний цветок.

* * *

А мне сегодня снился ты,
Твоя улыбка,
Качались белые цветы
Светло и зыбко...

Художник Татьяна Кулешова.

Пётр СМЕРТИН

ОЗЁРНЫЕ МОТИВЫ

ТЕНЬ

Доведётся родиться поутру
да водой вдоль по речке вылиться,
тучей — по небу, сором — по ветру,
тенью следовать без души-лица.

Обречённая, невесомая,
наказание, Богом данное,
я люблю тебя хромосомами,
прочей мелочью самую-самую.

Предо мной стоишь на коленях днём,
ночью — мир у ног, — возвышаешься:
как увидел свет — так живём вдвоём,
и явится смерть — не прощаемся.

Доведётся и мне как-то поутру,
той водой вдоль по речке вылиться,
тучей — по небу, пылью — по ветру,
тенью следовать без души-лица.

Апрельская ива на ветру

Золотое младенчество почек,
Над тобою родитель хлопочет.
«Спеленали — на солнце сопи!
Тише! Машенька рядышком спит», —

Быть старается мама построже.
Только ветер, как резвый щенок,
Прыгнул: вот она — кофта в горошек,
Юбку дёрнул и треплет платок.

Болею во время цветения черёмухи

Отлежусь, отболею в кровати, —
одолело «вселенское» зло;
от обиды на всех виноватых
мир, сжимаясь, дошёл до углов.

Я — смешной человечек — в разладе;
но, ревнуя черёмухи цвет,
Небо копит пустую досаду, —
а Ему — извинения нет.

Осень. Осинник

Листва занемела, как руки,
и некуда спрятаться ей.
К чему эти долгие муки
над грудью битых камней?

Помыть, пожалеть и погладить
её обещала вода.
И сыплет осина по глади,
по мякоти чёрной пруда.

Пробуждение

Лежу, пошевелиться не могу.
Глаза закрыты. Сердце в сердцевине
комком дрожащим тычется. Испуг:
«Не умер ли?» — одолевает спину.

Не так ли что-то держит, обездвижив
от корня скал идущие пласты,
и горы в вытяжные трубы ниже,
а старый храм роняет в водах стыть?

Скажи себя, увиденное в коме,
что мир не тот и лгал зрачок, гостив,
для иссечённой глины слово вспомни
и, если хочешь, смысл в него впусти.

Последнее пристанище догадки,
меня пугают

...ткани
...новой
складки.

Хочу пошевелиться — не могу
и дальше даже буквой не солгу.

Дом-ребёнок

— Какой ты маленький и голый!
Ребёнком стал мой дом сосновый:
невзрачным, тихим и немым.
И детства редкие обновы
не озарят теплом своим
угрюмость этих чёрных брёвен,
но в голи сиротливой стен
он обо мне тоскует внове,
а я стыжусь своих измен.
Какой я маленький и голый!
Я, подраставший, чтоб уйти,
вернувшись без гостинца снова,
опять прошу его:
— Прости!

Навестил родную деревню

На берегах озёрных — дух несвежий:
вода в июле портится, гниёт.
Прощенья хочет попросить приезжий.
...Хотел. Да имя позабыл своё.

Помолись за тех, кто убивает, —
им ещё так долго надо жить.
Чёрные дороги... гаражи...
трубы... красно-жёлтые трамваи...
жулики... торговцы... мусора...
пьяный люд в рабочей электричке...
Долгий век. Истёршиеся спички, —
ни тепла, ни света, ни добра.
Всё вчера. Вчера, вчера, вчера.

Господи,
с каких пор и до сих лет
цари о нас тужатся,
президенты о нас пучатся.
Отчего столько бед,
почему толку нет,
Русь моя — в темноте,
в пустоте попутчица?

— Дурак ты, дурак!
— говоришь в ответ, —
и не лечишься,
и ничему-то ты не учишься.
Если ночью
посрывать все огоньки
и сложить в букет,
Солнца всё равно не получится.

Горб городского увечного сада,
кладбище — это тоже Родина, —
и окурки, вытаявшие у ограды,
и обломанные культи смородины.

Никакая тут не красота, — где она? —
хлам, помёт да похмельные рожи.
А посмотришь — весна.
— Весна?
— Весна.
Вонючая, грязная, но весна всё же.

Живём! А всё-таки мы живём, —
и непьющие, и водкой обугленные люди.
Вот опять: плюс пять. И стойло своё
привыкли любить.
И любим.

Горит Кавказ! И снова цель — «святая»;
Умри, солдат! — оправдана цена.

Но страшно мне, поскольку Бог рыдает, —
Неужто и Ему
отдушина нужна?

Сумеешь потушить огонь насилия,
Страна моя,
и снова оживёшь?

Иль, прогорев, загниешь пеплом-пылью,
Рассыплешься на части
И умрёшь?..

Анна ЯКУБЧИК

Крыша

То, что жизнь — штука полосатая, он усвоил еще со школы. Но как-то вот затянулась у него полоса невезения. Вначале ушла жена, причем не куда-нибудь, а к лицу подчиненному, экспедитору на его собственной фирме, что, конечно же, породило массу сплетен и подшучиваний за спиной. Потом умерла мама. Потом ему и вовсе расхотелось жить и бороться. За что бороться? Девушки проходили мимо, откровенно используя его кошелек, чтобы «прикольно оттянуться», дочь-подросток, оставшаяся с матерью, дулась и требовала купить ей отдельную квартиру и серебристый «Джип». И никто даже не пытался понять, что у него на душе, тихонько посидеть вечером и поговорить. Только дергали, звали, тащили в качестве спонсора и водителя с личным автотранспортом.

В мае началась весна. Природа буйствовала, как обычно в это время года. Люди в яркой одежде заполнили улицы, в огромных количествах поглощая мороженое и пиво. Он обнаружил, что стал очень рассеян за рулем, чуть не сбил обнимавшуюся парочку посреди перекрестка, плюнул и оставил машину на стоянке. Сидел у себя в кабинете, травился дорогим алкоголем, слушал грубые шутки менеджеров и вечные жалобы бухгалтерии.

Однажды вышел на балкон и увидел на крыше напротив загоравшее тело. От нечего делать увидел вдруг и сирень в цвету, ковер из одуванчиков и яблоневую аллею. Внезапно его оглушило горячим ветром и гомоном птиц.

Двухдневные наблюдения показали, что загорать она приходит после трех, поэтому, планируя на завтра рабочий день, старался расчистить от совещаний и переговоров время с трех до пяти. Приходилось выкручиваться, плотнее ставить встречи до обеда и вечером. После работы он купил новую рубашку и две пары носков, а дома погладил перед сном штаны. Лег спать и не мог заснуть, поймав себя на мысли, что молился на хорошую погоду. Засмеялся, включил и радио, и телевизор и стал ждать прогноз, желая сверить его с переменной облачностью Моторолы.

Он проспал утром и встал с чувством легкости и радости, как в детстве. Оделся, отключенный мобильник положил в холодильник, зашел в «Детский мир» и купил себе водяной пистолет. Шел по улице с блаженной улыбкой и цветной игрушкой в руках и представлял, как увезет ее на побережье — любое, какое пожелает. На фирме решили, что у него «не все дома» и совсем крыша съехала на нервной почве. А он заперся в кабинете и стал ждать с полным пистолетом на подоконнике...

Она работала главным бухгалтером. Директор снял совсем недавно офис в центре города и укомплектовал его новой мебелью. Привез бумаги, оргтехнику — сиди, работай. А тут весна, солнце. И жизнь мимо проходит, за окошком. Так дело не пойдет. Будь что будет, а загорать надо. Загорать — это у нее как болезнь, что бы ни говорили о вреде ультрафиолета, раке, старении и прочих «прелестях». Сказано — сделано: договорилась с завхозом насчет крыши. Так, чтобы не посреди двора, а где-нибудь сбоку или на задах. Принесла загоральный набор — туристический коврик, купальник и крем для загара.

Интенсивно поработав до трех часов, быстренько переоделась в купальник и спортивные штаны, свернула коврик и отправилась. Незаметно прошмыгнула через двор, поднялась по лесенке, перелезла через перила и улеглась на сарае (или на гараже). Поначалу было щекотно при мысли, что скажет шеф, когда увидит в офисе ее юбку, пиджак и туфли, потом стало весело слушать разговоры из офисных окон и от дверей, куда сотрудики местных фирмочек выходили покурить. Признаться, ее появление на крыше произвело фурор — до сих пор никто не догадывался использовать такую прекрасную поверхность по назначению. Да и теперь более, чем на шуточки: — Может тоже приляжем? — никто не отваживался.

Прошло несколько дней. Солнце золотило кожу, а работать в предвкушении вечернего удовольствия стало гораздо веселее. Когда плавилась на солнце, для полного счастья не хватало, казалось, только ведра холодной воды. Хотелось, чтобы окатили резко и без предупреждения, завизжать от неожиданности и взбодриться. Проснуться наконец-то и понять, что живешь...

Крышу построили давно. Шифер, которым ее когда-то покрыли, потемнел и местами истончился. Год за годом ее обдувало листьями с ближайших деревьев, они шуршали и привлекали птиц, ищущих съестного-полезного. Крышу не уважали, она поняла это лет пять назад, когда молодые парни, курившие на балконе, решили кидать на нее окурки. Был среди них какой-то громкоголосый, он вообще бросил в крышу пивной бутылкой. Бутылка больно ударила и прогрохотала вниз, оставив вмятину и скол на месте удара. Крыша старела, вмятина тоже, листья цеплялись за края скола и собирались в кучку. А недавно сюда пришла девушка. Она подмела окурки и листья, постелила «пенку» и аккуратно легла, стараясь не шуметь и сильно не топтать. Девушка очень расположила крышу к себе, и та старалась отдать ей побольше тепла и покоя, скопленных за весь день.

Фото Евгения Тампилола

Владимир ВОЛЕГОВ

Харбинские отголоски

С сыном командира В.К. Блюхера, Василием Васильевичем я познакомился в Свердловске. Беседовал с ним в течение нескольких часов на кафедре сельхозинститута. Беседа была взаимно полезной.

Василий-младший, сын одного из первых пяти маршалов Советского Союза, награжденного орденом Боевого Красного Знамени № 1, живет в Екатеринбурге. Он доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой в сельскохозяйственном институте. От отца у сына осталась автоматическая ручка, с которой он никогда не расстается и держит при себе. Я, автор этих строк, видел эту ручку.

Круг тем и вопросов, возникших во время беседы, был нескончаем. Они связаны с личностью В.К. Блюхера и отношением к нему соотечественников, проживавших в Китае и, в частности, в Харбине. Дело в том, что жена В.К. Блюхера, Галина Александровна Кольчугина, с матерью-фельдшерницей в период русско-японской войны жила в Харбине. К сожалению, пока не удалось установить, в какой городской гимназии она училась.

В.К. Блюхер, по воспоминаниям сына, на своей даче часто встречался с Л.М. Караханом. Дача жива до сих пор и располагается на живописном берегу Амура. Я видел эту дачу, когда был в Хабаровске в 1961-м и в 1974-х годах. Она по-прежнему остается «дачей Блюхера». Беседы между двумя государственными деятелями были дружескими и откровенными и проходили перед дипломатическими миссиями Л.М. Карахана или самого В.К. Блюхера в Китай.

Ямато-отель — одно из примечательных и известных

мне мест переговоров В.К. Блюхера с японцами в Дайрене в 20-е годы по урегулированию пограничных конфликтов с ДВР. Это город, в котором я родился, он дорог мне по многим историческим воспоминаниям о россиянах. В Ямато-отель я побывал еще ребенком несколько раз с отцом и ненароком многое запомнил.

Если встать лицом к отелю, то слева от него через дорогу располагалось генеральное консульство СССР, за отелем — госпиталь Мантецу, в котором я появился на свет; дальше в сторону гор, на улице Сакура Мачи, мы жили; еще выше у подножья горы я учился в американском колледже — Маринол Академии. Моя скромная задача — осветить некоторые неизвестные, но достоверные события и детали, которые не встречал в литературе.

Василия, Блюхера-младшего, заинтересовали некоторые детали из жизни генерала М.В. Ханжина. В курортном месте Какахаша на берегу Желтого моря, неподалеку от г. Дайрена, на полпути к Порт-Артуру у генерала находилась двухэтажная дача с просторными комнатами. Местные жители называли ее «дачей Ханжина». Регулярные набеги-приезды многочисленных знакомых и друзей хозяина, с застольями, с разговорами и воспоминаниями, сопровождаемые непременно выпивками, а также ночевками друзей, подчас становились обременительными для хозяина — он с детьми занимался коммерческой деятельностью. И дача была продана.

В 1934 г., когда велись переговоры с Японией по продаже КВЖД, в г. Дайрене (Дальний) во главе коммерческого агентства дороги был мой отец — Петр Александрович Волегов. Агентство располагалось на центральной магистрали города — 110 Ямагата Дори. После вынужденной продажи КВЖД отец за его многолетнюю, непрерывную и безупречную службу — ей отдано было более 16 лет —

В.К. Блюхер.

«Дача Ханжина».

получил хорошую денежную компенсацию, позволившую приобрести пятикомнатную «дачу Ханжина».

Попытаюсь раскрыть фразу «непрерывная и безупречная служба». Отцу угрожали, что если он не отдаст капиталы советской КВЖД, хранящиеся в японском банке на японской концессии Мукдена (сейчас Шеньян), то с ним расправятся. А сумма была немалая: 600000 американских долларов. Отец эти ценности сберег, сохранил и вернул администрации КВЖД по завершении конфликта все сполна.

В г. Киселевске Кемеровской области жил 95-летний Аркадий Васильевич Жуков (умер в марте 2002 года), бывший харбинец. В 1947 г. он приехал с семьей в СССР — тогда из Китая выезжали многие советские подданные на освоение целины. Я был знаком с его внучкой Еленой Сергеевной (она сейчас живет в Омске), и мы с ней неоднократно беседовали. В биографии А.В. Жукова примечательно то обстоятельство, что в ряды Красной Армии в 1925 г. он призывался... из Харбина, будучи 18-летним юношей. О таких фактах — зарубежных призывах молодых людей в Красную Армию, я не читал ни в каких доступных мне мемуарах. И это был не единичный эпизод, а патриотический порыв молодежи из Маньчжурии.

В архиве моего отца П. Волегова есть любопытный документ, подтверждающий вышесказанное. Он хранится у нас с 1925 г. Он подтверждает призыв в Красную Армию на Дальнем Востоке, во главе которой был В.К. Блюхер. Это справка о том, что по состоянию здоровья 22-летний призывник П.А. Волегов отзывается от зачисления и возвращается назад в Харбин. Документ заверен подписью и печатью генерального консульства СССР. В Китае он грозил отцу непредвиденными последствия-

ми, т. к. Шанхай, где мы жили с 1941 г., был полностью оккупирован японскими войсками.

В памяти возникли еще два примера. Тарасенко, активный участник обороны Порт-Артура, оказался в плену у японцев. Затем он поселился в Дайрене, открыл свое дело. Второй — Оначевич — был участником Брусиловского прорыва в Первой мировой войне, оказался в плену у германцев. Его я встречал в Шанхае у него дома. Сейчас он живет в Сан-Франциско.

Эти два участника войны за родину пользовались у нас — детей и более взрослого поколения — большим авторитетом. Никто их предателями не считал, т. к. обстоятельства в кровопролитных батальных оказывались непредсказуемыми — на войне, как на войне, могло всякое случиться.

Считаю, что эти детали нашей истории тоже представляют интерес и не только для специалистов, но и для обычного читателя, интересующегося нашим прошлым.

Китайская Восточная железная дорога
 Управление в Харбине, С. Маньчжурия. Телегр. адрес: Востоктар.

ПРЯМОЕ ПАССАЖИРСКОЕ СООБЩЕНИЕ
Дальний Восток — Западная Европа
 ЧЕРЕЗ ХАРБИН — МОСКВУ.

Пекин — Париж 12 дней.
 Комфортабельный Сибирский Экспресс.

БЕЗ ПЕРЕСАДКИ
 от ст. Маньчжурия до Польской границы и до Риги.

Отправление из Харбина по понедельникам, четвергам и субботам в 21 ч. 05 м.

♦♦♦♦♦

За билетами и плакатрами, а также всевозможными справками обращайтесь в Агентства Китайской Восточной железной дороги:

Шанхай — 3 Кантон Роуд, здание Роберт Доллар.
 Гондзюнь — 71 Ро дэ Франс.
 Дайрен — 110 Ямагата Дорн.
 Инкоу — Большая улица, угол Родвей, здание бывш. Консульства.
 Мукдэн — 9 Мизина Чэ.
 Харбин-Приваля — 170-171 Китайская ул. Телефон 24-65.
 Харбин-Новый город — 2 Сунгайриск просп., Бюро для туристов при Гранд-Отеле.
 Телефон 24-18.

♦♦♦♦♦

ГРАНД-ОТЕЛЬ
 (Отел. 1 ряда Китайской Восточной жел. дор., 2 мин. ходьбы от ст. Харбин-Центральной).
 Телегр. адрес: Гранд-отель Харбин. Телефон 24-18.

Содержание пассажиров при получении билета и при отъезде от станционных обязанностей.
 Прием транзитного багажа.
 Прием транзитного багажа.
 Корреспондентия на русском, китайском, японском, немецком и французском языках.
 № 104

Спортивный туризм и охрана природы

Уважительное, бережное отношение к природе — одно из главных правил поведения туристов. Никогда не забывайте, что в путешествии вы находитесь в гостях у своего верного друга — природы. Поэтому не делайте ничего такого, что вы сочли бы неудобным сделать в гостях.

Не засоряйте туристские маршруты, бивачные площадки и другие места загородного отдыха. Уходя с привала, уничтожьте, а лучше возьмите с собой весь свой мусор. Ни в коем случае не бейте бутылки или другую стеклянную посуду. Помните, что брошенная бумага лежит не сгнивая два года, осколок бутылки или консервная банка могут поранить ногу и через 40 лет. Подумайте о красоте, не испорченной вашими походными отбросами природы, и о благополучии тех, кто придет сюда после вас!

Необходимо избегать устройства массовых слетов, праздников, соревнований на тех участках местности, где это может серьезно повредить растительный покров, чрезмерно уплотнить почву, испортить берега водоема, обеднить природу.

Не обламывайте ветвей черемухи, рябины, бузины, калины, шиповника и других деревьев и кустарников. Не рвите букеты цветов — цветы придают красоту и прелесть нашим лугам, полям и лесам. Недопустимо рвать такие редкие для многих мест цветы, как лилии, кувшинки, вырывать кустики земляники, черники, на горных марш-

рутах — цветы рододендрона, эдельвейса, а также ломать, рвать, собирать все другие растения, занесенные в Красную книгу природы.

Не сооружайте в походе из живых деревьев и кустарников шалашей, укрытий, заслонов, не используйте зеленых ветвей деревьев на подстилку. Собираясь в поход, берите с собой надувные матрацы или полиуретановые коврики, спальные мешки, одеяла и все необходимые принадлежности для установки палатки или устройства кострища. Подумайте, что останется от лесов, если каждая туристская группа будет рубить живые деревья на колья для палаток и костров.

Без надобности не разжигайте на маршруте костры: одна маленькая искра или тлеющий уголек может вызвать большой пожар. Черный след от костра, доставившего вам удовольствие на один-два часа, будет обезображивать местность много лет. В обжитых местах используйте походные газовые плитки, туристские примусы, очаги с сухим спиртом.

Не разводите в походе костры на участках с сухим камышом, тростником, мхом или травой. Не зажигайте огонь в хвойных молодняках и на вырубках, где имеются остатки лесных горючих материалов: в таких местах легко может возникнуть пожар, распространяющийся с большой скоростью.

Не разводите костры на торфяниках, на лесных ка-

Растения, занесенные в Красную книгу: гвоздика иглолистая, венерин башмачок, сон-трава.

менистых россыпях. Тлеющий торф, лесной мусор и перегной незаметно для туристов могут распространить огонь во все стороны, превратить его в губительный подземный пожар, с которым очень трудно бороться.

Около костра всегда оставляйте дежурных. Перед уходом с места привала огонь следует залить водой, засыпать землей, затоптать ногами, а зимой забросать снегом, пока не прекратится тление и не исчезнет даже небольшой дымок. Если для костра снимался дерн, то им закладывают потушенное кострище.

Заметив начинающийся лесной пожар, немедленно приступайте к его тушению с помощью подручных средств: сбивайте огонь штурмовками, ветками лиственных деревьев, заливайте водой, затапывайте ногами, забрасывайте землей, песком, дерном. Если огонь успел подняться с земли и начал перекидываться с дерева на дерево, стал верховым пожаром — надо срочно обращаться за помощью в ближайший сельсовет, лесничество, лесхоз.

Бережно относитесь ко всем животным, встретившимся вам на туристском маршруте. В лесу старайтесь ходить только по тропинкам. Лес полон своей жизни, и вы легко можете раздавить живое существо. Если случайно наткнулись на гнездо или нору, не трогайте их, не отодвигайте ветки и траву — испортите маскировку или вспугнете животных. Если нашли в походе плохо летающего птенца или беспомощного звериного детеныша — оставьте его в лесу. Рядом, вероятно, находятся его родители, которые и позаботятся о нем, когда вы уйдете, а в городской квартире лесному животному, как правило, прожить трудно.

В заботе туристов нуждаются многие насекомые. Например, муравьи — лесные санитары, которые разрыхляют почву и переносят семена растений. Чем больше в лесу сохранится муравейников, тем здоровее лес. Муравьи за год истребляют до четверти тонны вредителей с одного гектара лесной площади. Нельзя разорять гнезда шмелей и пчел, гоняться с сачком за яркими бабочками и стрекозами: как правило, все цветные бабочки являются важными опылителями, а стрекозы полезны тем, что уничтожают комаров.

В общении с животным миром не забывайте, что в природе вред от хищных животных или птиц в большинстве случаев перекрывается пользой, которую они приносят. Не преследуйте хищников. Вы турист, а не биолог или охотвед, поэтому не берите на себя ответственность определять степень их опасности.

Если хотите услышать пение птиц, увидеть лося или белку, по-настоящему отдохнуть в лесу — не включайте транзистор и магнитофон, не создавайте лишнего шума.

Намечая маршрут путешествия, заранее установите, какие достопримечательные объекты встретятся вам на пути. Уточните, нет ли среди них охраняемых природных памятников, урочищ, заказников, парков и какие ограничения имеются для их посещения. В этих музеях под открытым небом, безусловно, исключается всякое повреждение растительности, скал, памятников старины и т. п. Только некультурные люди могут позволить себе выцарапывать на них ножом, вырубать топором, наносить краской имена, инициалы или другие надписи.

Лесной пожар.

Если собираетесь во время путешествия посетить государственный заповедник — свяжитесь с его дирекцией, узнайте возможности его осмотра и получите соответствующий пропуск. Передвигаться по заповедной зоне нужно организованной группой, в строгом соответствии с предложенным вам в заповеднике маршрутом. Вас принимает научное учреждение — не мешайте его работе, беспрекословно подчиняйтесь указаниям работников заповедника.

Турист не имеет права равнодушно смотреть на порчу природы, он обязан сделать все для защиты тех мест, где проходят маршруты походов и путешествий. Трудовой вклад в охрану природы: участие в посадках деревьев, кустарников, уход за лесом, помощь диким животным, воспроизводство природных ресурсов, — один из лучших видов общественно полезной деятельности туристов. Вступайте в члены общества охраны природы. Дело чести каждого путешественника — активно участвовать в его работе.

Туристы и экскурсанты, своим примером, делом и словом агитируйте за строгое выполнение всеми правил и законов об охране природы! Не проходите мимо нарушителей, оберегайте красоту и богатства родной земли от браконьеров.

Охрана природы — всенародное дело. Охранять природу — значит охранять Родину!

Фотографии Евгения Тамплона.

Людмила ВСЕВОЛОЖСКАЯ

Пенза, Пушкин, Всеволожские

Литературоведы до сих пор спорят о том, был ли А. С. Пушкин в Пензе. В письме к жене великий поэт писал 19 сентября 1833 года из Оренбурга: «Отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу». Других документов, подтверждающих факт посещения Пензы, в пушкинском архиве нет.

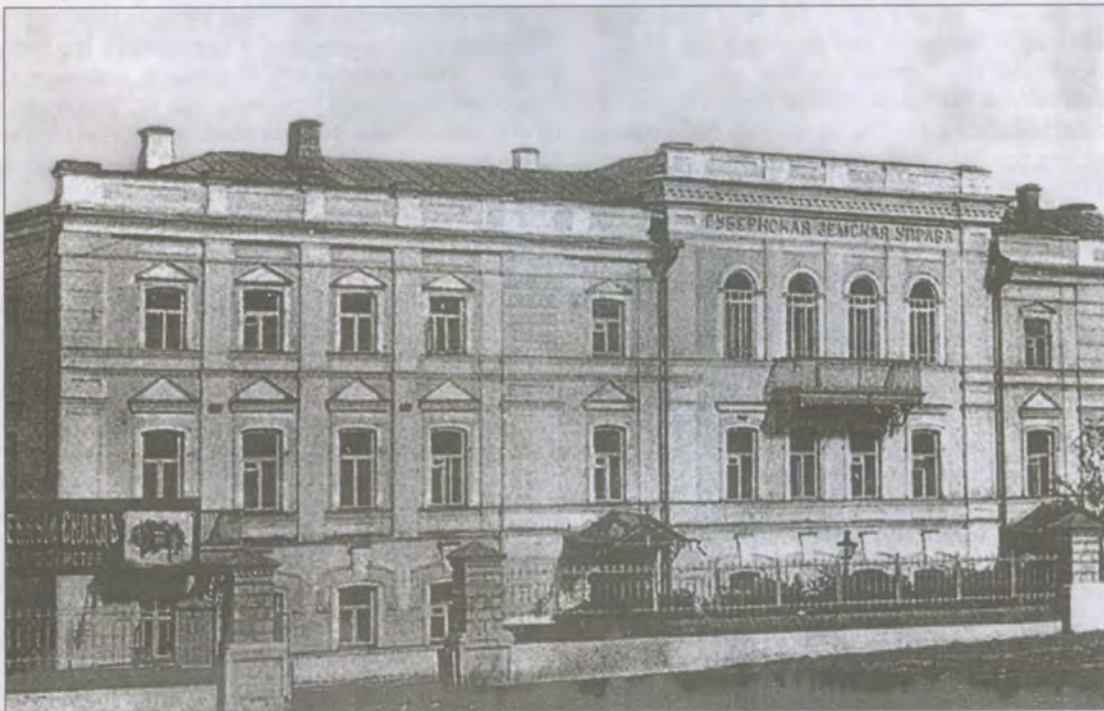
Но несомненно другое: Александр Сергеевич хорошо знал пензенские края, писал туда друзьям. В большом исследовательском труде «История Пугачева» он рассказывал о событиях, происходивших в Пензе, Саранске, Инсаре, Наровчатах и других поселениях, называл фамилии местных землевладельцев, погибших от рук крестьян и пугачевцев. В Пензе и близлежащих уездах бывали друзья и единомышленники поэта: П.А. Вяземский, Денис Давыдов, Н.В. Языков, историк М.С. Рыбушкин и другие. С пензенскими местами были связаны товарищи по «Зеленой лампе»: братья Всеволожские, семья Римских-Корсаковых, Голицыны, И.М. Долгорукий —

поэт, по мнению Пушкина, «не довольно еще оцененный».

1 октября 1833 года Александр Сергеевич приехал в деревню Болдино и стал приводить «в порядок» свои «Записки о Пугачеве» и «Архивные тетради» — итог его поездки в Поволжье и на Урал.

6 декабря он обратился к А.Бенкендорфу с предложением, где говорил, что «думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но, нашед множество материалов... оставил замысел и написал «Историю пугачевщины». Поэт просил «дозволения представить оную на величайшее рассмотрение».

«История Пугачева» была переименована царем Николаем I в «Историю пугачевского бунта» и появилась в свет в конце 1834 года. «Взятие Пензы — Смерть Всеволожского» — эти слова Пушкин включил в перечень содержания «Главы осьмой», завершающей книгу о крестьянской войне. О событиях в

Пенза. Губернская земская управа.

*Александр Всеволожский,
внук пензенского воеводы.*

городе на Суре он писал: «Между тем Пугачев приближался к Пензе. Воевода Всеволожский несколько времени держал чернь в повиновении и дал время дворянам спастись. Пугачев явился перед городом. Жители вышли к нему с иконами и хлебом и пали перед ним на колени. Пугачев въехал в Пензу».

Далее в своем труде Пушкин рассказывал, что «Всеволожский, оставленный городским войском, заперся в своем доме с двенадцатью дворянами и решил защищаться. Дом был сожжен; храбрый Всеволожский погиб со своими товарищами». Фамилию воеводы он называл в других редакциях и вариантах, открыв ею список убитых пугачевцами в Пензе.

О событиях, описанных Пушкиным, Ф.Ф. Вигель в своих мемуарах писал так: его отец, «поселившись в Саратове, охотно посещал Пензу», где «свел дружбу с воеводою Андреем Алексеевичем Всеволожским, который отличался некоторою образованностью». Говоря, что многие его знакомые «погибли от Пугачева», он упоминал пензенского воеводу, который «был сожжен в доме, в коем заперся от злодеев», «погиб в огне во время пугачевского бунта». Об этом же сказано в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

«Соппротивление было оказано лишь в воеводском доме в крепости,— считал историк А.Л. Хвоцков.— Здесь воевода Всеволожский с двенадцатью дворянами защищались отчаянно и все были перебиты».

На самом деле, как показывает расследование, эти события произошли не в губернском центре. «1774 году июля месяца 28 дня,— писал в своей «Записке для памяти» Е.П. Чемесов,— воевода Всеволожский,

товарищ [его] Гуляев и два штатных офицера уехали из города, для спасения своего и пойманы в селе Скачках, расстоянием от Пензы в 60 верстах, и там злодейской командой в доме господском сожжены». Мемуары этого участника и очевидца событий подтверждают архивные документы. В «Ведомостях [лиц], наказанных за участие в восстании Пугачева» указывается, что крестьяне села Елово (Юлово) «проехавшую в село Скачки злодейскую шайку [Пугачева.— Л.В.] просили о сожжении воеводы со товарищи». «Пензенского уезду помещика Кандалаева села Скачков крестьяне были в сообществе и в заговоре в сожжении воеводы Всеволожского».

Позднейшие исследования внесли уточнения и в строки Пушкина о том, что, уходя из Пензы, «Пугачев посадил в воеводы господского мужика». Известен текст «Имянного указа», согласно которому секунд-майор Герасимов (а не просто мужик.— Л.В.) должен был «содержать Пензу под своим ведением и почитаться главным командиром». «Для наилучшего исправления и порядка» в товарищи ему был определен купец А.Я. Кознов, в доме которого останавливался и обедал вождь крестьянского восстания.

В приложении к «Истории Пугачева» Пушкин указал фамилию братьев пензенского воеводы. Первый — Всеволод Алексеевич, участник дворцового переворота, поставившего на престол Екатерину II, за что был щедро одарен вотчинами и чинами. В дальнейшем он стал основателем горнозаводского хозяйства на Урале. Второй — Сергей Алексеевич — дослужился до генерал-поручика и действительного камергера. Его сын Николай, отставной подполковник, литератор, путешественник и владелец типографии, был среди московских знакомых А.С. Пушкина. Это о нем 20 июля 1830 года Пушкин писал жене из-под Новгорода: «...Нагнал вашего Всеволожского, у которого сломалось колесо. Мы закончили путь вместе».

После гибели воеводы Андрея Алексеевича Всеволожского его вдова Мария Ивановна, урожденная Нечаева, владела землями в Каренском селе «Дмитриевское, Поливаново тож» (сейчас село Дмитриево-Поливаново Башмаковского района), а дети получили в Пензенском уезде село «Сергиевское, Соловка тож», стоявшее на левом берегу реки Пензы. Детей было пятеро, — три мальчика и две девочки. Младший из братьев, Всеволод Андреевич (1769-1836), стал действительным статским советником, камергером и получил в наследство от своего дяди Всеволода Алексеевича все горнозаводское хозяйство на Урале с заводами, соляными и угольными копиями, с рудниками, лесами и крестьянами. Его жена, Е.Н. Бекетова, принесла ему огромное приданое, в результате чего он стал одним из богатейших людей России.

При нем уральские заводы достигли наибольшего успеха и расцвета.

Дочь пензенского воеводы Елизавета Андреевна стала женой генерал-лейтенанта П.П. Пушина, семья которого тоже хорошо знала Пушкина, а его двоюродный брат Иван стал товарищем Александра Сергеевича и другом по Царскосельскому лицей. Александр Сергеевич дружил и с сыном Всеволода Андреевича — Никитой, с которым познакомился на службе в Коллегии иностранных дел, где

Музей в г. Ивделе, основанном сыном пензенского воеводы В.А. Всеволожским.

служил после окончания лицея. Потом Пушкин стал членом литературно-политического общества «Зеленая лампа», основанного Никитой и Александром Всеволожскими. Никите, страстному любителю-театралу, «лучшему из минутных друзей» своей «минутной молодости», поэт посвятил стихи. Организатором «Зеленой лампы» был и старший брат Никиты — Александр, участник Отечественной войны 1812 года. А его жена, Софья Ивановна Трубецкая, даже доводилась родственницей Пушкину: их прабабки — Ольга и Евдокия были дочерьми адмирала И. М. Головина. Об этой большой, дружной, богатой и образованной семье думал А.С. Пушкин, когда намеревался написать роман «Русский Пелам» (по названию северной уральской реки Пелым), и когда набрасывал план этого романа, записал: «Дом Всеволожских».

Пушкин был знаком также и с племянницей пензенского воеводы — Софьей Сергеевной Мещерской, посещал дом ее сына Петра Ивановича, женатого на дочери Н.М. Карамзина, знал и сестру Софьи Сергеевны — Анну Сергеевну Голицину, бывал у них.

Но вернемся к «Истории Пугачева».

«Узнав о взятии Пензы,— писал Пушкин,— саратовское начальство стало делать свои распоряжения». Для прикрытия со стороны Пензы и Саратова в село Малыковка (сейчас город Вольск) был послан гвардии-поручик Г.Р. Державин, «чей резкий ум и пылкий характер доставили ему важное влияние на общество, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа», который «потребовал отряд донских казаков и пустился с ним в Петровск».

Гаврила Романович Державин, сын премьер-майора Пензенского пехотного полка Оренбургского корпуса, сам писал об «успокоении Симбирской и Пензенской провинций», о том, что «около Пензы и Саранска возвращение черни происходит в высшем градусе и так, что пензенские уланы с их шефом окружены в Головинских вотчинах». «Шефом пензенских улан» был Ефим Петрович Чемесов. После гибели А.А.Всеволожского Ефим Петрович стал пензенским воеводой. Чемесовы содержали в Пензе крепостной театр.

Воевода Е.П. Чемесов вел «Записки для памяти», в них он рассказал, что схваченный Пугачев был «в октябре месяце везен генерал-поручиком Суворовым А.В. через Пензу в клетку, а из Пензы провезли его в Симбирск».

Поведав о неравном сражении Пугачева с войсками, которыми командовал И.И. Михельсон, Александр Сергеевич Пушкин заметил: «Сие поражение было последним и решительным. Граф Панин послал в Петербург радостное известие». «Но,— добавил поэт,— Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости».

Пушкин с горечью писал в заключение своего труда, что в этой смуте «дворянство было обречено гибели. Во всех селениях на воротах барских домов висели помещики и их управители, что издан был список (еще не весьма полный) жертвам Пугачева и его товарищей; помещаем его здесь».

Первым в списке жертв стоял Андрей Алексеевич Всеволожский — пензенский воевода.

Сергей КУСКОВ

Кто не верил в дурные пророчества

Предварительные пояснения (Вместо пролога)

*Спускаясь к великой реке,
Мы все оставляем следы на песке.
И лодка скользит в темноте.
А нам остаются круги на воде.*
А.Макаревич.

1

Самолет «Ем-12», как и другие разработки конструкторского бюро Юрия Михайловича Емшанова, старательно вычеркивали из истории советской авиации люди, уполномоченные решать, что должно сохраниться в памяти народной, а что должно быть забыто навсегда. В «Большой энциклопедии русской и советской авиации», изданной в 1981 году смешным тиражом в 1200 экземпляров¹, есть единственная короткая статья:

Емшанов Юрий Михайлович (1899 – 1950) – советский авиаконструктор и моторостроитель. Родился в г. Саратове в семье почтового служащего... (Далее биографические данные: реальное училище, Красная армия, МВТУ). ...После окончания МВТУ в 1926 г. участвовал в разработке двигателей для бомбардировщиков. С 1938 г. возглавлял самолетное КБ, которым разработаны следующие модели самолетов:

«Ем-2» – четырехмоторный пассажирский самолет. Построен и прошел испытания в 1940 г. В серии не выпускался в связи с началом Великой Отечественной войны. Единственный экземпляр использовался для доставки грузов партизанам. Сбит немецкой авиацией в августе 1943 г.

«Ем-4» – двухмоторный пикирующий бомбардировщик с увеличенной дальностью полета. Опытный экземпляр построен в 1942 г., успешно прошел испытания. В серии не выпускался вследствие полной загрузки имевшихся производственных мощностей выпуском других моделей («Пе-2», «Ту-2»). Построенный экземпляр использовался для выполнения специальных заданий. В январе 1944 г. не вернулся из боевого вылета.

«Ем-12» – шестимоторный дальний бомбардировщик-ракетоносец. Предназначался для несения беспилотных

самолетов-снарядов (крылатых ракет²). Построен в единственном экземпляре в 1949 г. Испытания не были завершены, т. к. в 1950 г. принято решение отказаться от использования крылатых ракет.

В послевоенные годы Е. выступал против применения реактивных двигателей в бомбардировочной авиации. Время показало ошибочность этой позиции.

И все. А это очень мало для такого конструктора, как Емшанов. «Ем-12» – это двенадцатая модель, а не третья, просто так номера не присваивают. И когда в книге, изданной в 1981 году, нет ни слова об обстоятельствах смерти, а год указан 1950-й – это наводит на определенные мысли. И о причинах, побудивших Юрия Михайловича бороться с прогрессом, каковым всегда считался переход авиации на реактивный двигатель, не сказано ничего. И наконец, одна интересная подробность: в техническом задании министерства обороны самолету был присвоен шифр «ДБР-1» (дальний бомбардировщик-ракетоносец). Когда военные отказались от разработки, они передали этот шифр другой машине. Ни до, ни после этого так не делалось. Уж если министерство обороны присвоило самолету свой шифр, он за ним оставался навсегда, независимо от того, на какой стадии прекратили работу. Уникальность этого случая сама по себе – повод для более подробных комментариев. Не говоря уже о том, что одна статья в энциклопедии – крайне мало для конструктора, каждая из работ которого могла бы стать вехой в истории не только советской, но и, пожалуй, мировой авиации.

2

Когда Емшанов, в то время еще студент МВТУ, заинтересовался самолетами, его сразу неприятно поразила их прозорливость. Не то чтобы они тратили очень много бензина, – двухместный одномоторный самолет расходовал примерно столько же, сколько двухместный спортивный автомобиль, и скорости у них при этом были практически одинаковыми, правда, у самолета – вне зависи-

1. Об этой книге не знают даже многие специалисты, а ведь энциклопедия, по замыслу, – издание, предназначенное для самого широкого круга читателей. – Авт.

2. Тот, кто считает, что крылатые ракеты появились только в семидесятые годы XX века, ошибается. Первой в истории крылатой ракетой был самолет-снаряд «Фау-1», разработанный в Германии в 1942 году. – Авт.

мости от состояния дороги. Емшанова это не устраивало. Он рассчитывал, сколько бензина понадобится для тяжелого самолета, поднимающего большой груз, — получалось много. Но самолет, в отличие от грузовика, летит по воздуху, а не катится по земле. И при этом должен поднимать в воздух и груз, и запах горючего. Чем больше будет горючего, тем меньше останется груза. Особенно если хочешь улететь далеко. А Емшанов хотел летать далеко.

Создавая моторы, он боролся за их экономичность. В этом ему не было равных в Союзе, а может быть, и в мире. В 1938 году, принимая под свое руководство самолетное КБ, он настоял, чтобы в нем оставили моторный отдел, и на свои самолеты ставил только свои же моторы. Потому и выступал он против реактивных двигателей, что по крайней мере те модели, которые он застал при жизни, давая самолету решающий выигрывать в скорости по сравнению с поршневыми моторами, безнадежно проигрывали в экономичности и, как следствие, в дальности полета. И не «время показало ошибочность этой позиции», а техника придумала обходной путь — дозаправку в воздухе.

Сорокаместный «Ем-2» мог лететь чуть дальше 7000 километров — достаточно для перелета из СССР в Америку с промежуточной посадкой где-нибудь в Дании или на Британских островах. И это перед войной, когда пассажирской авиацией у нас никто не занимался целенаправленно! В энциклопедии верно написано, что он использовался для снабжения партизан, не сказано только, что югославских. И сбит он был не немецкой, а итальянской авиацией — над Средиземным морем. Тут авторы малость наврали.

«Ем-3» вообще не упоминается в энциклопедии, а ведь это было любимое детище Юрия Михайловича. Над ним он работал почти 11 лет, с 1940-го до самой смерти, и даже в тюрьме (вы совершенно правильно подумали о странных обстоятельствах). Этот самолет предназначался специально для установления мирового рекорда по дальности полета, а замахивался Емшанов ни много ни мало, на 36 тысяч километров. Без четырех тысяч вокруг света. Мировой рекорд в то время принадлежал экипажу Громова на туполевском «АНТ-25» (чуть больше двенадцати тысяч), и Емшанову мешали все, кто только мог, кроме, пожалуй, самого Туполева. «Ем-3» так и не построили, но если бы испытания «Ем-12» довели до конца, громовский рекорд тоже бы не устоял.

3

Когда в 1988 году приоткрылись секретные архивы и, так сказать, на волне гласности выплыли на свет некоторые подробности истории нашей страны, появились и газетные статьи о Емшанове и его самолете «Ем-12». Все они сводились, в основном, к следующему.

В конце сороковых годов Емшанов действительно выступал против применения реактивных двигателей на бомбардировщиках, и действительно из-за их прожорливости. Но бомбардировщик с поршневыми моторами из-за тихоходности слишком уязвим для реактивных истребителей, которые к тому времени уже были во всех ведущих в военном отношении странах. Эту уязвимость Емшанов пытался компенсировать применением технических средств, делающих самолет невидимым для радиоло-

каторов — на 30 лет раньше, чем американский «Стелс», и совсем на других физических принципах. На «Ем-12» был установлен первый образец такого оборудования, и для его испытания в начале 1950 года самолет отправился в специальный полет, который стал для него последним.

Экипаж состоял из трех человек: пилота Маркова, профессора Завадского, физика, разработавшего противорадарную установку, а в этом полете исполнявшего обязанности штурмана, и бортмеханика Вяткина. Самолет вылетел то ли из Свердловска, то ли из Каменска-Уральского (здесь авторы расходятся), направляясь на север к Салехарду, а на обратном пути профессор должен был включить свой аппарат, и самолет исчез бы с экранов следящих за воздухом радаров. В нарушение приказа экипаж включил установку не на обратном пути, а еще на пути к Салехарду, и самолет действительно исчез с экранов, и вообще исчез и никогда и нигде потом не появлялся. С этого момента авторы газетных публикаций, описывая дальнейшее развитие событий, расходятся окончательно, но все разнообразие версий сводится в основном к трем.

По первой, при включении аппарата самолет взорвался в воздухе. Взрыв был настолько сильным, что ни по горячим следам, ни позже не удалось найти ни одного обломка, пригодного для надежной идентификации.

По второй, экипаж включил «генератор невидимости» и продолжит полет, только не в Салехард, а в Америку через полюс. Особый отдел, существовавший при КБ Емшанова, как и при любой подобной организации, сфабриковал очередное шпионское дело, и после завершения полета всех их должны были арестовать. Кто-то из них узнал об этом, и они попытались бежать. Судя по отсутствию публикаций в американской прессе и иных последствий, до Америки они не долетели: то ли их сбили поднятые по тревоге истребители, то ли самолет пропал по пути где-то в Арктике.

По третьей версии, в Америку они не полетели, понимая, что для этого у них не хватит горючего. Скорее всего, они повернули на запад, в Финляндию или Норвегию. В случае их появления там последствия были бы те же, что и при посадке в Америке, значит, туда они тоже не попали. Путь их проходил через глухие места: север Пермской области, Коми АССР, Архангельскую область, Карелию. Там и надо искать обломки самолета.

К сожалению, все эти статьи появлялись в газетах с репутацией, сильно подмоченной им пристрастием к сенсационности, часто в ущерб истине: «Бермудский многогранник», «Обратная сторона», «Запределье» и им подобных. Так что, как говорится, за что купил, за то и продаю.

4

В сентябре 1991 года открылись вообще все архивы. В это время в печати появились еще две статьи о судьбе «Ем-12». Во-первых, в «Бермудском многограннике» вышла небольшая заметка, автор которой утверждал, что бортмеханик Вяткин не полетел ни в Америку, ни в Норвегию, а прыгнул с парашютом и добрался до телеграфа; он-то и сообщил, что Марков с Завадским отправились в Америку. Дальнейшая судьба его покрыта мраком. По официальной версии, он пропал где-то в лесах на севере Свердловской об-

ласти. Что скорее всего надо понимать — расстрелян: ведь если Вяткин пропал в лесах, кто же сообщил о бегстве пилота или профессора?

Во-вторых, в «Запределье» напечатано интервью с неким Исааком Яковлевичем Шерхебелем. В тридцатые годы он был студентом у профессора Завадского, в 1949-м зарабатывал какие-то электронные приборы для «Ем-12», потом за что-то сидел, о чем в интервью изложено невнятно, а в 1964 году участвовал в экспертизе чертежей и схем, по которым была изготовлена установка Завадского. В интервью он утверждал, что она годилась для чего угодно, только не для того, чтобы сделать самолет невидимым для радара. «Это вообще какая-то безумная физика», — говорил Шерхебель. «А для чего все-таки мог предназначаться этот препарат?» — спросил его репортер. Шерхебель помолчал и ответил: «Не знаю». Но у репортера осталось ощущение, что знает.

И это опять же всё. Больше ничего о Емшанове и его самолете нигде и никогда не печаталось. В 1992 году у прессы появилось множество других актуальных тем, а с начала следующего архивы начали стремительно закрываться, и сейчас они охраняются едва ли не строже, чем при советской власти. У меня к ним доступа нет, и спросить некого. Шерхебель умер вскоре после интервью. Корреспондент «Запределья», что задавал ему вопросы, давно в Израиле или еще дальше, а самое «Запределье» — где оно? Как и «Обратная сторона», и иже с ними. И подшивок в библиотеке не найти, да и кто когда выписывал подобные издания для библиотек?

5

Когда-то, конечно, станут известны все подробности этой истории. Скорее всего, при одной из следующих перестроек, когда вновь откроются архивы и всплывет

очередная порция фактов и сплетен. Не берусь сказать, произойдет ли она через двадцать лет или через двести. В последнем случае мне до нее точно не дожить, поэтому я, как сейчас принято говорить, реконструировал последовательность событий. Часть — исходя из внутренней логики известных эпизодов, а там, где логика не срабатывала, просто придумал — не пропадать же сюжету.

То же и с действующими лицами. Учитывая репутацию газет, писавших об основных фигурах этой истории, можно с уверенностью утверждать только то, что достоверно ничего не известно. И вполне может быть, что фамилия, скажем, профессора — не Завадский, а Канторович. Или пилот совсем не Марков, а Ржевский или Савушкин. Что касается второстепенных — одних я вычислил с помощью все той же логики (таких, например, как водитель бензовоза или прапорщик Ляхович), других просто придумал. Ясности ради стоит считать, что все придуманы, а кого как звали на самом деле — не все ли равно? Меньше знаешь — крепче спишь, гласит пословица.

Что я не стал менять — так это привязку к датам. Все даты в этой истории настолько точны, насколько могут быть точными данные, почерпнутые из «Запределья» или «Бермудского многогранника», а потому в ней встречаются отдельные лица, которых никак не отнесешь к вымышленным; но они, строго говоря, и не действующие, а только упоминаемые. Упоминаемые для создания исторического фона — такой сложной штуковины, включающей в себя многое: и этих лиц, и огромный телевизор с маленьким экраном, перед которым стоит заполненная водой линза, и скверную, но распространенную в свое время привычку — курить папиросы из крепкого табака (без фильтра, разумеется, какие тогда фильтры?) прямо на кухне, а то и в жилых помещениях.

Автор

Часть первая. Летающие на север (1950 год)

1

Этот двухэтажный, на три подъезда дом был построен осенью 1941 года по популярной тогда технологии: бревенчатый каркас обшивался досками так, что получалась коробка с двойными стенками, и промежуток между наружной и внутренней обшивками заполнялся песком, землей, шлаком — в общем, любым сыпучим материалом по-

дешевле. Хорошо, если это делалось летом, когда засыпка была сухая (необязательно, впрочем). Хуже, если осенью.

Вряд ли, конечно, строители-эзки делали так назло будущим новоселам. Просто просушить засыпку не было никакой возможности, а план есть план, и спрашивали за его выполнение по законам военного времени.

*Все года, и века, и эпохи подряд
Все стремимся к теплу от морозов и выюг,
Почему ж эти птицы на север летят,
Если птицам положено — только на юг?
Слава нам не нужна и величие,
Вот под крыльями кончится лед -
И найдут они счастье птичье
Как награду за дерзкий полет!*

В.Высоцкий. «Белое безмолвие»

В первую зиму, на редкость холодную, стены промерзали насквозь. Весной оттаивали, обшивку пучило. Сначала из-под нее текла вода, потом мелкими ручейками засыпка, а обои, где были, отходили целыми полосами. Так и просыхали дома, уже с жильцами, постепенно, год за годом. Иногда до самого своего сноса через двадцать лет, когда на этом месте строили хрущевские пятиэтажки.

Лагерному архитектору, такому же эзку, делавшему на плохой бумаге проект дома, простые прямоугольные формы, по-видимому, слишком напоминали бараки, и он изогнул дом в виде буквы П. «Покоем», как говорили дореволюционные профессора. Впрочем, архитектор учился своему ремеслу тогда, когда все они уже сидели, и термина этого не знал.

Двери крайних подъездов, выходившие внутрь буквы П в углах, смотрели навстречу друг другу, а ноги буквы — на юго-запад, в сторону летного поля, до которого было метров триста голой степи. Юго-западный ветер, разогнавшись на этом пространстве, врывается в «покой» и в его углах крутил вихрями снег или мелкую песчаную пыль, смотря по сезону.

Поздним вечером 7 января 1950 года ветер не дул с юго-запада, а почти точно с юга, поэтому в одном углу было относительное затишье, зато в другом!.. Ветер, стараясь засыпать дверь, бросал снег на крыльцо, отразившись от стены, срывал верхушки сугробов и нес вверх даже не хлопья, а целые комья. В луче света из единственного освещенного окна второго этажа они вращались и летели к небу, как через сорок лет будут взлетать американские «Шаттлы».

Освещенное окно принадлежало кухне двухкомнатной квартиры, в которой жил — один, после смерти жены в августе прошедшего года, — профессор Алексей Иванович Завадский, занимавший в ОКБ Емшанова странную должность. Зарплата у него была чуть меньше, чем у заместителя главного конструктора, а народа в подчинении — два техника, лаборант и чертежница.

Второе окно его квартиры, а именно маленькой комнаты, служившей профессору кабинетом, спальней и отчасти мастерской, выходило во двор рядом с кухонным, и свет в нем в тот вечер не горел. Третье окно, из большой комнаты, было вообще с другой стороны дома. В ней после смерти жены профессора редко бывал кто-нибудь. Хозяин даже почти не топил ее, разве что в сильные морозы.

Другая квартира на этаже была коммуналкой. В четырех ее комнатах помещались две семьи, а пятую, выходившую окном в тот же внутренний угол «покоя», что и кухня профессора, занимал летчик-испытатель, капитан Владимир Павлович Марков. Для Завадского, в силу двадцати с лишним лет разницы в возрасте, — просто Володя.

Окна в углу дома располагались так, что из комнаты пилота было хорошо видно кухню профессора, особенно когда там горел свет (а у пилота, наоборот, потушен). Так он и горел в тот вечер, только Маркову незачем было подглядывать в профессорское окно, потому что он сам сидел на табурете в этой кухне, курил «Беломор» и смотрел, как профессор колдует над заварочным чайником. Ветер метался за окном, и папиросный

дым то вытягивался в открытую форточку, то разлетался по всей кухне.

— Вам не мешает, Алексей Иванович? — спросил Марков, когда очередной порыв ветра потянул дым прямо на профессора.

— Ничего, я сам совсем недавно бросил, — ответил Завадский. — Да вы продолжайте, Володя, я слушаю.

Он накрыл чайник сложенным вчетверо полотенцем и сел на другой табурет. Володя продолжил:

— Ну так вот, вы же помните, как тогда было: все рвались в истребители, конкурс, как в институт. Проверяли все: и здоровье, и знание. А у меня со здоровьем-то как раз порядок, а вот знания... Я же деревенский был.

— Володя, а почему вы не хотели, например, в танкисты? Вы же в колхозе трактористом работали.

— Я, Алексей Иванович, летать хотел, а не ползать по земле. В колхозе напозался. Вот только за математику сильно опасался. А тут умный человек сказал мне примерно так: у боевой авиации, говорит, две задачи. Первая — разбомбить противника, вторая — не дать ему сделать это с тобой. А которая из них важнее или почетнее — это, говорит, пустопорожние разговоры, не относящиеся к делу. Ну, я плюнул на свои предрассудки и пошел в бомбардировщики. Там конкурс меньше.

— А вам не приходилось потом слышать, что вы искали спокойное место?

— А!.. Все это люди, не имеющие отношения к авиации — для меня, по крайней мере. Да вы возьмите хотя бы нас для примера. Двадцать восемь пилотов нас было — в октябре сорок первого закончили летную школу. Сейчас живы четверо. Борисов, ладно, в сорок седьмом погиб, а остальные — все в войну. Двадцать три человека... Двадцать два по бумагам. Толя Уржумцев до сих пор считался пропавшим без вести.

Марков замолчал. Профессор разлил по стаканам чай, тоже молча. Марков прервал затянувшуюся паузу:

— Его сбили на морем японцы. Почти что в последний день войны. Он передал по радио, что самолет горит, штурману и стрелку приказано прыгать. Они и выпрыгнули, а он или не успел, или не смог. Там шли наши торпедные катера, сразу их подобрали. Все видели, куда падал самолет, сразу пошли туда. Никого не нашли... И вот ведь какая штука: больше двадцати человек видели, как падал самолет и что третьего парашюта не было, а особист — ни в какую. Пока, говорит, мне не представили труп или надежных свидетелей, которые этот труп видели, для меня он пропавший без вести. А может, говорит, он сейчас американцам наши секреты сливает. Каков гусь, а?

— Это он Уржумцева так назвал?

— Это я так его самого!

— Володя, некоторое время аккуратнее с гусями, — попросил профессор. — Я сейчас дам послушать людям Скворцова.

Не вставая с табурета, он протянул руку к буфету и открыл дверцу. Внутри обнаружился странный аппарат в виде небольшого железного ящичка, на передней стенке которого помещались два тумблера и круглая черная ручка, как у радиоприемника, и горела лампочка. Под ней было отверстие, забранное решеткой.

— Пусть нас слышат скорцовские дятлы! — театрально провозгласил Марков, и профессор, протянувший руку к аппарату, остановился на полпути.

— Почему дятлы? — спросил он удивленно.

— Потому что стучат, — ответил пилот.

— Да нет, Володя, стучат — это когда на своих. Как у нас в КБ, например. А у этих просто работа такая.

Профессор повернул ручку на аппарате, и лампочка заметно потускнела.

2

Тремя или четырьмя минутами раньше в небольшом добротном бревенчатом домике, теплом и не знавшем сырости в стенах, стоявшем примерно в километре от квартиры профессора, рядовой Ивакин обратился к старшине Федорчуку с вопросом, прозвучавшим почти утвердительно:

— Товарищ старшина, я послушаю еще раз тридцать седьмую линию.

— Ну, послушай, — лениво ответил старшина, не отрываясь от самовара.

Ивакин щелкнул тумблерами, и из висевшего на стене репродуктора, до этого передававшего что-то похожее на бытовую пьесу, раздались шипение и хрипы.

— Опять! — с досадой сказал Ивакин. — Придется линию смотреть.

— Брось! — сказал Федорчук. — Наше дело — лента, а не линия.

Линия действительно была не их делом. В комнату, где происходил разговор, сходились провода от микрофонов, установленных в разных местах городка. Размещенное здесь предприятие имело огромное военное значение и считалось исключительно секретным, потому и порядок был обнесен тремя рядами проволочного ограждения, причем средний ряд — под напряжением. Микрофонов было много — больше сотни. А магнитофонов для записи — всего девять штук. Техника была новая, в основном трофейная, да кое-что добыли у американцев. Даже для такого объекта больше не нашлось. Задачей дежурной смены было вовремя менять катушки с лентами, да еще переключать линии и на слух определять, что будет интересно особому отделу. Для этого здесь должен был присутствовать офицер, но на этот вечер ни одного офицера не нашлось, и старшим был старшина Федорчук, о чем рядовой Ивакин вовсе не жалел.

Ивакин был из деревни, и стоять бы ему сейчас, как нормальному деревенскому парню, на вышке с автоматом, щурясь от метели, охранять объект от шпионов и диверсантов. Но был он, ко всему прочему, неплохим радиолюбителем, даже по городским меркам, а в родном колхозе на нем держался радиоузел. Старшина выделил Ивакина из прочих новобранцев, когда тот сумел починить ему трофейную радиолу, от которой до этого отступились три человека, включая лейтенанта-связиста.

Ивакин опять щелкнул тумблерами, и вместо хрипов стала слышна очередная бытовая пьеса из жизни населения Новокаменска. Через три минуты профессор умень-

шил мощность своей глушилки до такой степени, что стало возможным прослушать разговор, но линия была уже выключена.

— А что там, на тридцать седьмой? — спросил Ивакин.

— Да ничего интересного! — ответил старшина, посмотрев карточки в ящике. — Квартира профессора. Сидят, небось, с Марковым на кухне, разговоры разговаривают.

— Все-таки надо послушать. Мало ли чего они там болтают.

Старшина внимательно посмотрел на Ивакина: с чего бы это вдруг такое служебное рвение? Ничего подозрительного он не заметил, похоже было на простую старательность простого деревенского парня.

— А кому они нужны? — сказал Федорчук. — Все одно на той неделе обоим брать будут.

— За что? — удивился Ивакин.

— Шпиёны, — флегматично пояснил старшина. — Английские. Марков еще и югославский.

— Надо же! А почему все время так хрипит?

— А там у профессора на кухне стена всю дорогу сырая. Ни один микрофон дольше полгода не стоит, менять замаялись... Ты лучше за лентой следи! — напомнил Федорчук, и вовремя: в двух магнитофонах лента подходила к концу. Надо было ставить новые катушки, упаковывать записанные, подписывать на них этикетки, и т. д. и т. п.

Этим они и занялись. Когда минут через двадцать Ивакин снова подключил тридцать седьмую линию, голос Маркова иногда еще прорывался сквозь скрежет, но с каждой минутой все хуже:

— ...Куда-то на юг... (неразборчиво)... бомбы, заправлялись — и теперь на Кельн, Мюнхен, раз в Милане бомби... (неразборчиво)... американцы были... (снова неразборчиво)... к востоку от цели, а мы совсем... (сплошной непрерывный скрежет).

— Про челночные полеты рассказывает, — прокомментировал Федорчук.

— Это как? — не понял Ивакин.

— В войну летали. Здесь загрузились, к примеру, пошли на цели в Германии. Там отбомбились — пошли в Англию. Там опять заправились, загрузились бомбами — опять на Германию, отбомбились — пошли куда-то в Италию. Там снова загрузились, а потом уже к нам. Югославия там каким-то боком к этому делу, не помню. Будет еще рассказывать, как они там, в Югославии, три дня сидели и пьянствовали.

— И не боится про это говорить! — поразился Ивакин.

— Да про те полеты весь город знает, — махнул рукой Федорчук. Ивакин снова переключил линии.

3

— Летали из-под Тихвина на «Ил-4», — рассказывал Марков. Профессор в это время потихоньку крутил ручку стоящего в буфете аппарата. Лампочка горела все ярче и ярче. — Если на Кенигсберг, Данциг или Берлин, то с дополнительными баками еще можно было вернуться. А если Гамбург или Бремен — уже никак, дальности не хватало. Уходили в Англию. Вернее, в Шотландию, там

на севере был промежуточный аэродром, на нем дозавралялись — и куда-то на юг, там какой-то городишко не выговоришь названия. Днем отдыхали, потом брали бомбы, заправлялись — и теперь на Кельн, Мюнхен, раз в Милане бомбили один завод. Оттуда уходили на Сицилию, там в это время американцы были... А немцы так и не поняли, куда мы уходим. Слышат — «Ил-4», поднимают истребители и ловят к востоку от цели, а мы совсем в другой стороне.

Завадский повернул ручку до упора. Лампочка теперь горела на пределе. Профессор закрыл дверцу буфета.

— На Сицилии снова день отдыхали,— продолжал Марков, — потом опять заправлялись, но брали уже не бомбы, а патроны, медикаменты, консервы — и домой. А это хозяйство сбрасывали партизанам в Югославии. Садилась под Камышином или под Астраханью, оттуда к Тихвину — уже над своей территорией.

— И много было таких рейдов? — спросил Завадский.

— У меня шесть, а другие и больше летали. В последнем полете была история... Дали спецзадание: надо было сесть в Боснии, забрать какого-то партизанского генерала или как там его — в общем, большой чин. И этого чина привезти к нам, ему надо было в Москву. Погода как раз подходящая: низкая облачность, морось. Ну, сесть-то мы сели, а как взлетать — тучи пошли совсем низко, а там горы. А потом туман. Двое суток сидели, погоды ждали.

— Двое суток туман? — удивился профессор.

— Наоборот,— сказал Марков,— туман утром разошелся, а дальше два дня ясно. И ночь ясная. Лететь нельзя, немцы рядом. И нашим по радио не сообщишь, что из-за погоды сидим.

— Почему?

— Так немцы же! Перехватили бы, расшифровали... В общем, не стали рисковать.

— И что делали?

— Самолет замаскировали и сидели, ждали погоды. С партизанами сливовицу пили. Сливовица у них хорошая, только потом лететь было тяжело... Облака пошли во вторую ночь, уже после полуночи, поздно было, но мы поговорили между собой, с генералом этим — решили рискнуть. А были бы трезвые — не полетели бы... Линию фронта прошли уже при свете, тут-то на нас немцы и напали. Бортмеханик у меня тогда «мессера» сбил.

— Как это он сумел?

— Со сливовицы сильно маялся, не мог сидеть на своем месте. Он же как в консервной банке, не видно ничего. А тут поменялся местами с воздушным стрелком, там остекление, небо видно, вроде как легче. Ну вот, полегало ему, он и заснул. Проснулся, когда эта заваруха началась, спросонья ничего понять не может. Стрельба, этот партизанский начальник открыл какой-то лючок, давай туда из своего «вальтера» стрелять. В стеклах полно дырок, а вокруг «мессер» ходит. Бортмеханик не сообразил, что у него пулеметы, схватил ППС¹ — там в кабине ППС был. Высу-

нул ствол наружу, где стекла не было, одной очередью весь магазин высадил — и сбил немца. Потом наши истребители подошли, отогнали остальных... Командир полка потом говорил, что собирался нас с бортмехаником за этот полет на Героев представлять и к внеочередным званиям. А когда узнал, в каком состоянии мы из самолета вылезали и почему бортмеханик оказался на месте воздушного стрелка, решил, что с нас Красного Знамени хватит.

— А в каком состоянии?

— Собственно, почти в нормальном. Хмель-то вышел сразу, как «мессера» напали. А вот запах остался выдающийся. Это ж сливовица... Так вот, меня и отстранили от этих полетов. На Данциг потом ходил.

— Володя, вы верите в предчувствия? — неожиданно и совершенно не в тему спросил профессор.

— Что? — не понял Марков.

— Предчувствие, внутренний голос или как там это еще называют.

Марков помолчал и ответил:

— Верю. Было несколько раз, когда этот самый голос мне жизнь спасал.

— А у вас нет предчувствия, что нас вот-вот арестуют?

Марков посмотрел на дверцу буфета. Завадский понял, покачал головой:

— Не слышат.

Марков снова помолчал и ответил:

— Есть, и очень четкое. Я даже спать ложусь — сую револьвер под подушку. Собственно, это не предчувствие. Я же вижу — народ от меня шарахается, как от зачумленного. И Лазарев летает с постоянным экипажем, а я все время с разными.

— Вам что, табельное оружие выдали в постоянное ношение? — удивленно спросил профессор.

— Револьвер-то? Это не табельный. Это я на Сицилии с одним американцем поменялся. Я ему — ТТ, а он мне — свой «кольт».

— А как потом объяснялись насчет пистолета?

— А война, Алексей Иванович, и не такое списывала.

— А под подушку зачем?

— Так они ж по ночам приходят. Отбиться, конечно, не отобьюсь, но хоть двух-трех гадов завалю. Может, даже насмерть... А у вас что, тоже предчувствие?

— Нет, Володя. У меня совершенно точные сведения. Надеюсь, вы не будете обижаться, если я вам не скажу, от кого они?

4

Завадского предупредил Емшанов. Сразу после обещанного перерыва он пригласил профессора сходить с ним в цех на монтажный участок по какому-то вопросу. Проблема оказалась пустяковой, Завадский сильно сомневался, стоило ли из-за такой ерунды одеваться и выходить в метель, но на обратном пути Емшанов остановился у угла, где меньше дуло, придержал профессора за рукав и сказал ему:

— Алексей Иванович, мне точно известно, что Скворцов собирается арестовать вас с Марковым сразу после испы-

1. ППС-43 — пистолет-пулемет Судаева, малоизвестная система оружия. Использовался в качестве личного стрелкового оружия экипажей танков и самолетов. — Авт.

тания вашей противорадарной установки. Точнее, после успешного испытания, — я не сомневаюсь, что оно будет успешным. Вас обоих обвинят в шпионаже в пользу Англии. Маркова, возможно, также в пользу Югославии.

— Понял, спасибо, — ответил Завадский.

— Алексей Иванович, я могу сейчас организовать вам командировку в Ленинград. Там, я думаю, вы сумеете исчезнуть. Для Маркова я, к сожалению, ничего не могу сделать.

— Спасибо, Юрий Михайлович, не надо. Мы постараемся как-нибудь урегулировать этот вопрос, — ответил Завадский и пошел дальше, давая понять, что разговор окончен.

5

— Шерхебель через пару дней закончит свой лока-тор, — сказал профессор. — После этого еще день на монтаж — и можно лететь.

— Кислородные баллоны ж не готовы, — напомнил Марков.

— Баллоны — это не меньше трех недель. Столько ждать никто не будет. Отправят так, не выше пяти километров, для испытания роли не играет. А после полета мы с вами — лучшие кандидаты в английские шпионы. Вы в Англию летали в войну, я там бывал еще раньше. Вот тогда нас и завербовали. Вам еще и Югославию припают.

— Алексей Иванович, а может, смоемся как-нибудь по-тихому, пока Шерхебель с аппаратурой возится? Забуримся в глушь, в какой-нибудь колхоз? Кто нас там будет искать?.. Или вообще не дергаться? Выкину свой «кольт», ну, посадят, ну, отсидим. Вам вообще практически ничего не грозит, вы же специалист, каких поискать. Будете заниматься тем же самым, только за колючкой — так мы и тут за колючкой. Без скворцовского квитка из Новокаменска никуда, а если и выберешься — что дальше? Ну, в Каменск-Уральский, ну, пусть даже в Свердловск — что вы там не видели?

— Там действительно смотреть нечего, а здесь хоть коммунизм в одной отдельно взятой зоне — светлое будущее, будь оно неладно. В лагере и этого не будет... Да бог с ним, не в том дело. Заниматься тем же самым мне скорее всего не дадут. Меня, вероятно, застрелят при попытке к бегству, самое большое — на второй день следствия.

— Откуда вы знаете?

— А я вообще много знаю, даже слишком много. За то и застрелят... Володя, есть кто-нибудь, кому выйдет боком, если вы исчезнете? — вдруг спросил Завадский.

— Нет, — ответил пилот. — Родители умерли, сестра замужем, у нее совсем другая фамилия, да и далеко они, а жена... — он помолчал — у нее теперь тоже другая фамилия. А зачем вам это? — вдруг забеспокоился Марков. Профессор, казалось, не заметил вопроса:

— И у меня никого. Родители умерли еще раньше, дочь погибла в блокаду, а жена... ну, вы знаете...

— Алексей Иванович, вы, наверное, хотите предложить под прикрытием вашего аппарата рвануть в Европу или

даже в Америку? Так вот, я против. Я, конечно, достаточно плохо отношусь к родной партии и руководимым ей органам, но своему народу я зла не желаю и не хочу, чтобы этот самолет достался американцам. А он им достанется, куда бы мы ни полетели.

— Ну, еще неизвестно, что есть меньшее зло... — сказал непонятную фразу профессор. Марков хотел переспросить, но Завадский его опередил:

— Дело в том, что эта установка — не то, что все думают. Я действительно предлагаю вам уйти, как вы говорите, под ее прикрытием, но не в Европу и не в Америку, а в будущее. Это, Володя, не противорадарная установка, а то, что в фантастических романах называют машиной времени.

6

Марков устал на профессора.

— Вы, Володя, наверное, решили, что старый профессор спятил от постоянного страха перед арестом?

— Ну, вроде того, — смущенно ответил Марков.

— Нет, я совершенно нормальный человек... хотя любой сумасшедший вам скажет то же самое... Дело в том, что путешествия во времени технически возможны и уже не раз совершались. Правда, в прошлое, а не в будущее.

— Но, Алексей Иванович, это же противоречит закону причинности!

— Во-первых, правильнее будет не «закону», а «принципу причинности». Во-вторых, этот принцип ввели не физики, а философы, а философия, с моей точки зрения, не наука.

— А что же?

— А бог ее знает. Она, может быть, и была наукой две тысячи лет назад, но современная наука — это эксперимент и расчет. В-третьих, путешествия в будущее, которое я вам предлагаю, не нарушит причинно-следственных связей. Весь мир и так движется во времени из прошлого в будущее, мы только проделаем этот путь немного быстрее...

— А если, например, отправиться в будущее, — перебил Марков, — посмотреть, что там и как, а потом вернуться в свое время и что-то в нем изменить? Это как — не нарушит?

— Не получится. Основной закон путешествий во времени я бы сформулировал так: в прошлом нельзя остаться, из будущего нельзя вернуться. Вообще для путешествий в будущее и в прошлое применяются разные установки, основанные на разных физических принципах. Вот так... А в-четвертых, даже путешествия в прошлое не нарушают причинности и событий, потому что причины находятся совсем не там.

— Это как?

— А я вам покажу на одном примере. Вы, конечно, не слышали о диверсии на станции Собакевичи осенью сорок первого года?

— Как раз слышал.

— Откуда? — удивился профессор.

— Когда там рвануло, из Москвы летала комиссия разбираться. Я был пилотом.

— Так вы же еще не закончили летную школу!

— Взрыв произошел в вагоне, оборудованном под караульное помещение. Кто там был, все погибли, а рядом загорелись эшелоны с топливом и снарядами. Потом все пошло взрываться. Станцию разрушило полностью, прекратилось снабжение целого участка фронта. В конечном счете это привело к окружению немцами Киева. Так вот, в сорок третьем году, когда эта территория была уже освобождена, а я как раз закончил первый образец аппаратуры для путешествий в прошлое, Сталин приказал разобрать досконально с причинами взрыва.

— Но постойте, ведь комиссия же разобралась! Нашли двух диверсантов, расстреляли!

— Это стрелочники, Володя.

— Нет, там один был — путевой обходчик, а другая — повараха из буфета.

— Это стрелочники в другом смысле. Кого-то надо было назначить диверсантами — их назначили. Кроме того, Сталин приказал не только найти настоящих виновников, но и предотвратить взрыв. Он-то как раз и хотел нарушить причинно-следственные связи, изменить ход войны в прошлом. В частности, отстоять Киев.

— А что же вы?

— Я пытался объяснить, что из этого ничего не выйдет, но меня никто не слушал. На решающем этапе я обеспечивал работу техники, а в прошлое послали группу из шести чекистов. Местные жители говорили еще той комиссии, что видели в тот день на станции каких-то незнакомых людей в форме НКВД. Комиссия предполагала, что это и есть диверсанты, а нашей группе поставили задачу их перехватить.

— Ну и как?

— Они лазили по станции часов шесть, никого не нашли. В конце концов на них самих стали коситься. Время взрыва было известно с точностью до нескольких секунд, и оно уже подходило. Тогда старший группы, чтобы хотя бы предупредить караул, вытащил из планшета листок, написал записку и прилепил на дверь караульного вагона. Потом все спрятались в будке между путями — там стояла аппаратура для возвращения — и стали ждать. Когда караул вернулся в вагон, наши немного подождали и тоже вернулись — обратно в сорок третий год. Первым делом спросили, как с ходом войны, — считалось, что когда предотвратят взрыв, будут какие-то изменения. Оказалось, что все по-прежнему. Тогда стали разбираться и выяснили, что время их возвращения в сорок первом году совпадает со временем взрыва по крайней мере с той точностью, с какой оно известно.

— И что это означает?

— Володя, для создания канала из настоящего в прошлое требуются огромные затраты энергии. Чтобы отправить группу на два года назад, пришлось на полдня отключить электричество в Москве и трех областях. Военные производства, конечно, не трогали, но жилье, школы, даже госпиталь — все отключили. Тело, перемещенное в прошлое, там обладает избыточной энергией. Его как бы выталкивает во времени из прошлого обратно в настоя-

щее. Пока канал существует, это давление уравновешивается противодействием из настоящего, и тело стабильно. При сворачивании канала затраченная на его создание энергия выделяется в виде тепла. Именно поэтому в районе Собакевичей, и только там, было потом два жарких лета и две очень мягкие зимы. А любое тело из настоящего, если почему-то останется в прошлом, становится там нестабильным и его избыточная энергия выделяется, вероятнее всего, в форме взрыва.

— А что оставили в прошлом ваши чекисты?

— Записку. Тот самый листок из планшета.

— Но, Алексей Иванович, ведь там взрыв был по крайней мере как от стокилограммовой авиабомбы! А сколько весила эта записка?

— Да, Володя, вот от такого листочка. Я считал потом, исходя из общих затрат энергии. Люди в форме НКВД, которых видели местные жители, — это была наша группа. Когда старший убедился, что караул вернулся в вагон и предупрежден об опасности, он приказал возвращаться. Канал свернули, а листок остался в прошлом.

— И от такой вот бумажки... Постойте, Алексей Иванович! Это что же получается? Вы отправились в прошлое, потому что там что-то взорвалось, а взрыв произошел, потому что вы отправились в прошлое и там напартачили. Колечко выходит... А где же в нем причина и где следствие?

7

— А я вам сейчас объясню, — сказал профессор. — Только скажите сначала: вы слышали что-нибудь о демоне Лапласа?

— Лаплас — это тот, который сказал Наполеону, что в этой гипотезе не нуждается?

— Да, он самый.

— Значит, про Лапласа знаю. Про демона не слышал.

— Это такое вымышленное существо, которое знает положение и скорости всех частиц Вселенной в какой-то момент времени. Применяя к ним законы механики, он может рассчитать и прошлое, и будущее на любую глубину, потому что все сложные явления и процессы имеют причину в движении и взаимодействии простых частиц. Такие, во всяком случае, тогда были представления.

— Сейчас, кажется, представляют по-другому?

— Да, сейчас к микромиру применяют законы квантовой механики, в которой есть принцип неопределенности. Но все известные мне обоснования этого принципа сводятся к тому, что для микрочастицы нельзя одновременно измерить точные значения координаты и импульса, но вовсе не к тому, что точные значения этих величин для нее не существуют вообще.

— Постойте, Алексей Иванович! Я, кажется, понял! Демонов нет, координаты и импульсы частиц мы не знаем и никогда не узнаем, но они имеют точные значения, и будущее предопределено ими.

— Да. И причина не внутри этого, как вы сказали, колечка, а вне его. В положении частиц в первые мгновения существования Вселенной, пятнадцать-двадцать миллиардов лет назад. Все, что в колечке — только следствия.

Пятнадцать миллиардов лет назад демон, взглянув на частицы, мог бы предсказать и этот взрыв, и то, как мы отправимся его предотвращать. И вот этот наш разговор тоже.

— И от судьбы не убежишь, — задумчиво произнес Марков. — Алексей Иванович, а стоит ли дергаться, если от судьбы не убежишь?

— А я, Володя, предлагаю вам бежать не от судьбы, а от майора Скворцова. Так как, летите со мной?

Чуть помедлив, Марков ответил:

— Лечу.

— Спасибо. Честно говоря, этот самолет мне без вас не угнать.

8

— Ну, хорошо, — сказал Марков, — остались технические детали. На сколько лет вперед вы собираетесь уйти?

— Лет на сорок-пятьдесят, — ответил профессор.

— Почему столько?

— В таких странах, как наша, режим обычно меняется со смертью правителя. Сталина сейчас семьдесят. Сколько он еще протянет? С одной стороны, у него была бурная революционная молодость; с другой стороны, он с Кавказа, там живут долго. Ну, пусть еще лет двадцать, пусть даже тридцать. Дольше — вряд ли. Добавим запас еще лет десять-двадцать — я думаю, достаточно. Для нас за это время пройдет не больше часа.

— А в пространстве мы за это время сколько пролетим? Как за час или как за пятьдесят лет?

— Скорее всего, останемся на месте. Но точно я вам, Володя, не скажу, я еще не занимался этой стороной вопроса.

— Да-а... Ну, ладно, все это семечки. Остается суцая ерунда — уговорить лететь с нами остальной экипаж.

— Насчет экипажа не беспокойтесь. Я на днях докладывал Юрию Михайловичу, и он со мной согласился, что ввиду новизны техники полет может быть опасным и экипаж надо сократить до минимума. Решили, что будет три человека: пилот, штурман и бортмеханик. Пилот — вы. Я могу сработать и за бортмеханика, и за штурмана, но предпочитаю штурманом.

— Почему?

— Потому что третьего человека даст Скворцов. Без его, как вы выразились, дятла не обойдется, тем более в этом полете. Когда в экипаже нет стрелка-радиста, переговоры с землей ведет штурман, и я не хочу, чтобы это был его человек.

— Алексей Иванович, если вы пойдете бортмехаником, то штурманом будет Савушкин. Его можно уговорить лететь с нами. А полетите штурманом — посадят бортмехаником Вяткина! Зачем нам такой подарок?

— Савушкин с нами не полетит, у него здесь семья, родня, и у жены тоже. Он их всех здорово подставит, даже если не исчезнет вместе с нами, а только даст себя уговорить прыгнуть с парашютом. А Вяткин один, никого он не подставит, да и сам, я думаю, выкрутится.

— Знаете, Алексей Иванович, вы как хотите, а я не хочу тащить с собой Вяткина.

— И я не хочу. Черт его знает, что он будет делать, когда узнает, куда мы летим. Мы его высадим. С парашютом. Он ведь прыгал?

— Как его высадишь? Он с оружием, а нас будут проверять металлоискателями. Мне свой «кольт» на борт не пронести.

— Насчет оружия не беспокойтесь, это я беру на себя.

— Что вы придумали?

— Не имеет значения, Володя. И вообще, надо собираться. Я вам говорил, что было несколько экспедиций в прошлое. Так вот, большинство тех, кто в них участвовал, уже исчезли. Просто исчезли — и всё, я наводил справки. Другого шанса у нас не будет.

— Да-а, интересные дела, — сказал Марков. Вытащив из кармана пачку «Беломора», он повертел ее в руках и сунул обратно. — Алексей Иванович, а что, полет с этой штукой и в самом деле может быть опасным?

— Я думаю, не опаснее, чем ждать здесь, когда за нами придут.

9

Утром 13 января 1950 года майор Скворцов сидел за столом у себя в кабинете, смотрел на лежащую перед ним бумагу и до жути, до зубной боли не хотел оставлять на ней свою подпись.

Обычное полетное задание: взлет, полет на северо-запад к Качканару, Нижний Тагил остается слева, над Качканаром поворот направо, на северо-восток к Ивделю, перед Ивделем чуть влево, далее на север до железной дороги Воркута — Лабитнанги. Вдоль железной дороги на восток, связаться с Салехардом, навстречу поднимается «Ту-2», оборудованный радиолокатором и кино съемной аппаратурой. Экипажи устанавливают зрительную и радиосвязь, поворачивают на юг и вместе идут назад практически по тому же маршруту. Ничего особенного, кроме того, что после поворота на юг профессор включает свою установку, и «Ем-12» становится невидимым для радиолокатора «Ту-2» и для станций слежения на земле; а для кинокамеры остается видимым — так, по крайней мере, уверял профессор. На подходе к Нижнему Тагилу установка выключается, самолет снова виден на экранах, а с «Ту-2» снимают на кинопленку решающие моменты. Вот так. А то, что экипаж сокращен до минимума, — так ведь на таком коротком маршруте второй пилот не нужен, стрелкам делать вообще нечего (в пулеметах и патронах-то нет), да и бортмеханику, честно говоря, тоже нечего делать. Все подписи собраны, остается его, Скворцова, и утверждающая подпись главного конструктора; и экипаж, который уже ждет, пойдет через поле к самолету, готовому к вылету.

И все же был в этом какой-то подвох. Скворцов нутром его чувствовал, но не мог сказать, что это за подвох, и не мог отказаться подписывать, ссылаясь на нутро.

Щелкнув клавишей селектора, он сказал в микрофон:

— Вяткина ко мне!

Когда наконец появился Вяткин, в меховой куртке, в унтах, с парашютом, Скворцову казалось, что прошло уже

минут десять, но, глянув на часы, он увидел, что доходит вторая минута.

— Слушай сюда внимательно. Я жду какой-нибудь гадости от Завадского. Не знаю, какой, но опасаясь. Поэтому смотри в оба.— Скворцов выдвинул ящик стола и достал оттуда небольшую металлическую коробочку.— Это радиостанция. Последняя американская разработка, на каких-то там транзисторах, но прогрева не требует, включишь и сразу работаешь. Тумблер — включение, эта кнопка — прием-передача, антенна выдвигается вот тут. Настройка не нужна, частота одна. Радиус действия в воздухе километров семьдесят, на земле — от силы тридцать, но наши точки будут по всей трассе. Твою частоту будут постоянно слушать. Если что — сразу вызывай. Твой позывной — Кондор, отвечать тебе будет Архар. Архар-1, Архар-2 и так далее. При малейшем отклонении от нормального хода полета, при любом подозрении — вызывай. И если по обстановке, независимо от чего угодно, посчитаешь, что надо прыгать — прыгай. Маркова можешь не ставить в известность. Все. Повтори.

Вяткин повторил без запинки. Скворцов помолчал, потом сказал:

— Смотри в оба. Можешь идти. Стой! — Он с отвращением подписал полетное задание, протянул Вяткину.— Отдай там.

Вяткин вышел. Скворцов закурил, подошел к окну и посмотрел на часы. Он знал, через какое время экипаж выйдет и появится на поле, где его будет видно из окна, и они появились вовремя. Они шли через поле к самолету, освещенные январским солнцем: Марков, Вяткин справа от него, еще правее профессор, и даже отсюда было видно, что, несмотря на парашют и летную аммуницию, это абсолютно штатский человек. Мелькнула пистолетная кобура на боку у Вяткина, порадовала глаз Скворцова.

— Ладно, голуби, вернетесь, никуда не денетесь,— вполголоса сказал майор, этой фразой почти успокоил себя и отошел от окна. Что бы ни придумал этот профессор, Кондор проследит.

И ни Скворцов, ни Вяткин не знали, что большая птица с красивым названием «кондор» — это, в сущности, южноамериканский гриф, и питается он падалью.

10

Они шли через поле к самолету, освещенные ярким январским солнцем, в ногу и почти что шеренгой; не нарочно, конечно, а само собой так получалось, только профессор отстал на полшага. У самого самолета строй сбился, Марков первым влез в кабину по алюминиевой лесенке, Вяткин и Завадский стояли и смотрели снизу, потом полез профессор, а бортмеханик последним.

Подключив разъемы шлемофонов к переговорному устройству, они начали обычную проверку, подготовку к полету и запуск двигателей. Через пятнадцать минут все шесть винтов вращались, все шесть двигателей были прогреты, и Завадский запросил разрешения на вылет.

— Вылет разрешен,— Вяткин услышал в наушниках шлемофона, как Завадский сказал это Маркову. Перего-

ворное устройство работало таким образом, что сказанное каждым слышал весь экипаж, но когда тот, кто вел переговоры по радио, переключался на радиостанцию, его не было слышно другим — непростительное упущение разработчиков аппаратуры. Знай о нем майор Скворцов, он потребовал бы переделать; но майор не знал, Вяткин ему не докладывал, потому что привык к такому положению вещей, а Савушкин, будучи штурманом, постоянно сам вел переговоры с землей и об этой мелочи вообще не задумывался.

Когда самолет оторвался от полосы и начал набирать высоту, Вяткина, как обычно, потянул в сон. Он бы и поспал, если бы не приказ Скворцова глядеть в оба. Он не ждал, в отличие от майора, никакого подвоха от безобидного старикана-профессора, но приказ есть приказ. Вяткин прошел войну в контрразведке СМЕРШ и привык относиться к таким вещам серьезно.

Он попытался занять себя чем-то. Смотреть в иллюминатор было бесполезно. Место бортмеханика было справа от прохода из пилотской кабины к бомбовому отсеку, в закутке, маленький иллюминатор находился от него достаточно далеко, и виден в него был в основном четвертый мотор, да еще небольшой кусок земли, если придвинуться к самому стеклу. Через проход, с левой стороны, откидывалось кресло для члена экипажа, которому в верхах ВВС еще не придумали названия, и никто еще не был назначен на это место. Летный состав называл его «атомщиком», потому что в его обязанности должно было входить обеспечение готовности ядерного оружия, для несения которого, собственно, и предназначался «Em-12». Дальше был люк, через который они влезали в самолет, в люке также небольшое окошко, в котором с места бортмеханика было видно только что-то белое, но земля это или облака — кто их разберет?

Вяткин пытался прислушиваться к переговорам пилота и штурмана, но они обменивались короткими фразами через две-три минуты, если не реже, и все по делу, и ничто не подтверждало опасений майора. В конце концов Вяткин встал в промежуточное состояние между сном и бодрствованием, когда человек спит и ему что-то снится, и в то же время он понимает, что это снится, и звуки реального мира тоже доходят до сознания, хотя не обязательно правильно воспринимаются. Моторы гудели ровно, но их гул, ослабленный шлемофоном, доносился как бы издалека, и так же издалека доносились переговоры пилота и профессора. Вяткин клевал носом и пропустил момент, когда звук двигателей начал меняться (что особенно непростительно для бортмеханика).

11

Когда самолет набрал высоту и лег на заданный курс, и у штурмана появилось немного свободного времени, Завадский развернул штурманское кресло (оно могло вращаться) спиной по курсу самолета, и перед ним оказался пульт управления противорадарной установкой, которая на самом деле была машиной времени. Не об-

рацая на него внимания, профессор окрутил винты и снял крышку переговорного устройства, потом влез туда с отверткой и подключил с помощью данного шнура какую-то коробочку с кнопкой на крышке. Он нажал кнопку, и Марков услышал в шлемофоне:

— Пока я держу кнопку, он нас не слышит.

Марков кивнул. Профессор полез в карман, откуда, к изумлению пилота, вытащил пистолет ТТ. Он протянул его Маркову, сказал:

— Это Вяткина.

— Как вы сумели, Алексей Иванович?

— Ловкость рук... Я ведь, Володя, во времена своего детства, в Одессе, карманником начинал. В девятьсот пятом году... А в университете любил фокусы показывать.

— Алексей Иванович!

— А кем еще мог тогда стать бедный мальчик из еврейской семьи?

— У вас же фамилия не еврейская.

— Мать еврейка.

— А как же все это: МВТУ, профессор, авиация и все остальное?

— Пятый год, Володя. Сначала революция, потом грома. Тех, кто учил меня воровскому ремеслу, убили.

— За карманные кражи?!

— За то, что евреи... Нам удалось уехать в Москву к родственникам жены, а это были совсем другие люди. И превыше всего они ценили образование. А я еще не успел втянуться. Потом появился интерес в технике, потом летные курсы. Я ведь даже летал в гражданскую. Немного. Пилоты у красных еще были, а вот самолеты — увы... Так что пистолет я добыл, а высаживать Вяткина придется вам. Только не сейчас, — поспешно добавил профессор: ему показалось, что пилот пытается отстегнуть ремень.

— А когда?

— На подходе к Ивделю. Потом повернем на курс 110 и включим установку. Минут за десять до этого надо будет запустить генераторы и зарядить емкости.

— А зачем курс 110?

— На всякий случай. Если в течение этого часа мы все-таки будем перемещаться в пространстве, то этим курсом попадаем в Омскую область. И за пределы СССР не уйдем, и будет где сесть без приключений... Все, я подключаю Вяткина. А то ему покажется подозрительным, что мы долго молчим.

Профессор отпустил кнопку. Дальше они летели по маршруту. Качанар был уже далеко сзади, когда профессор снова нажал кнопку и сказал:

— Володя, пора.

— Алексей Иванович, давайте сюда, на место второго пилота. Поведете самолет, пока я с ним разбираюсь.

— Сейчас, только включу генераторы.

Щелкнув тумблером на пульте управления машиной времени, профессор перебрался в кресло второго пилота. Марков сказал:

— Наша машина, конечно, чуть побольше «Фармана», но в принципе то же самое. Вот курс, вот высота, горизонт, угол атаки. Вот штурвал. Вам, скорее всего, просто при-

дется за него подержаться. Держите так, а я пойду.

Он отстегнул ремень и скрылся в проходе, ведущем к бомбовому отсеку и местам воздушных стрелков. Завадский остался перед приборами.

12

Вяткин проснулся от ощущения, что услышал посторонний звук. Скорее всего, просто почувствовал сотрясение переборки. Через проход от него устраивался на откидном сидении «атомщика» Марков.

— А кто ведет самолет? — ошарашенно спросил Вяткин. Марков шевельнул губами, Вяткин, конечно, не услышал, оттянул от уха шлемофон, и рев шести двигателей обрушился на ухо, как удар чем-то не твердым, но тяжелым — мешком с крупой, например. Марков тем временем подключил разъем шлемофона в свободное гнездо, и Вяткин снова закричал:

— Кто машину ведет?!

— Алексей Иванович, — спокойно ответил пилот.

— Вы что, сдурели оба? Он же нас всех угробит!

Не следовало бы так разговаривать старшему сержанту с капитаном, тем более своим непосредственным начальником, пусть даже только на один полет. Но Вяткин чувствовал за собой силу и авторитет особого отдела и мог позволить себе не стесняться. Правая рука его метнулась к кобуре.

— Не ищи, вот он, — сказал Марков, вытаскивая ТТ из кармана. Он щелкнул курком (Вяткин не слышал звук, но увидел движение пальца) и направил ствол на бортмеханика. — Сядь спокойно, ручки положи на столик и послушай меня. Ты с парашютом прыгал?

— Прыгал, — ответил Вяткин, пытаясь врубиться в ситуацию. Руки он, как ему было сказано, положил на откинутый перед ним алюминиевый столик.

— Вот и сейчас прыгнешь. Приземлишься — пойдешь на восток, компас тебе Скворцов дал. Километра через три, от силы пять будет железная дорога на Ивдель. Выйдешь по ней к людям и можешь на нас пожаловаться, что ссадили с самолета.

— А вы куда? — Вяткин все еще не понимал.

— А куда-нибудь. В Америку, например. Через полюс, как Чкалов и Громов.

— Ага. И Леваневский.

Вяткин уже понял, к чему идет дело, и пытался если не овладеть ситуацией, то хотя бы вывести противника из себя. Потому и помянул Леваневского!

— Типун тебе на язык! — ответил Марков. — Давай пошли! А то за Полуночным железной дороги нет, как из леса выберешься?

— А пистолет, что ли, у тебя останется?

— А ты как думал? Не тебе же его отдам.

— Тогда застрели здесь. В лесу без пистолета меня волки сожрут, лучше уж сразу, от пули.

1 Леваневский не долетел, самолет с экипажем пропал в Арктике. Место и обстоятельства катастрофы до сих пор неизвестны. — Авт.

— Ну, задал ты задачу.— О волках Марков не подумал, и убивать Вяткина не собирался. Он не был душегубом (на что, собственно, Вяткин и рассчитывал); кроме того, пуля, прострелив человека насквозь, могла еще наделать бед в самолете.

— Ну ладно,— сказал Марков, минуто подумав.— Открывай люк, поставлю тебя напротив, застрелю и туда же и выкину. Что смотришь? Думаешь, мне нужен труп на борту и дырки в обшивке? Давай открывай, не заставляй Америку ждать!

Вяткин на ватных ногах поднялся с места. Надежды на великодушие Маркова не оправдались, и совершенно не было времени придумать новую уловку. Он даже забыл отключить шлемофон от гнезда переговорного устройства.

— Сядь,— сказал Марков, сдерживая смех.— Отключи разъем — это во-вторых. А во-первых, есть у тебя пистолетный ремешок?

— Есть.

— Бросай сюда.

Вяткин отцепил от пустой кобуры и бросил Маркову сыромятный ремешок с двумя карабинами на концах — изящную мелочь, предназначенную для того, чтобы не потерять пистолет в горячке боя. Впрочем, как показала практика, от карманников он не спасает.

— Пойдем к десантному люку, откроешь — и жди,— сказал Марков, пристегивая один из карабинов к кольцу на рукоятке ТТ.— Прицеплю ремешок вот сюда,— он показал полукольцо на парашютном ранце за спиной Вяткина.— Хлопну по плечу — команда «Пошел!». По команде прыгаешь. На земле отцепишь ремешок — пистолет твой. Успеешь отцепить, пока волки сбегутся. Ну, пошли. Только без фокусов! Разъем отключи.

13

Бомбовый отсек «Ем-12» при необходимости можно было переоборудовать в десантный. Так оно и было сейчас: створки бомболюка наглухо скреплены болтами, поверх положены решетки, только сидения вдоль бортов не откинута. Десантный люк находился в хвосте, слева от него лежали стопкой свернутые брезентовые чехлы для двигателей, рукоятка механизма открывания была справа.

Когда они подошли к люку, Марков ткнул бортмеханика стволем в бок, потом махнул пистолетом в сторону рукоятки: открывай! Несколькими движениями Вяткин открыл люк и встал перед ним, держась двумя руками за поручни. Марков защелкнул карабин на полукольце и выпустил пистолет. Вяткин, почувствовав щелчок, резким движением бросил правую руку через плечо, пытаясь схватить ремешок.

Марков ждал чего-то подобного. Хотя он и сказал «без фокусов», зная Вяткина, он был уверен, что фокусы будут, поэтому вместо хлопка по плечу, упав спиной на чехлы, что есть силы ударил бортмеханика обеими ногами пониже парашюта, и тот вылетел в люк, держась за поручень только левой рукой. Он попытался ухватить

правой, но промахнулся, и тут его рванул воздушный поток, оторвал от поручня, с левой руки слетела рукавица; если бы не пропущенный через рукава шнурок, он бы ее потерял.

Удар закрутил бортмеханика, перед ним мелькнули земля, небо, удаляющийся хвост самолета, снова небо и земля, а на втором обороте — пистолет на ремешке, и Вяткин как-то исхитрился сбросить и правую рукавицу, схватить пистолет и даже один раз выстрелить вслед самолету, почти не целясь, а на третьем обороте — уже прицельно и два раза. И тут же понял, что зря тратит патроны, потому что самолет удаляется, и на таком расстоянии ТТ — уже не оружие. Он рванул кольцо парашюта. Вращение сразу же резко замедлилось, хотя и не прекратилось совсем, а Вяткин, надев рукавицы, вытащил радиостанцию, щелкнул тумблером и закричал в отверстие, забранное ажурной стальной решеткой (умеют, гады, делать красивые вещи!):

— Архар, я Кондор! Кондор вызывает Архара! Прием!

Архар не отвечал. Вяткин снова начал вызывать, и снова молчание.

(Ни Вяткин, ни Скворцов не знали и не узнали никогда, что приемник радиостанции был крайне неудачно сконструирован, а на сильном морозе не работал вообще. Передатчик работал, Вяткина отлично слышали в Ивделе, Североуральске и даже в Верхотурье, ему отвечали, но он не слышал никого. Что поделать, это было самое начало транзисторной техники!)

Земля приближалась, медленно вращаясь под бортмехаником. Сверху была видна железная дорога, и при каждом обороте ему сначала казалось, что она приближается, а потом — что удаляется и он не сможет сориентироваться и найти ее. Самолет тоже был еще виден, но с каждым оборотом все хуже и дальше. И радиус действия радиостанции уменьшался по мере приближения к земле.

— Архар, я Кондор, прием! — снова крикнул Вяткин, и когда снова не получил ответа, заговорил в микрофон:

— Архар, я Кондор. Меня обезоружили и выбросили из самолета. Марков и Завадский уводят самолет в Америку. Повторяю: в Америку через полюс. Сейчас я еще вижу самолет, он идет на север. Нет, кажется, поворачивает на восток. Продолжаю следить. Архар, да отвечай же!

Архар, конечно же, не ответил.

Приземлился Вяткин очень удачно — на болото, поросшее невысокими кривыми сосенками. Перед самым приземлением он успел заметить, что до железной дороги всего-то километра два, и часа через полтора добрался до нее. Но выходить на нее не стал. Пока он опускался на парашюте, а потом, проваливаясь в снег, шел к железной дороге, у него было время, чтобы принять решение, и он его принял.

Лучше всего было исчезнуть. Вообще исчезнуть. В противном случае его ждал как минимум срок за пособничество.

(Именно поэтому Кондор больше ни разу не вышел на связь, как ни вызывал его Архар).

Выйдя к железной дороге, Вяткин двинулся вдоль нее на юг, стараясь не подходить близко и в то же время не терять ориентира. Первую ночь он провел в лесу, а на следующий день, уклонившись от железной дороги к западу, набрел на охотничью избушку. Начинаясь метель, он рассчитывал переждать ее здесь.

Хозяин, судя по всему, был где-то рядом; вскоре он вернулся. Вяткин сказал ему, что он летчик с самолета, совершившего вынужденную посадку в тайге, идет туда, где может получить помощь. Охотник вызвался, когда кончится метель, проводить его к железной дороге, до которой, как он сказал, было километра два или три. По этому поводу Вяткин поделился спиртом из своих запасов, а ночью, ближе к утру, задушил спящего хозяина пистолетным ремешком.

Он надел бушлат и штаны охотника, благо по размеру почти подошли. Шапку тоже надел. На покойника натянул свое летное обмундирование, шлемофон. Унты оставил себе. Сунул ему в карманы кое-какие мелочи их тех, что не жалко, ненужную уже радиостанцию. Потом с трудом усадил покойника на лавку, зарядил его двустволку двумя жаканами и с небольшого расстояния разнес ему голову. Обсыпал все в избушке порохом, поджег ее и, забрав ружье, ушел на лыжах навстречу метели, держа по компасу такое направление, чтобы постепенно приближаться к железной дороге. Через несколько километров на реке он нашел прорубь, едва затянутую льдом, пробил лед прикладом двустволки и утопил ружье. Себе он оставил пистолет.

Когда в марте искали (во второй раз уже) следы самолета, нашли сгоревшую избушку, труп с разнесенным черепом, остатки радиостанции и предположили, что это труп Вяткина. Проведенная в Свердловске экспертиза предположение подтвердила. Охотник — хозяин избушки — был объявлен в розыск, ввиду особой важности — всесоюзный, но его так и не нашли.

14

Пригородными поездами, в товарных вагонах, попутными машинами, иногда пешком — Вяткин двигался на восток. В селах старался не задерживаться, а в больших городах, где легко затеряться, чувствовал себя как рыба в воде.

Стрелять ему больше не пришлось. Того пацана, что в поезде пытался украсть у него пистолет, он просто выкинул на ходу из вагона. Может быть, тот даже остался жив — если не налетел, падая, на столб или еще что-нибудь твердое. Вяткин, правда, очень старался, чтобы налетел.

В марте, когда его труп нашли на севере Свердловской области, Вяткин был уже на Алтае, в глухой старообрядческой деревне, которую ни царская (со времен Алексея Михайловича), ни советская власть не смогли полностью взять под свой контроль. В деревне был колхоз, который всегда перевыполнял плановые задания — в основном на два-три процента, но случалось и на двадцать, — но никогда не брал встречных планов или повышенных обязательств. Местные парни традиционно слу-

жили на флоте, и командование всегда отзывалось о них лучшим образом. Во всем остальном — деревня жила своей жизнью, и власть от нее отступилась. А в дни выборов про нее вообще забывали и в списки избирателей ее жителей не включали никогда, чтобы не мотать понапрасну людям нервы и не портить себе отчетность.

Председатель записал Вяткина в амбарную книгу под тем ФИО, которым тот назвался, и не стал задавать лишних вопросов. На следующий день бывший бортмеханик дальней авиации и бывший боец невидимого фронта вышел на работу в колхоз.

Вяткин (будем называть его так) прожил здесь почти полвека, принял старообрядческую веру, женился, вырастил детей и внуков, увидел первого правнука и умер в 1999 году, даже перед смертью не сказав никому, кто он на самом деле и какая нелегкая занесла его на Алтай. После поминок старший сын, разбирая вещи, наткнулся на аккуратно завернутый, тщательно вычищенный и смазанный ТТ с запасной обоймой. Повертев пистолет в руках, он взял его себе: в хорошем крестьянском хозяйстве все сгодится.

15

Проводив взглядом экипаж, майор Скворцов вернулся к повседневным делам, а когда снова вспомнил о своих подозрениях, самолет был уже в воздухе. Тут-то и пришло к нему чувство, что его водят за нос уже давно и все кончится очень плохо, несмотря на все усилия Вяткина. Скворцов снова не мог внятно сформулировать свои мысли, но точно знал, что совершенно зря пошел на поводу у профессора и согласился с предложенным составом экипажа.

«Савушкина надо было штурманом!» — подумал Скворцов и приказал вызвать к нему Савушкина. Майор был зол и собирался действовать, хотя и не решил еще, как.

— Скажите мне, товарищ младший лейтенант, почему в этот полет идете не вы, а старший сержант Вяткин? — спросил майор. Такое официальное обращение не сулило ничего хорошего.

— Главный конструктор решил, товарищ майор.

— Но ты-то почему не возражал? — внезапный переход с «вы» на «ты» был совсем плохим признаком. Савушкин не знал, что ответить. Он мог бы сказать, что Скворцов тоже не возражал, но видел, что будет только хуже. Майора что-то задело, он принимает ответные меры, а всякое принятие мер начинается с назначения виноватых. Савушкину было совсем ни к чему нарываться.

— Когда они будут около Салехарда? — спросил майор.

— Через час и пятьдесят минут приблизительно, — ответил Савушкин, посмотрев на часы.

— Значит, так. Берешь двух, нет, трех... в общем, сколько надо человек, едешь на квартиру к Завадскому, или Маркову, сам решай, к кому. Перетряхни там все...

— А ордер? — перебил Савушкин и тут же пожалел об этом.

— Какой еще ордер?!

— У прокурора...

— Вот ты и добудешь то, с чем я пойду к прокурору за ордером,— сказал Скворцов, глядя на Савушкина рачьи-ми глазами.— И головой за это ответишь. Все, иди, бери людей. Час вам, потом надо еще в Салехард звонить.

Савушкин вернулся не через час, а через двадцать пять минут. В вытянутых руках он держал газетный сверток, который молча положил на стол Скворцову.

— Что это? — спросил майор; судя по тому, как быстро вернулся Савушкин, хорошего ждать не приходилось. Он развернул газеты. Внутри оказался револьвер чудовищного калибра!

— Кольт,— сказал Скворцов: он понимал в таких вещах.— Где нашли?

— У Маркова дома. В столе.

Майор поднял трубку одного из телефонов. Диска на аппарате не было, он напрямую соединял с телефонной станцией Новокаменска.

— Базу в Салехарде, срочно! — сказал Скворцов в трубку, положил ее на аппарат и приготовился ждать минут двадцать — так выходило по опыту, когда срочно. Телефон зазвонил через полторы минуты.

— Салехард?! — закричал Скворцов, схватив трубку.

— Ивдель вызывает,— сказала в трубке телефонистка, и затем дежурный на ивдельской «точке» доложил, что десять минут назад вышел на связь Кондор, сообщил, что Марков и Завадский выкинул его из самолета, а сами летят в Америку.

— Почему не доложили сразу?! — рявкнул Скворцов.

— Я хотел уточнить некоторые данные. Кондор сначала сообщил, что они летят в Америку через полюс, а потом сказал, что самолет поворачивает на восток.

— Уточнили?

— Кондор не отвечает.

— А радиолокатор что показывает? Куда они сейчас летят?!

— Минуту назад самолет шел курсом приблизительно-но 110, затем исчез с экрана.

16

Никогда еще майор Скворцов не был в таком скверном положении. Он привык к тому, что сам и назначает шпионов, и решает, на какую разведку им работать, и ловит их. Марков спутал все его карты. Мало того, что оказался не английским, а американским шпионом (судя по «кольту» и сообщению Вякина), он был еще и настоящим.

Скворцов прошел войну в СМЕРШе, видел там разный народ: паникеров, распространителей слухов о превосходстве германского оружия, окруженцев, командиров, растерявших свои взводы и роты; случалось и расстреливать (не лично, конечно). Но настоящего шпиона за всю войну он встретил только один раз, в Белоруссии, в деревне, за неделю до того освобожденной от немцев.

У одного деда в бане нашли немецкую танковую радиостанцию. Дед клялся и божился, что вытащил ее

из подбитого немецкого танка, из чистого любопытства, раз уж там не осталось ничего более полезного. Танк, наполовину растащенный, действительно стоял у околицы. Два подкалиберных снаряда «тридцатьчетверки» разворотили ему моторное отделение, но танк не загорелся и боекомплект не сдетонировал. Немцы вылезли и сдались, фронт пошел дальше на запад, боекомплект сняли саперы, а местные жители принялись выламывать из машины разные полезные в хозяйстве вещи. Дед пришел одним из последних, когда по-настоящему ценного почти не осталось. Радиостанцию он в конце концов приспособил к делу — подпирать змеевик самогонного аппарата.

Радиостанция была очень грубо снята с танка ломиком. Ламп в ней уже не было, ими играли соседские мальчишки. Антенну кто-то утащил еще раньше, наверное, на удилице. Для радиостанции нужен был источник питания — работающий танковый двигатель или аккумулятор. И тот и другой были разворочены снарядами. Скворцов предположил, что у деда спрятан еще один аккумулятор, но тот и это отрицал, и при самом тщательном обыске ничего не нашли.

Скворцов в конце концов плюнул на аккумулятор и добивался от деда только одного: чтобы тот сказал, какое получил задание. Дед продолжал уверять, что он чист, что никаких заданий не получал, и так далее — то же, что все говорят в таких случаях.

Раз он не хотел давать показания по-хорошему, пришлось поработать с ним по-плохому, но он и после этого не сознался, только бессмысленно мычал и тряс головой. Упорный попался. Так и расстреляли — а что еще было делать?

И вот сейчас Марков. И Завадский тоже. Судя по аппарату, найденному у него на кухне, в буфете, они готовились задолго и основательно.

Самолет исчез с экрана, радиолокатор его не обнаруживает. Но глазом-то он виден?! Завадский говорил, что будет виден. Врет он или нет? Наверное, все-таки врет.

«Спокойно, товарищ майор»,— мысленно приказал себе Скворцов, вспоминая, что ему известно об основах радиолокации.— «Волны идут, отражаются от самолета и возвращаются. Эта установка делает так, что они не отражаются. Или отражаются, но не туда? Но глаз-то, глаз...»

Как бы то ни было, надо поднимать истребители, это единственный шанс. Но истребители уже не в компетенции Скворцова, надо ставить в известность командование округа, а значит, передавать дело на совершенно другой уровень, и тогда ему, майору Скворцову, светят крупные неприятности.

Но если не передать дело на этот уровень, то Марков и Завадский уйдут. В этом случае Скворцову надо ждать лишь одной очень крупной неприятности, а после нее — все! Покойникам уже ничего не страшно.

Скворцов протянул руку и поднял трубку на аппарате прямой связи с областным управлением госбезопасности.

17

Утром 26 января 1950 года майор Скворцов сидел в кабинете и по собственной инициативе писал докладную записку с соображениями по делу. Инициатива, как известно, наказуема, но у майора были причины не опасаться наказания.

Следствие шло помимо него, ни шатко, ни валко, вторую неделю. Истребители, поднятые в Салехарде и Воркуте, а также на всякий случай в Тобольске, — туда самолет попал курсом 110, — вернулись ни с чем. Анализ данных станций слежения подтвердил, что самолет перед исчезновением действительно шел на восток, а не на север. На «точках», где слышали Вяткина, магнитофонов не было, сообщение не зафиксировали, выжать дополнительную информацию было не из чего, а сам Вяткин исчез.

Основным свидетелем по делу оказался мужичок — таежный охотник, которого следователь в сердцах обозвал чукчей! Этот «чукча» рассказывал, что видел в небе самолет, который потом превратился в «круглую молнию» и исчез. Рассказ доверия не внушал, тем более, что охотник был почти всегда наполовину пьян — за исключением тех случаев, когда бывал пьян совершенно.

Кто-то из специалистов КБ предположил, что при включении установки профессора самолет просто взорвался. Район предполагаемого взрыва тщательно обыскали с воздуха, но это было уже после метели, которая началась на следующий день после исчезновения самолета и продолжалась около двух суток — понятно, что смогли найти. Было решено ближе к весне организовать наземный поиск.

Весь состав КБ, кроме особого отдела, в ночь на 18 января арестовали. Всем предъявили обвинение в заговоре с целью передачи самолета Соединенным Штатам Америки. Работников особого отдела брали потом поодиночке в течение недели. К 26 января на свободе остались только Савушкин и Скворцов.

Наша агентура в США активизировалась, искали подходы к авиабазам, просеивали сообщения прессы — безрезультатно. Или беглецы не долетели, или американцы сумели наглухо засекретить операцию, в чем разведка сильно сомневалась.

А неделей позже Скворцову пришла в голову простая мысль, которую он излагал сейчас на бумаге. Мысль эта заключалась в том, что разговор про Америку и последующий поворот на восток — все это прикрытие, дымовая завеса. Когда самолет уже не фиксировался радарами, они повернули на запад. Горючего, залитого в баки в Новокаменске, им вполне хватало до Норвегии, а вот до Америки — никак.

Значит, надо искать в Норвегии, Швеции, может быть, в Финляндии.

Изложив свои соображения, Скворцов взял другой листок, написал еще одну короткую записку, затем достал

из сейфа табельный ТТ. Дослав патрон в патронник, он приставил пистолет к виску, плавно нажал так же и снова отпустил. Потом сделал глубокий вдох, выдох, снова выбрал слабинку и, уже не останавливаясь, потянул спусковой крючок дальше.

В этот момент ему пришло в голову, что все это — дешевый балаган в гусарском духе. Ну, посадят, ну, отсидишь, подумал он. Пока сознание взвешивало «за» и «против», подсознание уже скомандовало правой руке «отставить!». Мышцы ослабли, локоть пошел вниз, ствол пистолета повернулся вверх.

Мышцы указательного пальца правой руки находились от головного мозга дальше всех, и команда по нервным волокнам до них дойти не успела. Они продолжали нажимать на спусковой крючок, и когда дуло пистолета смотрело уже почти точно вверх, грянул выстрел.

Пуля ударила по черепу майора под острым углом и рикошетом ушла в потолок. От удара Скворцов потерял сознание. Падая со стула, он напоролся левым виском на угол открытой дверцы сейфа и умер на месте.

18

Младшего лейтенанта Савушкина арестовали на следующий день.

19

В августе в Москве прошло совещание, на котором решилась судьба проекта. К тому времени было известно совершенно точно, что ни в Америке, ни в Западной Европе самолет не появился. Учитывая, что единственный пригодный для испытаний экземпляр пропал, что весь состав КБ находится под следствием и новый самолет построить проблематично, а группа Сергея Павловича Королева уже работает, было решено отказаться от крылатых ракет, запускаемых с самолетов, и сосредоточить усилия на баллистических.

20

— Включаю, — сказал профессор. Володя попытался мысленно перекреститься, хотя и не верил ни в каких богов, но не успел. Профессор протянул руку к пульту, тьма упала на стекла кабины, и эта тьма была не такая, как ночная, которая имеет глубину, а в глубине видны звезды. Эта тьма расплзалась тонкой пленкой по стеклу, давила на него и пыталась влезть внутрь. Маркову казалось, что он видит, как гнутся стекла.

— Алексей Иванович, а где мы сейчас находимся? — спросил пилот.

— Для нас с вами — мы здесь, в кабине самолета. Для остального мира мы нигде. Нас просто нет.

Марков включил в кабине свет. Смотреть на ползущую по стеклам тьму было не страшно и не противно, и даже не неприятно, а просто не хотелось, до жути как не хотелось, думать о том, что находится за этой тонкой пленкой. Марков сосредоточился на приборах, но здесь тоже

1. На самом деле он был манси. Чукчи живут на Чукотке, а не на Северном Урале. — Авт.

не было ничего интересного. Стрелки застыли в тех же положениях, в каких они были в момент включения машины времени. Жили только приборы, показывающие состояние внутренней электросети, и указатель топлива. Да еще стрелка компаса быстро вертелась, как будто самолет все время поворачивался вокруг вертикальной оси.

Марков посмотрел на часы. После включения машины времени прошло три минуты. По словам профессора, они пробудут в таком состоянии не более часа... Долго-то как!

Смотреть на окружающую тьму не хотелось, на приборы — не было смысла, и Марков спросил профессора:

— Алексей Иванович, а может, стоило смыться в прошлое? Ведь будущее — туман, что еще там будет... А прошлое по крайней мере известно. Выбрали бы подходящее время.

— Что значит «прошлое известно»? Вот доберемся до двадцать первого века, почитаете, что тогда будут писать о нашем времени, поймете, как оно известно. И потом, я же вам говорил: в прошлом нельзя остаться, из будущего нельзя вернуться.

— Да, я и забыл...

— И кроме того, спасающийся от настоящего в прошлом рискует вернуться в настоящее естественным путем.

— А для чего было сооружать машину времени на самолете? Почему нельзя было сделать на земле?

— Физически путешествие в будущее выглядит так: часть пространства изолируется от остальной Вселенной достаточно сильным полем...

— Каким?

— Неважно. Природа поля не имеет значения. У меня электромагнитное, его создать проще всего. Надо только, чтобы напряженность поля резко нарастала на границе этого участка пространства — в таком случае он становится слабо связан с остальным миром. Я такой участок называю коконом. Если дать ему толчок...

— Какой толчок?

— Тоже неважно. Скажем, резкая переплюсовка. Так вот, в этом случае кокон как бы отрывается от остального мира и начинает двигаться во времени в собственном темпе и почти без дополнительных затрат энергии — только на преодоление трения.

— Какого еще трения?

— Если бы на границе кокона напряженность поля нарастала бесконечно быстро, то никакого трения не было бы. Но это не так, поэтому близлежащее вещество тоже увлекается в будущее, хотя и с меньшим опережением. Как трение в жидкости. Чем больше масса материи, с которой взаимодействует кокон, тем больше затраты энергии. Идеальным вариантом была бы ракета, летящая в мировом пространстве, но когда они еще полетят, эти ракеты? Самолет держится в воздухе за счет скорости, масса воздуха, находящегося в непосредственной близости, достаточно мала. А на земле пришлось бы тащить в будущее приличную массу грунта.

— И с каким ускорением мы сейчас идем?

— Опережением, Володя. Я это называю опережением. Ускорение — совсем другая величина.

— Ну, с каким опережением?

— Немногом больше пятисот тысяч. Для нас минута — для остальных год. Приблизительно так.

Профессор замолчал, достал из кармана блокнот, стал списывать в него показания приборов на пульте управления машиной времени.

— Первое в истории человечества путешествие в будущее, — пояснил он. — В прошлое было уже несколько, а в будущее — пока ни одного. Это первое. Одна лишь научная ценность этого эксперимента неизмерима.

Марков не ответил. Он снова посмотрел на часы. Минуты тянулись, как годы, но все же понемногу проходили. Пилот перевел взгляд на приборы. Стрелка компаса продолжала вертеться, стрелка указателя топлива сползла влево, но совсем немного.

— Алексей Иванович, а махнем не на пятьдесят лет, а на все сто? Топлива хватит, — предложил пилот.

— Володя, нам нужен будет запас топлива, когда мы вернемся в нормальное пространство-время. Во-первых, некоторое время потребуется, чтобы установить связь с диспетчерской службой. Я боюсь, что за пятьдесят лет сменятся как минимум частоты. Может быть, и способ модуляции — для нас это будет гораздо хуже...

Об этом Марков не подумал.

— ...Кроме того, мы можем попасть в непогоду. Придется уходить куда-то.

— Ну, я думаю, техника к тому времени как-то справится...

— Та техника, на которой мы летим, к тому времени совершеннее не станет... В общем, стоит оставить за собой возможность некоторое время продержаться в воздухе. А пятидесяти лет, я думаю, хватит.

— Алексей Иванович... — Марков замолчал, набрался решимости и задал вопрос, мучивший его с того самого вечера, когда Завадский предложил ему бежать: — А не получится так, что пока мы тут нигде, там начнется Третья мировая? У американцев атомные бомбы есть, наши или уже сделали, или вот-вот... Сделают немцы, англичане, японцы, может, даже китайцы. Кто сам не сделает, тот купит. А потом враз начнут. Перебьют друг друга, прилетим на пепелище. Может, ни одной целой полосы для посадки не останется. Как насчет этого?

Завадский молчал довольно долго, потом ответил, казалось, не очень убежденно:

— Я думаю, у человечества все же хватит ума не довести до такого... — снова замолчал, затем сказал более уверенно:

— Когда у всех будет ядерное оружие, как раз меньше вероятность, что кто-то начнет; все же будут понимать, что в такой войне не может быть победителей. А вот пока это равновесие не установилось, есть опасность, что какая-нибудь из сторон захочет воспользоваться каким-либо имеющимся у нее преимуществом. Действительным или мнимым... Нет, я думаю, до новой мировой войны не дойдет. И то, что мы угнали самолет, будет этому способствовать.

Марков больше не спрашивал ни о чем. Он заставил себя следить за приборами. Всякий раз, когда ему хоте-

лось взглянуть на часы, он подавлял это желание. Завадский что-то писал в своем блокноте.

— Кажется, пора,— вдруг услышал Марков в шлемофоне голос профессора.— По моим расчетам, пятьдесят лет уже прошло.

Профессор повернул тумблер. Марков щелчка не слышал. За стеклами кабины по-прежнему была тьма, правда, пилот уже мог смотреть туда без неприятных ощущений. Он погасил освещение и, пригладившись, увидел звезды.

21

— Ночь,— сказал профессор. Как будто Марков сам не догадывался.— Володя, следите за локатором. Воздушное движение должно быть весьма интенсивным.

Марков посмотрел на экран бортового радара. Несмотря на примитивную конструкцию и ограниченные возможности, прибор мог многое сказать человеку, умеющему им пользоваться,— а Марков, конечно, принадлежал к таким людям. Он с удивлением обнаружил, что по крайней мере в пределах радиуса действия радара других самолетов нет. Мельком глянул на приборы: курс 110 (не изменился), высота 4150 (на 450 метров меньше, с чего бы это?). Последний факт Марков обмозговать не успел, профессор нетерпеливо спросил:

— Ну, как там?

— Пусто, Алексей Иванович. Боюсь, все-таки что-то произошло за эти годы.

— Но вряд ли мировая война. Вот какой-то город.

Марков посмотрел вниз через стекла штурманской кабины. Впереди, немного слева, светились огни небольшого городка.

— Переключите на панорамный индикатор,— сказал профессор.

Созданный Шерхебелем радар был комбинированным прибором и мог обнаруживать не только объекты в пространстве, но и другие радары, следящие за самолетом. Марков включил этот режим и сразу обнаружил четыре радара.

— Отлично,— сказал Завадский.— Значит, они нас уже обнаружили.

«Сейчас врежут, не разбираясь, из зенитки. Или у них уже есть ракеты?» — подумал Марков, а вслух спросил:

— Будете вызывать землю?

— Сначала послушаю эфир,— ответил Завадский.— Сейчас они должны уже вызывать нас, но частоты наверняка сменились. Надо еще найти, на какой они работают. На всякий случай скажите высоту и курс.

— Курс 110, высота 4150. Почему-то меньше.

— Потом, Володя, с этим потом. Держите пока так.— В шлемофоне щелкнуло: профессор переключился на радиостанцию.

22

Завадский крутил ручку настройки. В наушниках появлялись и пропадали трески и хрипы, музыка, какая-то речь на понятных и непонятных языках и снова что-то, отдаленно напоминающее музыку. Внезапно возникший и пропавший обрывок фразы заставил его насторожиться, не содержанием даже, которого профессор и не разобрал, а знако-

мой интонацией. Профессор чуть повернул ручку назад.

— ...твою мать, неизвестный самолет, следующий курсом 110, высота 4150, будете отвечать или ракетой хотите?! Прием!

После паузы тот же голос повторил вызов на приличном английском, не упоминая, правда, ни о матери, ни о ракете. Когда он закончил, Завадский переключил радиостанцию на передачу и заговорил, стараясь быть как можно спокойнее:

— Я «Ем-12», слеую курсом 110, высота 4150. Прошу сообщить мои координаты, точное время и сегодняшнюю дату. Прием.

— М-12, какого...— последовавший за этим пассаж заставил Завадского вспомнить об одном своем приятеле, умершем в Ленинграде в блокадную зиму, тоже профессору, только не физике, а филологу. Тот в свободное от преподавательской деятельности время коллекционировал матюги. Однажды он показывал Завадскому свою коллекцию в двух толстых тетрадках. Сказанное сейчас диспетчером, несомненно, стало бы ее украшением.

Дождавшись слова «прием», Завадский снова заговорил:

— Я «Ем-12». Не М-12, а «Ем-12». «Емшанов-12». Прошу все-таки сообщить координаты, время и дату. Действительно очень нужно.

После нескольких перлов филологии диспетчер сообщил координаты (Завадский поспешно записал их в блокнот), помолчал и добавил:

— Время московское летнее, девятнадцать часов сорок три минуты. Одиннадцатое мая.

Как понимать слова «летнее время», профессор не знал, но оставил вопрос на потом. Он торопливо развернул карту, попытался нанести на нее свое местоположение, удивленно хмыкнул, развернул другой лист...

Марков, время от времени поглядывавший на профессора со своего места, наконец услышал в наушниках:

— Володя, оказывается, тот городок, что мы прошли сейчас,— это Кунгур. А зарево на северо-западе — несомненно, Молотов.

— Как это нас занесло? — удивился Марков.— На восток же шли, а оказались на юго-западе.

— Не знаю. Потом будем разбираться. Сейчас надо запрашивать посадку. До Свердловска топлива хватит?

— Да хоть до Омска,— ответил пилот.— Алексей Иванович, скажите лучше, год-то какой?

— Простите, Володя, забыл.— Профессор действительно забыл. Год он приблизительно вычислил, а точное значение его пока не интересовало, в отличие от Маркова. Он снова запросил землю.

Матюгов в ответ он больше не услышал. Вздохнув в микрофон, диспетчер сказал:

— Год — две тысячи первый. Что ты пил, Емшанов?

Конец первой части

Окончание следует.

Владимир СУРЕНКОВ

Провал над Думной

В те годы работал я в электросварочном цехе № 2 Северского трубного завода и дружил с Александром Ивановичем Медведевым. Старый полевчанин до заслуженного отдыха состоял начальником отдела капитального строительства Полевского машиностроительного завода. На вид суровый, недоступный, он был душевным человеком, прекрасно знающим свой древний городишко, веснами так терпко пахнущий набухающими тополиными почками. После каждой встречи с ним я узнавал много нового, порой таинственного и загадочного о прошлом нашего Полевского.

Погода в субботу 19 мая 1978 года была прекрасной. Только-то встретились, как Александр Иванович удивил, сказав: «Володя, стар я уж стал, сбегал бы ты на Думну да посмотрел. Там возле типографии связисты копали яму под электрический столб и наткнулись на мраморные плиты. Погляди, после расскажешь, что видел».

Но начну свой рассказ не с того, что увидел в тот день, а гораздо с раньшего события.

В пионерском возрасте мне повезло: вместе с зареченскими пацанами побывал я в подземелье, вход в которое начинался из-под веранды дома пионеров. А дом пионеров находился слева от здания, в котором была редакция городской газеты «Рабочая правда», и весь тот район полевчанами зовется «Зарека». Парни старше меня оторвали доски от трехсторонней лестницы, и мы залезли внутрь. Видимо, от кого-то ребята точно знали, где и что находится. Вновь оторвали какие-то доски и увидели железную кованую двухстворчатую дверь. «Старшаки», имея ключи, открыли большущий висячий замок и вошли в темное, выложенное старинным кирпичом помещение. В конце левой стены была небольшая дверь, тоже железная, но открытая. Железнодорожный фонарик с меняющимися цветными шторками был на всех один, поэтому решили на каждом отверстии оставлять по караульному, чтобы отзывался... Увы, но меня, на первом же повороте и оставили. Ребята утянулись в глухую темь. Голоса стали растворяться, пока совсем не исчезли. Стоять истуканом в темноте и глухоте надоело, да и страшновато стало. Отправился обследовать пространство наощупь. В обратную сторону, параллельно большой комнате, тянулся узкий продолговатый коридор. В конце его вновь нащупал вход в узкую дверь. Дальше обследовать ход не отчаялся, так как побоялся — вдруг куда-нибудь улечу? Тут из тьмы послышались голоса. Ребята рассказали, что наткнулись на замок и не смогли его открыть...

Вот потому-то, по просьбе Александра Ивановича и бросился искать яму-провал. К той поре от открытой веранды дома пионеров не осталось и следа... Здание, любимое мальчишками и девчонками, стояло расхристаным. Его уполовинили, развалив оставшийся кирпичный фундамент, и тем самым подняли близлежащую дорогу окрест него.

Напротив первого окна, с южной стороны, в пяти метрах от здания типографии, действительно, был небольшой выброс земли. На куче мусора лежали разломанные, продолговатой формы плиты из крупнозернистого мрамора. Встретившаяся мне Антонина Евграфовна Медведева рассказала то, что слыхивала от родных дедушек

и бабушек: такой мрамор добывали в верховьях речки Поваренки.

Кубическая яма была выкопана глубиной чуть более метра, а ниже в глубину шел квадратной формы колодец из крупного старинного кирпича с прослойками белого известкового раствора. В самом колодце валялись разломанные мраморные перекрытия.

Женщина с большим пониманием отнеслась к моему затею разрыть обвалившийся ход, принесла лопату с коротеньким черенком, ведро, веревку, банку с чистой водой, а после, напоследок, еще и накормила. Антонина Еврафовна, сидя на маленьком стульчике, наблюдала за моими шныряниями то вверх, то вниз. Нагребешь ведро мусора, вылезешь, вывалишь — и обратно. Казалось, и увижу что-то. Вдруг лопата куда-то провалилась, открыв вход, который уходил в северную сторону, под здание типографии.

Лезть в узкое отверстие было неудобно. Вытянув вперед руку, потихонечку стал вползать в заманчивую темноту. На полу лежал толстый слой сухой пыли, и воздух, казалось, был чистым, чувствовался еле осязаемый сквозняк. У самого входа пришлось осторожно проползти сквозь спиленную железную решетку. Квадратные отпилки положил за пазуху. Ну, думаю, сейчас-то уж точно откроется что-то тайное, загадочное. Изгибаясь, двигался в неизвестность, которая манила вглубь тьмы. Чиркнул спичкой — обрадовался: по стенкам штоленки — зеленый, бархатный налет. Баскота! Другого слова не сыскать.

Дальше следовал какой-то странный узкий проем. Бился, бился, но пролез! Здесь лежали обрывки бумаг и кости. Сердце краеведа трепетало. Ну, сейчас! Но, увы, голова уперлась в стену... из современного кирпича и цементного раствора.

Возвращаясь с находками, застрял в узком, извилистом зигзаге. От ужаса перехватило дыхание. Надо мной неизвестная толща земли... Как далеко от колодца? Вдруг нахожусь под зданием? Сердце не билось, а молотило, и не в груди, а где-то в горле. Стал успокаивать себя, подышал глубоко и стал по миллиметру вытискиваться из чертовой ловушки.

В понедельник ни свет ни заря явился в морг к главному врачу Цицерошину. Вывалив найденные кости, попросил произвести их опознание. В голове роились догадки о секретных подземельях заводладельца Турчанинова. Но ответ судебного эксперта не то что разочаровал меня, а просто убил. Это были овечьи кости, а обрывки бумаг оказались старыми газетами. Вечером пригласил и привез краеведов, фотографов — Сергея Ивановича Копалова и Александра Ивановича Пестова, чтобы заснять все это место. На всякий случай! Ведь нашлись люди, которые жили в этом загадочном месте, но ничего о его подземельях не знали, и о моих «похождениях» пренебрежительно отзывались... А зря!

Рассказав, что видел, Александру Ивановичу, получил предложение «сползать» к его старым зареченским «друганам». И вот что старики навспоминали.

В стародревние времена наверху здания управления Полевским медеплавильным заводом находилась смот-

ровая вышка с огромным семипудовым колоколом. Звон его был настолько громок и зычен, что рудокопы слышали его за версты под землей. Бухали в него, предупреждая о приближении скопищ башкир или горного начальства, а также будили рабочий люд. С колокольни следили за пожарами и били в набат, если видели огонь. Пожары в Полевой были частым явлением. Однажды загорелось само здание, его второй этаж, и колокол рухнул. Поднимать не стали, так как отпала необходимость. Завод окреп, набеги башкир прекратились, и зазвенели запели колокола Никольской церкви, а также колокол сторожа на Думной горе и у сторожки плотинного мастера.

В первом этаже здания при входе, справа находилась комната, в которой денно и ночью топилась аршинными плахами печь. Старые полевчане высказали несколько версий об этой печи. По одной из них, это была искусственная вентиляция шахты: таким устройством высасывали вредные для здоровья рудокопов сернистые газы. По другой — там, в подземелье, находилась тайная лаборатория или даже завод по чеканке фальшивых монет. Третья версия утверждала, что это искусственная сушка тела плотины...

Четвертая версия была такого содержания. На берегу пруда, на углу Большой улицы, в подвале дома заводладельцев Турчаниновых была печь, которая тоже вытягивала сырой воздух из западной части тела плотины Верхнего, или Казенного, пруда. Для этой цели на особо чтимом счету у заводладельца находился плотинный мастер, который следили за состоянием тела плотины. Он отвечал также и за сохранность каменных и кирпичных подземных сооружений двора горного начальника.

Вот что пишет Павел Петрович Бажов в сказе «Жалованный кафтан»:

«Последняя особенность, а также почти бесконтрольное распоряжение работами требовали, чтобы плотинный был верный человек. Верный, конечно, хозяину... Когда он шел в «жалованном кафтане», этот широкий черный кафтан окончательно закрывал в глазах старика темные стороны его работы».

В левом углу здания, на первом этаже, находилась раскомандировочная комната, откуда рудобой, откатчики, возчики спускались по лестнице на трехсаженную глубину. В северную сторону шла горизонтальная штольня, выходившая в огромное помещение. В шахте работало до ста лошадей. Несчастные животные часто там и умирали, и их закапывали в отработанных забоях. Все они были слепыми. К вечеру их — до тридцати тружениц — поднимали в эту комнату-отстой... С наступлением сумерек лошадей выгоняли на берег Полевой — под плотиной был выход — и гнали отдыхать за речку Казенку, в Медвежьей степь (более раннее ее название — Татарский стан), что находилась перед долгим перекатом на речке Полевой, который назывался Каменная грива.

Однажды в Полевском произошел случай: высоченный тополь в бывшем сквере дома пионеров провалился под землю по самую макушку. Это и была та самая

комната... Сама же шахта - ее ствол - находится в огороде Ручьевых (ул. Школьная, 1).

Лет сорок назад там еще виднелся огромный сруб колодца из толстых лиственок. Со временем он осел вглубь, а шахту завалили навозом и строительным мусором.

В Смешном проулке, за плотиной, жила Софья Владимировна, из девок — Птухина. Так тятенька ее, тринадцатилетнюю девчонку, важивал по темным, гулким, сырým подземельям. У отца была большущая связка кованых ключей, которыми он звенел в темноте, словно отпугивая кого-то. В ее памяти, кроме холода и страха, от того похода ничего больше не осталось.

А о самом провале, который я пытался откопать, вспомнили и поведали вот что.

Оказывается, в голодные годы полевчане ездили зимой торговать медью и в обмен привозили мясо баранины. Возами. В этой-то комнате, холодной и недоступной, хранили общее мясо. Видимо, кто-то надоумил пацанов, и те, спилив решетку, лазили то мясо воровать.

Обращались мы за помощью к сысертскому краеведу Колегову Виктору Михайловичу. Поделались с ним своими открытиями и соображениями. Краевед не только подтвердил наши догадки, но и показал старинные чертежи на провощенной бумаге, где, по его утверждениям, показаны все плотины Сысертского горного округа. Они строились по одной задумке. Все были оснащены одинаковыми тайными ходами, как в гору, так и в господские дома, с искусственной вентиляцией потайных комнат, предназначенных также и для затопления помещений с людьми...

Прошли годы, многое удалось прочесть в книгах о нашем городе. Оказывается, по указу царя Петра Алексеевича Василий Никитич Татищев начал строить медный завод при речке Полевой. Историки датой рождения города называют время выпуска первой продукции. В 1724 году и был выдан первый металл — 173 пуда черновой (неочищенной) меди. Местные башкиры, доведенные самодурством уфимского воеводы до полнейшего отчаяния, пытались изгонять русских с их, башкир, исконных земель. Северная граница Башкирии в нашем районе проходила по правому берегу реки Чусовой, где ныне находится село Курганово. Потому и пришлось Татищеву, горному начальнику, строить в первую очередь свою личную крепость. Вот что пишет Н.Зюев, наш земляк и краевед, в своих «Заметках по истории Полевского района»: «На самой плотине, на Заречной (горной) стороне, построен большой двор «для приезда главного командира» (управляющего Уральскими горными заводами Татищева В.С.) Дом размером 14х6 метров, крыша из теса... Дом управителя больше — 10х10 м. Живет здесь Леонтий Бекетов».

Леонтий Бекетов был комендантом нашей крепости после пуска медеплавильного завода. Он был переведен комендантом Екатеринбургa. Двор командира государевых горных заводов имел избы для отдыха, баню, дровяные и сенные склады, кузницу, подземные укрепления, в которых находились пороховые и ружейные склады. Стро-

ились по тому времени превосходные, отсыпанные песком дороги-тракты. За два с половиной часа долетали экипажи горного руководства от строящегося Екатерининска до Полевой. Караульные, завидя с северной стороны Караульной горы приближающийся кортеж, давали сигнал, и с горы, которая долгое время носила разные названия: Лысой, Плешивой, Караульной, Вознесенской и Думной, — раздавался выстрел из пушки. Залп, слышимый по всей округе, предупреждал о том, чтобы народ празднично не шатался по улицам, чтобы убрали с пути всякую скотину, чтобы родители поберегли детишек. Второй залп извещал народ, что Их Светлость вошли в Божий храм помолиться. Третий — о том, что начальство садилось трапезничать или отдыхать, или давать новые поручения служащим...

Лишь через десять лет были сделаны эскизы-чертежи крепостей нашего Полевского горного округа. Много за это трехсотлетие было позабыто самим народом и затеряно в архивах. Но все равно нет-нет да и даст о себе знать история такими вот провалами в земле, пытаюсь напомнить потомкам о славном прошлом, чтобы мы относились к памяти более ответственно и с любовью. Чтобы не рушили бездумно отголоски старины далекой.

Фотографии предоставлены автором.

Ирина МОРОЗОВА

31 мая в Екатеринбурге прошел очередной ежегодный сплав по реке Исеть «Майский Экстрим-2004».

«Отрыв» ушел в отрыв, но и «Титаник» не затонул

Этот день удался! Солнце высоко, жара 25 градусов, ветерок опять же, чтобы совсем не изжариться, а рядом живительная вода. Догадались, где я? Конечно, на Плотинке, в центре города. С возвышения вживую «орут» рок-музыканты, а по берегу выстроился целый флот судов. Четырех- и двухместные катамараны, байдарки, каяки ждут попутного ветра. В полной «боевой» готовности и их экипажи — спортсмены-водники, они в предвкушении: глаза горят, нервы на пределе. Тут и там мелькают разноцветные спасательные жилеты, каски и румяные от загара и возбужденные (в хорошем смысле слова) лица экстремалов: мужчины, женщины, девочки, мальчики — им от 17 до 40 лет, представители практически всех вузов Екатеринбурга. Всего 46 человек — 18 команд. Сегодня их праздник — музыкально-спортивный фестиваль «Уральский следопыт. Майский Экстрим-2004» — сплав по реке Исеть. Это мероприятие проходит восьмой год подряд, но лишь второй раз официально — при поддер-

жке властей. Старт ожидается через 10 минут здесь же, на Плотинке, а вот финиш — в парке им. Маяковского, это примерно 3 — 4 километра по воде. Подхожу к спортсменам, спрашиваю:

— **Пять минут для прессы есть?**

— Нет! Скоро старт!

— **Как настроение перед стартом?**

— Отлично, отлично!

— Лучше не бывает! — И катамаран «четверка» отплывает от парапета.

— **Как называется ваша команда?** — спрашиваю девушек на двухместном катамаране.

— Еще не придумали. Мы познакомились только два часа назад и решили поучаствовать, — улыбаются Таня, ей 17 и Аня, ей 24 года. Таня участвует первый раз, у Ани это пятые соревнования.

— **Вот так, без подготовки? И надеетесь победить?**

— Нет, просто поучаствовать, ведь это здорово. Уверены, нам понравится!

Со сцены призывно и бодряще звучит ритмичная музыка, и главный судья соревнований, редактор отдела «Встречный ветер» Александр Челноков командует в том же темпе:

— **До старта осталось 30 секунд, 20 секунд, 10... На старт! Внимание! Марш!**

В «пучину» смело ринулись четырехместные катама-

раны, за ними двухместные, следом байдарки и каяки. Первое препятствие — слив на Малышева. Все катамараны его удачно проскочили. Для каяков это тоже плевое дело. А вот байдаркам пришлось хуже: они длинные, встали носами вниз, врезавшись в камни. Но, несмотря на повреждения в обшивке, продолжили гонку. Следующее препятствие — трубы. Впрочем, они встречаются по всему маршруту следования. Предназначенные для переходов или коммуникационные, они тут и там подстерегают спортсменов. Но вода в этом году высокая, так что обносить не пришлось. И с этими трудностями тоже все справились. В полном составе команды ушли к финишу. А мы — зрители, слушатели и болельщики — остались ждать возвращения победителей. Наслаждаемся живой музыкой, пьем холодное пиво, греемся на солнышке. Кстати, традиции живой рок-музыки на фестивале были положены в 2003 году, тогда впервые соревнования спортсменов проходили под выступления молодых коллективов Екатеринбурга. Жителям города и самим музыкантам фестиваль пришёлся по душе, поэтому решено было сделать его ежегодным. Попав под эгиду журнала «Уральский следопыт», гонка из просто спортивных соревнований превратилась в настоящий городской праздник.

«Майский Экстрим-2004» более насыщен музыкой. Забегая вперед, скажу, что продолжался концерт целых пять часов. На сцену одна за другой поднялись семь команд, в том числе и специально приглашённые гости из Кургана и Тюмени. И та и другая из групп-гостей уже известна в Екатеринбурге. Коллектив «Perpetuum Mobile» неоднократно играл на открытых площадках и клубах города. Группа «Нева» теперь уже транзитная команда: Тюмень — Санкт-Петербург. За плечами у ребят восемь записанных альбомов. Стоит ли говорить, что послушать музыкантов собралось довольно много народа. Но вернемся к главному действу — водному ралли. До финиша еще далеко, и я с вопросом: — **Как впечатления от увиденного?** — отправляюсь в массы.

Денис, 30 лет:

— На таком зрелище первый раз, зашел случайно. Молодцы ребята, зажигательно «стартанули».

Галина Дмитриевна, работник школы, 65 лет:

— Вы знаете, я удивлена: столько молодых людей, в глазах — заинтересованность. Я думала, в наше время только девчонки к чему-то стремятся, а оказывается, нет. Это очень радует. Самое интересное, что и музыка современная не раздражает. И внучке моей Наташе все понравилось.

Оксана, 25 лет:

— Пришла поболеть за своих знакомых. Удачи желаю всем. Но точно знаю: победит «Зеленая гадина»!

Забегая вперед, скажу, что «Зеленая гадина» пришла второй. Но пока нам об этом не известно, и мы ждем. Вон на солнышке дремлет судья соревнований Катя. Иду к ней.

— **Как самочувствие, какие прогнозы?**

— Отличное. Прогнозов нет, ведь сплав — дело неожиданное, экстремальное. Но две команды со старта ушли хорошо, думаю, будут в лидерах. Сама бы с удовольствием поплыла, но людей не хватает, вот и приходится «жюрировать».

— **Да что вас всех туда так тянет? Вода грязная, холодная еще, а не дай Бог перевернешься — сразу с головы до ног вымокнешь.**

— Вымокнуть не страшно, а даже весело, не зря же праздник называется «Экстрим». Да вы сами попробуйте, это здорово — столько адреналина!

Разве я могу отказаться, если предлагают? Конечно, нет! Тем более, что неподалеку «резвился» Алексей на своем игровом каяке, в гонках он не участвовал, и я успела с ним познакомиться и поговорить. Он любезно согласился одолжить мне свой каяк на непродолжительное время, да еще и проконтролировать, чтобы не утонула. Что вполне могло со мной случиться, ведь на каяке я не плавала ни разу. А у этой лодочки есть пренеприятнейшая (для меня, неумехи) особенность: при малейшем резком движении она переворачивается кверху дном и встает, как поплавок, а ты оказываешься под водой, да еще и вниз головой. Если ты профессионал, то тут же вынырнешь на белый свет, как утка нырок, а если нет,... Поэтому Алексей и пообещал меня подстраховать, а в случае чего спасти. И вот я, одетая в зеленень-

кий спасательный жилет, синенький шлем, сажусь в оранжевенький каяк. **«Коленки врозь, пятки вместе!»** — командует Алексей. Подчиняюсь и в позе «лотоса», по возможности удобно, устраиваюсь. Солнышко светит, музыканты поют, а как жить хочется... Публика на мосту ждет от меня зрелища. А я, спущенная на воду, пытаюсь понять, как же работать веслом, чтобы не крутиться на месте, а двигаться, как профи, вперед. Подо мной водная гладь, хоть и неглубоко, а все равно страшно. Лодочка выплясывает свой танец отдельно от меня. Вправо, влево, вперед, назад. Бульк — чуть не перевернулась, замерла, жду, когда мое судно успокоится. Снова работаю веслом: левая рука, правая. Получилось! Я плыву вперед, никуда не сворачивая, целых 30 секунд. Оп! Снова резкий всплеск весла, и опять чуть не перевернулась. «Кровожадные» зрители на мосту только этого и ждут. Не дождетесь! Им весело, им смешно, как неуклюже выгляжу я в своем каяке. Ну и пусть! К концу десятой минуты я почти научилась управлять водным транспортом. Мне даже захотелось пройти слив на Малышева. Но тут с финиша потянулись настоящие спортсмены, участники гонки. Пришлось вспомнить, что я все-таки журналист, а не водный гонщик, и на этом празднике жизни работаю. Вылезаю из каяка, с которым мы уже почти подружались, и, вся мокрая, но довольная, отправляюсь «пытать» прибывших экстремалов.

— Как настроение после финиша?

— Отлично!

— На старте отлично, на финише отлично, неужели победили?

— Всех не победили, но и не последними пришли. Настроение бодрое, главное ведь, что свои силы проверили.

— А результаты уже известны? Кто пришел первым?

— Наверняка команда «Отрыв» победила.

Иду искать «Отрыв». Нашла. Молодой симпатичный парень Леха, один из четверки лидеров.

— Знаете уже, кто победил?

— Думаю, мы. Наш катамаран уже со старта ушел с большим отрывом, скорость была примерно 8 км. в час. Так и шли впереди одни. Финишировали, вытащили на берег катамаран, спустили воздух из гондол, и только тогда стали приходиться остальные.

— Долго готовились?

— Особо не готовились, но участвуем в третий раз — опыт, — деловито заявляет Леха.

— Лидеров прошлой гонки знаете?

— Да вон они сидят.

Иду к ним. Дима, один из победителей прошлогоднего экстрима, выглядит измученным. В этом году его команда называется «Титаник».

— Дима, как настроение?

— Шли на пределе, устали. Конечно, хотели победить. Кроме меня все новички, на трубе двое упали. Но не жалеем, что участвовали, все довольны, впечатлений масса.

— Может, название неудачное придумали. Ведь как лодку назовешь, так она и поплывет. Вон «Отрыв» уже на старте оторвался...

Из истории праздника

Команды перед стартом

Идея проведения водных соревнований возникла 8 лет назад. Александр Челноков, работавший тогда заместителем председателя туристического клуба УрГУ и одновременно директором детского туристического клуба «Тремп», предложил организовать дружескую встречу между двумя клубами. Заранее выбрали, осмотрели и, где надо, очистили трассу: от Плотинки до парка им. Маяковского; и 23 мая 1997 года состоялся первый сплав. Тогда победил клуб УрГУ (спортсмены этого клуба сохраняют традицию и побеждают по сей день). Сами же соревнования понравились обеим командам, да и болельщикам, зрителям и журналистам, которых тоже не забыли пригласить. После удачного завершения праздника решили проводить соревнования каждый год. Участников становилось все больше, зрелище масштабнее. В этом году, уже второй раз, соревнования проходят совместно с рок-фестивалем.

Проведение показательных спасработ.

— Да нет, предрассудки все это, просто не повезло. А название у нас хорошее — «Титаник»!

Так прошли еще полчаса. Все участники гонки перемещались. Под музыку рок-музыкантов делились впечатлениями, опытом, пили пиво, в общем, ловили кайф. Тут же на берегу можно было посмотреть и купить спортивное снаряжение: палатки, рюкзаки, надувные лодки... Импровизированную выставку устроили спонсоры «Майского экстрима», производители и представители на рынке того самого снаряжения, фирмы «Триал-Спорт» и «Век». Последняя, кстати, еще и свою команду снарядила для участия в сплаве. А фирма «Триал-Спорт» устроила показательные выступления роллеров. За всем этим деловито наблюдали сотрудники службы МЧС: не пришлось бы кого спасать. Но спасать никого не пришлось. Праздник благополучно завершился. Музыканты допели последнюю песню и освободили сцену для объявления и награждения победителей. И так...

Первое место в классе судов «четырёхместный катамаран» заняла команда «Отрыв»: Андрей Серебряков, Антон Хрустов, Денис Овсянников и Алексей Шинкарен-

Слив на Малышева.

ко. Их время прохождения трассы — 24 минуты.

Первой среди двухместных катамаранов пришла команда «Тремл»: Виталий Медведков, Сергей Рымкевич; время — 23 минуты.

Среди байдарок победил экипаж: Владимир Доценко и Роман Новых — 36 минут.

На каяке, как и ожидалось, первым пришел мастер спорта Сергей Муравьев, время — 22 минуты (гордость Екатеринбурга, обладатель кубка России по водному туризму); он же победил и в классе ветеранов — шутка ли, для него это восьмой сплав. Всем победителям и призерам вручили дипломы и памятные призы.

Специальные призы от «Уральского следопыта» получили: Наталья Лобзова, самая молодая участница, 16 лет (сплавлялась вместе с папой на двухместном катамаране); и самая экстремальная команда «Век». Они участвовали в ралли вчетвером на шестиместном катамаране, который сами же и сделали. Для их судна, предназначен-

Разминка.

ного для походов по валовым, все препятствия стали настоящим экстримом: при прохождении труб один из членов экипажа упал с катамарана и проскочил под трубой. К счастью, для него все закончилось благополучно, и команда в полном составе продолжила гонку. В общем, праздник удался — это очевидно! А все благодаря организаторам: туристическому клубу УрГУ (на нем лежала вся спортивная часть праздника) и журналу «Уральский следопыт» (он отвечал за шоу программу). Победителей бурными аплодисментами приветствуют зрители, болельщики и коллеги по сплаву. Последнее построение — и спортсмены расходятся по Историческому скверу: кто праздновать победу, а кто просто пообщаться. Расставаться никому не хочется, ведь следующего «Экстрима» ждать целый год. Кстати, в следующем году я тоже решила сплавляться и попробовать свои силы на сливе, а дальше — в бочку... Что это такое? А об этом я расскажу после соревнований, когда сама все попробую. Так что, до скорой встречи на Экстриме — в мае, июне, июле... Да какая разница, лишь бы драйва побольше!

Финиш.

УРАЛЬСКИЙ
снегоньим

ЛЕСА УРАЛЬСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Темнохвойная горная тайга, как указывалось в предыдущей статье, начинается с высоты 600 м и поднимается до 1300 м. Широколиственные леса из липы, клена, дуба и вяза преобладают на западном склоне и доходят до высоты 400-500 м. Береза встречается в основном на восточных склонах и доходит почти до горных вершин средней высоты.

Ближе к вершинам гор леса переходят в низкорослое подгольцовое редколесье, выше которого начинаются гольцы и горные тундры.

Евгений Савенко
Фото автора

Пихта
на высоте 1000 м

Предгорье Иремеля
Ель, сосна,
лиственница

Хребет Бакты
Береза, сосна, ель,
лиственница

Дальний Таганай
Редколесье

К вершинам Юрмы
поднимаются ель,
береза и рябина

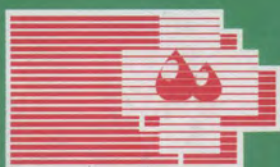

Хребет Уреньга
Редколесье и
подгольцовая зона

Хребет Ицыл
Редколесье и
горная тундра

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной клинический
психо-неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР